

ТЗ(4/9)
А19

Р. А. А В Е Р Б У Х

ЦАРСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В БОРЬБЕ С ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

ОГИЗ - СОЦЭКГИЗ - 1935

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ

Р. АВЕРБУХ

**ЦАРСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ
В БОРЬБЕ С ВЕНГЕРСКОЙ
РЕВОЛЮЦИЕЙ
1848—1849**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА
1935**

По техническому недосмотру в книге не помещена следующая аннотация:

Работа т. Авербух посвящена малоисследованному моменту в истории западноевропейских революций 1848 г. Она дает характеристику реакционной роли русского царизма, выступившего в роли „мирового жандарма“ в борьбе с революцией. Вместе с тем в ней даются новые данные о самой венгерской революции.

Работа построена на новом архивном материале. Часть неопубликованных архивных документов напечатана в приложении.

Работа рассчитана на научных работников и студентов истфаков.

Редактор *Н. Рубинштейн*

Техред *В. Мартынюк*

Сдано в набор 3/XII 1934 г. Подписано в печать 13/VI 1935 г. Формат 82 × 111₃₂. 20³/₄ печ. л. 10³/₄ бум. л. Тираж 5 000. Огиз № 1437. Заказ 5251. Уполномоченный Главлита В—1725. Цена книги 4 руб. Переплет 1 руб.

ЛЮДВИГ КОШУТ
(1802—1894)

Адвокат и журналист, министр и глава буржуазного революционного правительства Венгрии в 1848—1849 гг. В момент кризиса революционной борьбы сдал власть Гёргею и уехал в Турцию, откуда эмигрировал в Лондон. В дальнейшем занимался публицистической деятельностью.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРЕДПОСЫЛКИ ЦАРСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В ВЕНГРИИ

I

«Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма. Для священной травли этого призрака соединились все силы старой Европы: папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские»¹. Царизм и господствующий класс России — помещики — были испуганы европейской революцией. Русский министр Нессельроде писал в одном из писем русскому послу в Австрии Фонтону следующее: «Бог знает, что выйдет из того, что началось. В 1848 г. — буря, в 1849 г. — качка. Я боюсь как бы не продолжалось это долго и что уже никогда в течение нашей жизни мы не будем иметь больше спокойствия на политическом горизонте. Брожение умов гораздо заразительнее, чем холера. Кто мог бы думать, что немцы окажутся еще более сумасшедшими, чем французы. Один бог знает, что произойдет из этого хаоса, который произвела в этих двух странах февральская революция. Единственный, кто мог бы произвести чудо восстановления порядка и спокойствия, — это Луи Бонапарт»². А другой царский дипломат, поэт и видный идеолог российских крепостников Тютчев предвещал близкое столкновение двух «истинных держав» в Европе — революции и России, от исхода которого зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества.

Для Тютчева все будущее человечества было воплощено в николаевской монархии. В европейской революции царизм

¹ Маркс и Энгельс, Манифест коммунистической партии, Соч., т. V, стр. 483.

² Nesselrode, Lettres et papiers du Chancelier, t. IX, p. 215.

и помещики основательно усматривали непосредственную угрозу самому существованию русского самодержавия. Такая угроза была вполне реальной — полицейский режим, террор и организованный поход русской реакции не могли уничтожить влияние 1848 г. на ход и развитие классовой борьбы в крепостной России. Обострение крепостной эксплуатации, хозяйственный кризис, возникший под влиянием революции 1848 г., крайне запутанное состояние русских финансов, частые рекрутские наборы вызвали широкое недовольство среди крестьянских масс России. Движение, достигшее особенной остроты в Остзейском крае, в Смоленской, Волынской, Ковенской губерниях, приобретало форму отказа от уплаты податей, отказа от несения воинской повинности, а подчас выливалось в массовое возмущение, вызывавшее панику среди помещиков и бегство последних из своих имений.

Значительный отклик революция 1848 г. нашла в среде русской разночинной интеллигенции. Торжество революции на Западе находило здесь живое сочувствие, вызывало еще большую ненависть к абсолютистской реакции, к крепостному праву, ко всей николаевской России с ее казарменным строем. В эту среду проникали с Запада и элементы буржуазно-демократических идеологий и утопический социализм в учениях Сен-Симона и Фурье. Движение, как известно, вылилось в организацию различного рода кружков, из которых наибольшую известность получил кружок Бутаевича-Петрашевского, с участниками которого правительство жестоко расправилось¹.

В пределах Царства Польского в 1848 г. также было далеко не спокойно. Боязнь царского правительства за Польшу была вполне обоснованной. Рапорт наместника Царства Польского, относящийся к этому времени, говорит о том, что в Польше то и дело обнаруживались заговоры: в 1847—1848 гг. было раскрыто четыре заговора. «Из них два составились, — как гласит рапорт, — в духе коммунизма вследствие распространения гнусных правил на Западе»². В 1849 г. было раскрыто целых три тайных общества.

¹ Именно страх перед влиянием европейской революции обуславливал жестокие меры борьбы с петрашевцами. В этом отношении интересно совпадение дат — арест петрашевцев был произведен накануне похода в Венгрию, 23 апреля были арестованы петрашевцы, 20 апреля был издан манифест о походе в Венгрию. Манифест опубликован в официальной русской прессе, перевод на французском языке появился в «Journal de Saint-Petersbourg».

² Сб. Русского исторического общества, т. 98, стр. 614.

Всякое революционное движение в Познани и в Галиции грозило переброситься на территорию русской Польши и зажечь здесь бунт, поставив самодержавие перед лицом опасного восстания в собственном доме. Николай в этом вопросе занял вполне ясную позицию, когда по поводу польского «вопроса» писал: «Что-то поляки наши затевают; при малейшей попытке короткий им конец».

Боязнь революционного движения внутри страны диктовала репрессивные меры, «дабы, — по словам Николая, — все попытки дома укротить в самом начале»¹.

Но «охранительная» политика николаевского правительства распространялась и на революционный Запад.

Вопрос о необходимости вмешательства в революцию был решен при первых известиях о революции во Франции. Бегство короля Луи Филиппа из Парижа произвело чрезвычайно сильное впечатление на русское правительство. Немедленно армия была переведена на военное положение, немедленно были отданы приказания о заготовке провианта и фуража². Еще более усиленная подготовка к войне следует после мартовских дней в Германии. Письма царя к Паскевичу за этот период наполнены распоряжениями о передвижении войск и подготовке последних к выступлению (по намерениям царя предполагалось выступить к границам 1 июня)³. Одновременно царь объявлял своим подданным о европейской революции совершенно недвусмысленным вызовом по адресу своего врага — манифестом 14 марта. Подготовка к войне сопровождалась неизбежным усилением административного нажима.

После первых же известий о революции в Австрии и Пруссии во всех пограничных губерниях вводятся военное положение с чрезвычайными полномочиями начальников; последним предписывалось усилить деятельность военных судов, которым должны были подлежать все лица, обнаружившие «действия, противные долгу присяги и совести».

¹ Щербатов, Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т. VI, стр. 201 и 206.

² Прекрасным свидетельством настроения царя и всех приготовлений в связи с предстоящей войной являются письма самого Николая с пометками Паскевича (см. прил. документы). Письмо Николая извлечено из Военно-исторического архива, см. дело № 5343.

³ Письмо Паскевича Горчакову от 23 февраля. Военно-исторический архив, дело № 5343, л. 50—51. Письмо Николая (без даты) с многочисленными пометками Паскевича. Военно-исторический архив, дело № 5343, л. 75—80.

В дальнейшем первое нетерпеливое желание немедленно пронзить острием русского штыка европейскую революцию сменилось построением целого плана военного похода в Европу с наибольшей для себя выгодой и с наименьшими затратами.

II

Но соображениями «охранительной» политики не исчерпывались предпосылки русского вмешательства в венгерские дела.

Венгерская кампания была продиктована ближайшим образом страхом перед революционным движением. Вместо с тем она была довольно прочно увязана с общей захватнической политикой николаевской России.

Пресловутая «помощь» царизма Австрии имела одновременно своей целью захват Галиции и округление западных границ. Затем перед Николаем встала другая, более крупная задача — захват части турецкой территории. Еще раньше, воспользовавшись возможностью подавить революционное движение в Молдавии, он оккупировал дунайские княжества. Затем перед ним открылась перспектива карательной экспедиции в Венгрию. После завоевания Венгрии и разгрома революции Николай готовился стать полным властелином Европы и самостоятельно, без всякой помощи Англии или Австрии, решить судьбу Турции. Каннинг, английский посол в Турции, так именно и понимал позицию России в восточном вопросе. Он писал Пальмерстону, что вся венгерская война есть не что иное, как переходная ступень наступления России на Константинополь. «Сдача при Вилагоше — это первый этап завоевания Константинополя; конфликт, связанный с вопросом о политической эмиграции, — это второй этап того же пути»¹.

Тенденция николаевского правительства к расширению рынков сбыта и к завоеванию Константинополя несколько позже, а именно в 1853 г., была намечена Марксом, который указывал, что «царь, недовольный и озлобленный тем, что вся его громадная империя ограничена только одной единственной гаванью для вывоза... борется за осуществление плана своих предков: получить доступ к Средиземному морю. Одну за другой отделяет он от тела Оттоманской империи ее наиболее отдаленные части и собирается продолжать

¹ *Sproxtton, Palmerston and the Hungarian revolution, 1919, p. 116.*

таким образом, пока наконец Константинополь — сердце — не перестанет биться»¹.

Стремление к расширению и захвату рынков, необходимых для экспорта хлеба и технического сырья, а также стремление подавить ту конкуренцию, которую встречали русский помещик и купец-экспортер со стороны передовых капиталистических стран, определяло внешнюю политику царизма².

Русский хлебный вывоз подвергался весьма резким колебаниям и зависел от состояния урожая в зарубежных странах.

Конкурентами России по вывозу пшеницы и кукурузы были Соединенные штаты, Турция и княжества Молдавия и Валахия.

Для нашей задачи важно учесть ту конкуренцию, которая создавалась для русского вывоза дунайскими княжествами, Молдавией и Валахией; и уже начинавшей играть заметную роль на внешнем рынке — Венгрией.

В лице Венгрии для России вырастала новая конкурирующая величина, пока еще не представлявшая опасности вследствие своей колониальной зависимости от Австрии. Но достаточно было бы Венгрии добиться независимости от Австрии, и она могла бы представить значительно большую опасность как страна, специализирующаяся на вывозе хлеба и технического сырья.

Главным складочным местом для венгерского хлеба и главным транзитным путем в Германию был Эйцек при реке Драве. Отсюда хлеб привозился к реке Кульде в Карлштадт. Затем шел в Фиуме, а из этого порта доставлялся в Триест большей частью морем на каботажных судах.

Более значительной для 40-х годов XIX в. была конкуренция Молдавии и Валахии. Это была плодородная область, которая через свои дунайские порты, Галац и Браилов, сбывала хлеб в Англию, Францию и в разные порты Средиземного моря.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 434—435.

² Россия в эпоху 40—50-х годов переживала начало развития промышленного капитализма. Однако последний не был еще настолько развит, чтобы определять внешнюю политику России и ее агрессивные действия в отношении восточных стран — Австрии, Турции, Молдавии, Валахии и пр. Эта политика определялась феодальными основами хозяйственной и политической жизни России, борьбой с буржуазной революцией, борьбой с конкуренцией, которую претерпевал помещик, и т. д.

Отпуск хлеба из Галаца и Браилова рос непрерывно. Вывоз пшеницы из этих портов в 1846 г. выражался в 513 644 четвертях, а в 1847 г. — в 807 440 четвертях¹.

Наиболее благоприятным годом для русского хлебного вывоза был 1847 год. Он мог бы быть еще более благоприятным, если бы не большой привоз хлеба из Молдавии и с Ближнего Востока.

В 1846 г. из России было вывезено пшеницы в Англию, Францию и в разные порты Средиземного моря на 161% больше, чем из дунайских стран и с Леванта, а в 1847 г. только на 33%. В 1847 г. в сравнении с 1846 г. привоз пшеницы из этих мест увеличился на 152%, а из России только на 29%. Вывоз хлеба из дунайских портов быстро возрастал. Возрастала также и сбыт хлебных запасов Венгрии через Фиуме и сигнализировал об угрожающей опасности со стороны стремящейся к независимости Венгрии, проектировавшей соединение своих хлебородных областей с средиземноморскими портами (таковы были проекты Кошута перед революцией и в революцию 1848 г.). Венгерский хлеб мог стать ощутительным конкурентом русской пшеницы на ближайших к Триесту рынках.

Таким образом, если русские помещики вывозили хлеб, то встречали конкуренцию со стороны Турции, дунайских княжеств — Молдавии и Валахии, а в перспективе была также конкуренция со стороны борющейся за независимость Венгрии.

Русская пенька встретила конкуренцию как со стороны Италии, так и со стороны Венгрии.

Территория Франции была ареной конкурентной борьбы венгерской, итальянской и русской пеньки. Русская пенька шла главным образом в Англию, но в определенной части она направлялась как в северную, так и в южную Францию.

В конце 40-х гг. усилившийся сбыт венгерской пеньки, доставлявшейся из адриатических портов австрийской империи, ограничил потребность в привозе этого сырья из Италии, а отчасти из России.

Вывоз русской пеньки на европейский рынок в 1837—1839 гг. составлял 42%, итальянской — 55%, прочей — только 3%. А в 1844—1846 гг. эта пропорция значительно изменилась. Количество вывозимой венгерской пеньки до-

¹ *Небольсин*, Статистическое обозрение внешней торговли России, СПб 1850, ч. 1, стр. 151 и сл

стигло 31%, количество русской уменьшилось в сравнении с предыдущим периодом до 31%, итальянской — до 34%. Как итальянская, так особенно венгерская пенька успешно конкурировала с русской¹.

Русская шерсть конкурировала как с турецкой шерстью, так и с австрийской и венгерской.

Россия специализировалась на вывозе простых сортов шерсти, она доставляла на рынок 30% всего количества шерсти.

Однако уже к 40-м годам этому преобладающему положению России в отношении вывоза простых сортов шерсти положен был предел со стороны успешно конкурирующих австрийской и венгерской шерсти.

Ареной конкурентной борьбы были бреславльские и берлинские шерстяные ярмарки, где происходила главная реализация всей шерсти, привезенной из России, Царства Польского, Венгрии, Галиции и других австрийских владений. Отсюда она направлялась на немецкие фабрики².

В результате конкуренции к концу 40-х гг. русская шерсть была вытеснена с германского рынка австрийской и венгерской³.

Помимо конкуренции в вывозе хлеба и основных статей технического сырья Россия встретила конкуренцию в вывозе скота. Скот составлял важную статью заграничной торговли. Вывозился он главным образом из Новороссийского края.

Статистик Скальковский отмечает, что «было время, когда через Бессарабию на молдавскую или австрийскую границу пригоняли до 1000 штук рогатого скота и лошадей, из которых едва $\frac{1}{3}$ шла из других частей империи кроме Новороссийска. Теперь число это значительно уменьшилось по причине развития собственного хозяйства и собственной торговли в Молдавии и Валахии, куда гонит свои стада и Венгрия...»⁴.

Революционным событиям 1848 и 1849 гг. предшествовал экономический кризис, весьма серьезно отразившийся на европейской торговле.

¹ Небольсин, Статистическое обозрение внешней торговли России, т. II, стр. 30—32.

² Там же, стр. 77.

³ Там же, СИБ 1850, ч. 2, стр. 77.

⁴ Скальковский, Опыт хозяйственной статистики Новороссийского края. Одесса 1853, стр. 348.

Царское правительство использовало европейский кризис 1847 г.—в своих интересах. Вывоз из России хлеба, а также пеньки, льна, сала, соли возрос. По данным «Государственной внешней торговли» за 1847 г. видно, что вывоз хлеба за этот год был необычайно велик. В 1847 г. хлеба в зерне вывезено 10 509 705 четвертей, а сверх того 1 004 165 четвертей ржаной муки. Отпуск последней никогда не достигал такого высокого уровня¹.

В противоположность цветущему состоянию русской торговли в 1847 г. мы наблюдаем в 1848 г. в связи с развитием революционных событий резкий упадок.

Другой том «Государственной внешней торговли», относящийся к 1848 г., рисует совершенно иную картину:

«Внешняя торговля России в 1848 г. при стечении многих неблагоприятных обстоятельств не могла быть вполне удовлетворительной. Последствия коммерческого кризиса, обострившиеся в исходе 1847 г. кредитные обороты на европейских биржах были еще более ощутительны в начале 1848 г., когда февральская революция во Франции и возникшие всякие беспокойства в Германии и Италии произвели общие потрясения в торговле и в развитии всех отраслей промышленности в этих странах и привели там в расстройство все источники народного благосостояния.

«Бедственный кризис в кредитных, финансовых и торговых оборотах, поразивший все государства, взволнованные внутренними смутами, не мог не иметь вредных последствий для внешней торговли вообще, с которой тесно связаны взаимные интересы всех наций. Стесненное положение торговли еще усугубилось от того, что блокада германских портов по случаю военных действий между Данией и Пруссией задерживала купеческое судоходство на Балтийском и Немецком морях... Все эти обстоятельства не могли не подействовать на ход нашей внешней торговли, и влияние их наиболее ощутительно в первой половине 1848 г.»².

Если к этому прибавить сокращение сбыта сырья на заграничных рынках, а также настолько усилившийся отлив русской монеты, что ее пришлось задерживать особым запрещением от 27 апреля 1847 г., то картина потрясений,

¹ «Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1847 г.», Отчеты, издаваемые департаментом внешней торговли, СПб 1848, стр. IV.

² «Государственная внешняя торговля в разных ее видах», СПб 1849, стр. III—IV.

которые испытывала русская торговля в 1848 г., будет довольно яркой.

Ряд интересных сведений о влиянии кризиса 1847 г. и революции 1848 г. в Европе на русскую торговлю дает донесение русского консульства из городка Броды. Консул отмечает, что европейский кризис 1847 г. отразился благоприятно на торговле хлебом.

Масса хлеба «отправлена была в южную Галицию, Краков и Силезию, где с powodu совершенного недостатка в хлебе таковой дорого были продаваемы»¹.

В отношении других товаров кризис обнаружился здесь однако несколько ранее, чем в других торговых пунктах. Уже 1847 год оказался не очень благоприятным.

Любопытно, как консульство объясняет эту неблагоприятную для русской торговли ситуацию. «Обращая всеобщий взгляд на торговые обороты сего года, в течение всего 1847 г., сказывается, — сообщает консульство, — что таковые в сравнении с прежними годами были не очень благоприятными как с причины угнетавших большую часть Европы дороговизны и недостатка в деньгах, так с powodu последовавших банкротств, кои, к счастью здешних купцов, хотя не были для них очень чувствительными, но требования на русские товары значительно уменьшили. Равномерно и иностранные товары не в значительности были отсель в Россию вывозимы, ибо с сего последнего powodu всякие купцы действовали с осторожностью, но много также препятствовала торговле холера»².

Естественно, что царское правительство было обеспокоено состоянием русской торговли. Это явствует из инструкции консулу, в которой говорилось, что, несмотря на революционные события, русский консул и агенты во Франции должны оставаться на месте, французские же — спокойно оставаться в Москве.

Каково же содержание всех инструкций дипломатическим агентам? Нессельроде сообщает австрийскому посланнику Фонтону, что мартовская революция ничего не меняет в торговле сухопутной и морской, которую иностранные государства ведут с Россией³.

¹ Секретное донесение Нессельроде имперским российским консульством в Бродях 26 января — 7 февраля 1848 г. Министерство иностранных дел.

² Там же.

³ *Nesselrode, Lettres et papiers du Chancelier*, v. IX, p. 77.

III

Однако боязнь «революционной заразы» была сильнее заботы о преуспевании русской торговли.

Одновременно с вышецитированным заявлением Нессельроде, что революция ничего не изменяет в торговых отношениях России, мы имеем совершенно противоположное заявление, где Нессельроде сообщает, что «к некоторым личностям однако мы не можем проявлять толерантности, что мы должны считать их товары как бы зачумленными и переправка их внутрь страны является небезопасной и должна подвергаться особому просмотру»¹.

Борьба с революцией привела к ограничению свободы передвижения, а подчас приводила и к полному запрещению торговых сношений с Россией стран, где происходил подъем революции.

В свое время Павел I совершенно запретил ввозить товары из революционной Франции.

Николаевское правительство на такую решительную меру пойти не могло. Оно пошло по пути частичных изъятий, ряд любопытных свидетельств о которых мы находим в переписке наших министерств.

Русское правительство издает запрещение вывоза из России хлеба, лошадей, рогатого скота, которые были закуплены в Бессарабии австрийскими купцами. Это было сделано немедленно после мартовских дней в Австрии, 23 марта.

Выпуск этих товаров разрешался только, если будут представлены доказательства, что последние были закуплены перед изданием указа.

Тогда немедленно австрийский посол в России барон Лебцелтерн начал ходатайствовать об устранении упомянутых затруднений, причем доказывал, что если вышеупомянутая мера останется в силе, то австрийские купцы, претерпев значительные убытки, не будут в состоянии выполнить свои обязательства в отношении русских купцов.

Ходатайство австрийского посла было направлено в министерство финансов. Последнее направило соответствующее отношение в департамент внешней торговли. Личное ходатайство Лебцелтерна было направлено к Нессельроде.

Русское правительство все же осталось при своем запрещении, причем указывало, что если товар должен вы-

¹ Nesselrode, op. cit., v. IX, p. 78.

везти иностранный купец из России, то он должен представить особое свидетельство местного гражданского начальства о том, что вывозимый предмет действительно куплен до обнародования высочайшего повеления о запрещении отпуску хлеба.

Если же русский купец должен был привезти иностранные товары в Россию, то он также должен был представить соответствующие доказательства о времени их покупки в виде различных контрактов, заключенных за границей с тамошними промышленниками, причем эти контракты должны были быть засвидетельствованы русскими консулами¹.

Чрезвычайно интересны те изменения в выдаче паспортов австрийским купцам, которые были проведены немедленно после революционных событий 1848 г. Была установлена сложная процедура для въезда австрийских купцов в Россию. Каждый купец, прежде чем поехать в южную часть России, должен был предъявить свой паспорт посольству в Вене, ибо в австрийских владениях, близких к пунктам границы, не было русского консульства.

Австрийские купцы обращались конечно с ходатайством в австрийское министерство об отмене всех этих стеснений.

Австрийский министр Буль в свою очередь через австрийского посла в Петербурге обращался к Нессельроде, с тем чтобы последний содействовал облегчению въезда в южную Россию, в Бессарабию и Польшу австрийских купцов.

Это дело было направлено в Третье отделение. Началась длиннейшая переписка, которая продолжалась до 1851 г.

Любопытное заключение было дано Третьим отделением, которое уже в 1851 г. отклонило ходатайство австрийского посла в Петербурге Лебцелтерна со следующей формулировкой:

«Имею честь сообщить вам, милостивый государь, что, разделяя вполне мнение ваше об отклонении сего ходатайства барона Лебцелтерна, я по шаткому еще положению политических дел нахожу совершенно невозможным удовлетворить оному»².

Очень долгое время сохранялось такое положение, что пограничное губернское начальство должно было снабжать купцов особыми билетами, и так как боязнь проникновения

¹ Главный архив. Министерство финансов. Департамент внешней торговли. Отделение 1-е. Стол 2-й. 1848. 2-я папка.

² Департамент внешней торговли. Главный архив.

революционеров была велика, то над ними учреждался еще полицейский надзор, для того чтобы при первом дошедшем до начальства сведении об их неблагонадежности отказывать им в пропуске из-за границы или, если они уже были в России, немедленно высылать их в Австрию¹.

Боязнь революционной заразы и здесь сыграла решающую роль и обуславливала еще большее углубление наметившегося кризиса.

Стремление изолировать крепостническую Россию от всякого влияния западноевропейского буржуазного революционного движения диктовало агрессивную политику Николая I. Сейчас же за февральской революцией царизм готовится к выступлению.

Препятствием для немедленной интервенции служит неудовлетворительное состояние финансов: уменьшение государственного дохода вместе с увеличением военных расходов давали дефицит. Жалобы на состояние финансов не умолкают в письмах Николая:

«Смета меня ужасает, и я не знаю, как изворотиться, потому я ищу способов уменьшить»². «Теперь скоро время к сметам, это меня сильно беспокоит; я не знаю, право, как выпутаемся», — писал он в октябре 1848 г.³.

Действительно, в 1848 г. положение финансов было самое плачевное. Дефицит равнялся 7700 тыс. руб. Он в значительной степени увеличился в 1849 г. Сильно увеличились военные расходы. Последние дошли в 1849 г. до 61 854 507 руб. Содержание войск на военном положении и поход в Венгрию обошлись в 24 174 625 руб., что вместе с деньгами, израсходованными для той же цели в 1848 г., составляло 41 794 768 руб.

Дефицит 1849 г. был равен 29 247 566 руб. Правительство в борьбе с финансовыми затруднениями прибегло к выпуску новых казначейских билетов. 30 июня 1849 г. было выпущено на 15 млн. руб. серебром казначейских билетов. 10 августа 1849 г. по случаю выступления русских войск для подавления венгерского восстания этот выпуск был повторен. Было выпущено семь разрядов билетов по 3 млн. каждый.

¹ Донесение Сенявина Вронченке. Главный архив, Г1—3, № 8, 2^е мая 1850, № 4969.

² Щербатов, Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Письмо от 12 августа 1848 г.

³ Там же, письмо от 12 октября, стр. 26).

Однако эти мероприятия были недостаточны.

Русское правительство должно было обратиться к чрезвычайным займам и после окончания венгерской войны прибегло к займу в Англии в сумме 35 200 руб.

Итак, агрессивная политика царского правительства, приведшая к интервенции в Венгрии, к захвату Молдавии и Валахии, в основном определялась защитой политических интересов дворянства и его классовой заинтересованностью в подавлении европейской революции, предвещавшей близкий конец крепостнического порядка в России. Интервенция именно в Венгрии совпадала и с известными экономическими интересами помещичьего класса, заботившегося о преодолении конкуренции в отношении вывоза хлеба и технического сырья посредством расширения рынка. Глава реакционного феодального священного союза, Николай I организовал вооруженный поход против буржуазной революции в Европе.

IV

Но, намереваясь организовать интервенцию, Россия должна была считаться с позицией в отношении похода западноевропейских держав — Англии, Франции, Германии; Россия действовала в определенной международной обстановке, знакомство с которой необходимо для понимания основных событий 1848—1849 гг.

В дипломатических отношениях между Россией и Англией в конце 40-х гг. можно наметить две эпохи: первая — с начала 40-х гг., с момента заключения июльской конвенции 1841 г. до конца венгерской войны, вторая — с конца венгерской войны до крымской войны. Исходными пунктами англо-русских отношений 40-х гг. были Унклар-скелесский договор 1833 г. и вторая Лондонская конвенция 13 июля 1841 г.

Крупным дипломатическим успехом николаевской России был, как известно, Унклар-скелесский договор 1833 г., превращавший турецкого султана в сторожа при проливах на службе России. Султан был обязан закрывать Босфор и Дарданеллы по русскому требованию для всех держав кроме России. «В случае выполнения этого договора, — говорил М. Н. Покровский, — Россия имела бы на Черном море громадный, совершенно закрытый плацдарм, откуда русский флот мог бы держать под страхом всю восточную часть Средиземного моря, сам будучи застрахован от вся-

кого нападения»¹. Необходимо прибавить к вышесказанному, что Петербургской конвенцией 17 июля 1834 г. устанавливались взаимоотношения России и Турции на территории дунайских княжеств. Турция не могла смещать господарей княжеств без согласия России, господари имели право организовать карантин против Турции, содержать определенное количество войск. Конвенция устанавливала *Règlement organique* — собрание всех законов и статуты, которые должны были охранять княжества от влияния Турции².

По Петербургской конвенции Молдавия и Валахия становились в вассальную зависимость от России, а по Унклар-скелескому договору эту вассальную зависимость пытались распространить на самого турецкого султана. Такого преимущества России никто из ее противников потерпеть не мог. Чтобы сохранить его, русскому правительству пришлось бы вести войну, но Николай не чувствовал себя готовым к войне, и потому ему пришлось идти на соглашение с Англией, по которому русский флот должен был совместно с английским защищать Константинополь от египетского короля Магомета Али (1840 г.).

Франция была изолирована в результате этого соглашения. Положение русского правительства значительно ухудшилось, когда Магомет Али заключил с султаном мир: защищать оказалось уже некого и перед лицом сомкнутого круга держав приходилось сдавать свои позиции. В июле 1841 г. в Лондоне на так называемой второй Лондонской конференции состоялось соглашение между европейскими державами. Россия должна была отказаться от Унклар-скелеского договора, а вместе с тем и от права посылать в Босфор свои военные корабли. В основу договора было положено старинное правило османского государства, по которому проход через Дарданельский пролив и Босфор остается навсегда закрытым для прохода всех военных кораблей как в ту, так и в другую сторону³. Привилегированное положение было утеряно Россией, и Николаю пришлось убедиться в том, что, не столкнувшись с Англией, он не сможет осуществить свои агрессивные планы.

¹ М. Н. Покровский, Восточный вопрос, БСЭ, т. XIII.

² Розен. История Турции от победы реформы в 1836 г. до Парижского трактата 1856 г. С.-Петербург 1872, стр. 228.

³ М. Н. Покровский, Восточный вопрос, БСЭ, т. XIII.

Чтобы договориться по всем вопросам, царь не замедлил побывать в Лондоне, чтобы там договориться с правительством Англии об основных моментах внешней политики и главным образом относительно своих восточных дел. Было установлено, что в случае падения Османской империи Россия и Англия ничего не предпринимают иначе как по взаимному соглашению. С этого момента Англия сохраняет нейтралитет при осуществлении Россией своих завоевательных планов. Последнее особенно ярко сказалось при подавлении царем революции в дунайских княжествах. Первые шаги царя по завоеванию Молдавии и Валахии были одобрены английским кабинетом. В начале 40-х гг. царь смещает господаря Гика, оказавшего ему сопротивление, и организует вмешательство во внутренние дела Валахии. Все это продлевается с одобрения английского кабинета. В 1848 г. сохраняется, как мы увидим в дальнейшем (см. гл. II), то же положение. Англия сохраняет нейтралитет при оккупации царем дунайских княжеств.

Прислужничество Пальмерстона перед русским царизмом было блестяще разоблачено Марксом. Недаром «Новая рейнская газета» ставила задачу свержения англо-русского рабства. Интервенция в Венгрии была для Англии поворотным пунктом; после подавления царем венгерской революции значительное усиление царизма изменило отношение Англии к завоевательным планам царя. Отказ Англии от нейтралитета вызван был в основном двумя факторами: во-первых, Россия после подавления венгерской революции задумала осуществить свои планы относительно завоевания Турции без предварительного соглашения с Англией; во-вторых, Россия действовала не одна, а совместно с Австрией, которую после покорения Венгрии царь рассматривал как подчиненную себе державу. «Когда я говорю Россия, я говорю также и Австрия», — пояснял царь английскому послу во время их беседы накануне крымской войны.

Общая опасность русского влияния заставила Англию столкнуться с Францией относительно совместного выступления по отношению к Турции. Словом, уже в конце 1849 г. в столкновении по вопросу о польско-венгерской эмиграции в Турции мы видим ту группировку держав, которая была в крымскую войну, т. е. Англия и Франция выступают против России.

Правда, в комбинациях 1849 и 1853 гг. есть весьма существенное различие — это позиция Австрии. В 1849 г.

она действительно была послушным вассалом, в 1853 г. она сохраняет нейтралитет, дружественный Англии и Франции. Своеобразную позицию в этой борьбе занимала Франция. Ее положение промышленной страны заставляло ее постоянно конкурировать с Англией. Известной отдушиной была экспансия Франции на восток, в Турцию.

Однако при продвижении на восток Франция должна была встретить в качестве конкурента как Англию, так и Россию. На почве общего ревнивого отношения к восточной политике царя уже в 20-х гг. XIX в. создался англо-французский союз, однако очень часто нарушавшийся. На протяжении всей первой половины XIX в. для французского кабинета восток был такой фигурой в игре, которой он делает шах то одному, то другому своему противнику, — то Англии, то России. Заключение июльской конвенции 1841 г. знаменует назревание новых международных комбинаций.

Выступление Франции в защиту египетского вице-короля Магомета Али, против которого боролась Англия, было шагом против Англии, который совпал с обострением англо-французских противоречий на почве борьбы за африканские владения (победа французского генерала Бюжо над Абдель Кадиrom была первым шагом Франции по пути овладения Марокко и Тунисом). В итоге июльская конвенция 1841 г. была заключена без Франции, знаменовала разрыв англо-французского союза и была вместе с тем началом более тесных и дружественных отношений между Россией и Англией.

Революция 1848 г. выдвинула перед Россией новые задачи и заставила Николая сговориться с теми державами, в дружественном нейтралитете и поддержке которых он нуждался.

Как это мы знаем из работ М. Н. Покровского, между Николаем и правительством республиканской Франции установились дружественные отношения¹. К последним принуждала Николая вспыхнувшая в 1848 г. датско-прусская война и неизбежно вытекавшие отсюда обострения русско-прусских отношений. С Кавеньяком, с героем французской контрреволюции, у Николая установилась сердечная связь. В дальнейшем вплоть до конца интервенции сохраняется та же

¹ М. Н. Покровский, Ламартин, Кавеньяк и Николай I. Дипломатия и война царской России, 1924, стр. 84.

картина. Признание французской республики было той взятой, которая развязывала руки Николаю в его намерении подавить венгерскую революцию.

Победа над венгерскими повстанцами была началом изменения международной обстановки. Французская республика, так же как и Англия, не могла терпимо отнестись к росту русского влияния. После интервенции наблюдается разрыв дружеских связей между Россией и Францией, и в споре, связанном с польско-венгерской эмиграцией, Франция выступает в союзе с Англией против России.

Международные отношения той эпохи определялись также и стремлением Германии к объединению. Правительство Николая активно вмешалось в германские дела, решало по существу судьбы Германии. В австро-прусской борьбе за гегемонию в Германии Николай стоял всецело на стороне Австрии. «Помощь» Австрии в подавлении венгерского восстания и насильственное присоединение Венгрии к Австрии приводило к полному разрушению всех попыток объединения. Полное подчинение Австрии необходимо было как перестраховка на случай борьбы России с европейскими державами. С кем будет Австрия в будущей европейской распре из-за Турции — было не безразлично и для Англии. Британскому кабинету была нужна единая, нераздробленная Австрия как естественный союзник на востоке.

Участие России в подавлении венгерской революции определило соотношение сторон и преобладание России в отношении влияния на Австрию. Недаром английское правительство было так недовольно той позицией, которую заняла Австрия в восточном кризисе 1849 г.; недаром так сердито звучали слова Пальмерстона в письме к английскому послу в Австрии Понсонби: «Что выиграет Австрия от войны с Турцией, если Турция будет поддержана Англией и Францией? Австрия потеряет свои итальянские провинции, которые для нее так важны, которые она никогда больше не приобретет и вряд ли что-либо приобретет на востоке»¹.

Тем не менее в споре с европейскими державами из-за польско-венгерских эмигрантов Россия выступает не одна, а совместно с Австрией. «Русский медведь, — пишет Марке, — на все способен, в особенности, когда он знает, что другие звери ни на что не способны».

¹ Evelyn Ashley, Life of Lord Palmerston, v. II, 1879, p. 113—114.

Однако все эти противоречия на почве разбойничьих аппетитов обозначились уже позже, когда венгерская революция была разбита. Но в 1848 г. и в начале 1849 г. между державами, в том числе и Англией, существовало полное единство в определении общего врага — буржуазно-демократической революции и народных масс. Царизм мог действовать как жандарм Европы, зная, что ни со стороны буржуазной республики Франции, ни со стороны буржуазной Англии он не встретит препятствий в осуществлении интервенции.

— — —

ГЛАВА ВТОРАЯ

БОРЬБА НИКОЛАЯ I С ЕВРОПЕЙСКИМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ

I

Февральская революция 1848 г. во Франции оказала свое влияние на революционное движение во всей Европе. Революционная волна с невероятной быстротой подняла Австрию, Пруссию, Венгрию и Италию. Официальная Россия в лице мрачной фигуры Николая I настороженно прислушивалась к революционному гулу, раздававшемуся в Европе.

На первое время была выработана «программа-минимум» русского правительства¹. После угрожающего манифеста царское правительство разослало к нему комментарии, где говорилось о невмешательстве во внутренние дела революционных стран. Однако оно не прекращало деятельную подготовку к войне, хотя и не хотело выступить первым. Николай не ждал военных выступлений ни со стороны Пруссии, ни тем более со стороны Австрии. «Мы должны оставаться в оборонительном, почти в кордонном расположении *sur le qui vive*, обращая самое бдительное внимание на собственный край, дабы все попытки дома укротить в самом начале»², — это было первой и главной задачей. Второй задачей, которая в значительной степени определяла отношение к Австрии в эту эпоху, было ограждение своих границ от революционной опасности, которая шла главным образом от галицийской границы.

Русско-австрийские отношения в период, непосредственно предшествующий революции 1848 г., не имели того дру-

¹ См. выше, гл. I, стр. 33.

² Письмо Николая I от 16(28) марта. *Щербатов*, Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т. VI.

⁴ Р. Авербух, Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией.

жественного характера, который приписывает им традиционную точку зрения.

Источники говорят о том, что эта дружба постоянно нарушалась, и нарушалась главным образом на почве торговых отношений: Россия вела неустанную борьбу с австрийской контрабандой на русской границе, Австрия отвечала на это не менее энергичной борьбой против таможенной системы России.

История заключения торгового договора между Россией и Австрией в 1847 г. хорошо освещает эти отношения. Незадолго до 1847 г. Пруссии удалось вырвать у русского правительства ряд уступок в отношении таможенных пошлин на товары, перевозимые из Пруссии в Россию. Двумя указами сената под названием «Окончательные уступки, делаемые Россией в пользу Пруссии» (1842 г.) были понижены пошлины на прусские товары, были открыты новые таможенные и пограничные пункты и сохранен беспошлинный транзит через Польшу (как было установлено конвенцией 1825 г.).

Ссылаясь на эти указы, Австрия требовала тех же преимуществ и для себя. Требования Австрии сводились к следующему: 1) уменьшение пошлин транзита через Броды в Одессу (сухопутный транзит австрийских и венгерских товаров); 2) назначение австрийского консула в дунайском порту Сулине; 3) уменьшение пошлин на товары, направляемые из Австрии в Россию; 4) увеличение количества таможен в Галиции, на границе ее с Царством Польским; 5) свободный переезд через галицийскую границу в Царство Польское и т. д.

Договор 1847 г., несмотря на некоторые, чрезвычайно впрочем незначительные уступки со стороны царского правительства¹, не удовлетворил австрийское правительство.

Особенное недовольство австрийского правительства было вызвано отказом в снижении пошлин на ввозимые товары, нежеланием России увеличить число таможен на границе между Галицией и русской Польшей и недопущением свободного переезда в Царство Польское, которое русское пра-

¹ *Мартенс*, Собрание трактатов и конвенций, т. IV, стр. 551 и сл. Эти уступки состояли в следующем: а) австрийские купцы могли торговать без посредничества русских и без уплаты пошлин, разрешался ввоз австрийских товаров на основе личного поручительства, а не залога, б) на назначение австрийского консула в Сулине русское правительство не согласилось, но согласилось на назначение агента, руководимого австрийским консулом в Одессе для защиты интересов австрийских граждан в Сулине.

вительство мотивировало опасением роста контрабанды, а которое фактически диктовалось необходимостью охраны границ от влияния галицийской революции.

Со своей стороны русское правительство было крайне недовольно тем, что австрийская сторона не принимала достаточно решительных мер против контрабанды, «уничтожение которой соответствует интересам обоих государств»¹.

Так обстояло дело по линии торговых отношений.

Со стороны русского правительства было в прошлом какое-то недовольство и по части политической. Дело в том, что конкуренция Австрии и России за обладание польскими территориями и боязнь русского вмешательства в дела Галиции заставляли Австрию всеми способами оттягивать заключение акта о взаимной гарантии, определявшего условия вооруженного вмешательства на случай восстания в какой-либо из частей Польши.

Только после долгих колебаний, в 1832 г., был подписан договор о взаимных гарантиях, включавший пункт о выдаче политических преступников, на который правительство Николая ссылалось обычно впоследствии в эпоху 1848 г.²

II

Революция 1848 г. вызвала ряд новых разногласий, приводивших нередко к большим обострениям во взаимоотношениях России и Австрии. Галиция, ее роль в революции, а также нарушение Австрией картельной конвенции составляют содержание этих споров.

Галиция в 1848 г. была вся охвачена пламенем восстания.

В первый момент во главе движения здесь стояли исключительно поляки, и огромную революционную роль сыграла сплоченная левая группа польской эмиграции, которая после

¹ *Мартенс*, Собрание трактатов и конвенций, т. IV, стр. 575.

² Этот пункт договора 1832 г. гласит следующее: «Ни одно из лиц, оказавшихся виновными во владениях одной из договаривающихся держав в государственной измене, оскорблении величества, восстании с оружием в руках или же измене, участвовавших в заговоре против безопасности престола и законного правительства, не может находить покровительство или убежище во владениях другой державы. Обе державы обязуются, напротив, принимать самые действительные меры к тому, чтобы лицо, обвиняемое в вышеуказанных преступлениях, не могло укрыться от действия закона и даже распорядиться его выдачей, если бы она была потребована правительством, в подданстве которого находится данное лицо». *Мартенс*, Собрание трактатов и конвенций, т. IV, ч. 1. Трактаты с Австрией, стр. 467.

февральской революции потянулась в главные города Галиции, чтобы использовать удобный момент для борьбы за восстановление Польши. В стороне оставалась польская знать, испуганная движением 1846 г., стоявшая на стороне реакции, за соглашение с австрийским правительством.

Левая радикальная часть польской эмиграции, стоявшая во главе революционного движения в Галиции и Познани, мечтала о войне с Россией в союзе с вновь образовавшимися буржуазными правительствами. В донесениях русского посла в Вене сообщается о прибытии в Вену 27 марта польской депутации из Галиции и о ее петиции новому буржуазному правительству с требованием восстановления Польши. Польское население Вены, сыгравшее в событиях 13 марта огромнейшую роль, радушно встретило эту депутацию.

«В прессе, — сообщает Фонтон, — господствует та точка зрения, что Австрия должна не только отказаться от Галиции, но и помочь Польше бороться за независимость, рассчитывая на Польшу как на оплот против захватов России, предмета всеобщей ненависти»¹.

Такое положение вещей вызывает крайнее возмущение русского правительства.

«Однако быть может, — пишет Николай I Паскевичу, — что при новом австрийском правлении они дадут волю революции, запоят что-либо против нас в Галиции; в таком случае, не дав сему развиться, но именем самого императора Фердинанда займу край и задущу замыслы»².

Все, что делается в Галиции, естественно интересует русское правительство, дипломатия в Вене занята по преимуществу галицийскими, краковскими делами. Первая депеша из Петербурга после мартовских событий дает инструкции русскому послу в Вене Медему следить за позицией, которую займет Галиция в том революционном движении, которое происходит сейчас в австрийской монархии.

«Мы, — пишет русский министр, — призываем австрийское правительство к лояльности и политической проницательности, дабы оно приложило все усилия, чтобы позиция Галиции не сделалась враждебной как для нас, так и для австрийского правительства»³.

¹ Донесение Фонтоня от 27 мая (8 июня). АМИД, Vienne 1848. Папка № 180.

² Щербатов, Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т. VI, стр. 200.

³ Депеша Нессельроде Медему 24 марта (5 апреля). АМИД, Vienne 1848. Папка № 183, дело № 174.

Что касается австрийского правительства, то оно также сознавало необходимость борьбы с революционным движением в Галиции. В этом вопросе оба правительства были вполне единодушны.

Австрийское министерство охотно шло навстречу призывам русского правительства. Преемник Меттерниха, австрийский министр иностранных дел Фикальмон заверял правительство Николая в полной готовности содействовать дружественным отношениям двух империй в Галиции.

Тем не менее попытки австрийского правительства задвинуть революционное движение в Галиции имели чрезвычайно слабый успех. Польские революционеры захватили в свои руки власть, создали свое правительство, свою национальную гвардию. Положение в Австрии внушало все большее и большее беспокойство. Восстание в Праге, объявление независимости Венгрии, вынужденное бегство короля в Инсбрук — все это угрожало распадом Австрии; поэтому тон дипломатической переписки становится все более беспокойным, все чаще и чаще она сетует на бездеятельность австрийского правительства по части охраны спокойствия в своих провинциях, в частности в Галиции и Кракове¹.

Из одного письма Николая к Паскевичу совершенно ясно, какие опасения внушал ему рост революционного движения в Галиции.

«Подробности бывшего в Праге, происшедшего в Венгрии и делающегося в Вене столь же любопытны, как крайне горьки, — пишет он. — Что из всего этого выйдет?.. Можно предвидеть, т. е. падение Австрии, но последствия падения могут быть многообразны.

«Каковы бы они ни были, одно положительно нам важно — это то, чтобы опять не возродилось с согласия или без согласия императора отдельное самостоятельное новое царство в Галиции под именем польского или славянского. Ежели будет так, то я непременно вступлю в Галицию и присоединю древнее сие достояние. Ибо край сей может быть или австрийским, или русским, иного не могу допустить никогда во что бы то ни стало»².

Это письмо проливает свет на значение дальнейших событий, приведших к русской интервенции в Венгрии.

¹ Деспеша, Нессельроде Мему 6 (18) сентября. АМИД, Vienne 1848. Папка № 183, документ № 514.

² Щербатов, Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, стр. 227.

Стремление уничтожить опасность влияния галицийского революционного движения на русскую Польшу и особенно опасность образования польского или славянского государства вместо австрийской Галиции было важным моментом, определявшим действия русской дипломатии¹.

Как австрийское, так и русское правительства пытаются подавить галицийскую «крамолу», но методы обоих правительств были совершенно различны. Буржуазное министерство Австрии боролось путем разжигания классовой и национальной розни, путем натравливания русинских крестьян на польское дворянство. Оно делает уступки крестьянам и уничтожает барщину². Русское правительство не сочувствует этим приемам борьбы. Его методы совершенно иные: быстрое подавление революционного движения, решительное насильственное выкорчевывание галицийской «крамолы». Русское правительство требует со стороны австрийского выдачи польских эмигрантов, выполнения давнишнего условия с Австрией о выдаче политических преступников. Претензии России делаются яблоком раздора между Россией и австрийским правительством.

Австрийское министерство Шварценберга было готово идти навстречу требованиям русского правительства, но встретило противодействие среди радикальной части национального собрания, заседавшего в Вене. Донесение повествует об этом факте следующим образом:

«На вчерашнем заседании Учредительного собрания один из депутатов Галиции Сераковский сделал министру внутренних дел запрос, почему продолжается выдача наших дезертиров и какие меры принимает министерство для прекращения этих бесчеловечных действий (одобрение левой и свистки противоположной стороны). Г-н Добльгоф отметил, что его удивляет продолжение этих выдач после данных по этому поводу повторных указаний». Подобные запросы повторяются неоднократно. Австрийское правитель-

¹ Это же положение развивает D. Janossy в недавно вышедшей брошюре «Die russische Intervention in Ungarn im Jahre 1849. Ungarns Universitätsdruckerei, S. 3. Брошюра написана по материалам венских архивов. Автор настоящей книги познакомился с работой Janossy, когда рукопись уже была сдана в набор.

² Рескрипт 25 апреля отменял в одной только Галиции все платежи и повинности, вытекающие из крепостного состояния; вопрос о вознаграждении помещиков со стороны государства оставался открытым; со своими жалобами отныне крестьяне должны были обращаться не к помещикам, а непосредственно в окружные управления.

ство ведет колеблющуюся политику: то продолжает выдавать польских эмигрантов царскому правительству, то под давлением радикальной части национального собрания прекращает их выдачу.

Колебания австрийского правительства встречают резкий отпор со стороны Николая. На вышецитированной депеше сделана суровая надпись рукою Николая:

«Надо заявить, что если правительство даст ход невероятному заявлению Добльгофа, я прикажу графу Меду покинуть Вену со всей миссией»¹.

Но Медом не покинул Австрии. Это был обычный для николаевского правительства прием, для того чтобы принудить к выполнению его требований. Разрыва не произошло, потому что уже осенью 1848 г. стал обнаруживаться совершенно явственно рост реакционных сил в Австрии, в конце концов приведший к торжеству старого порядка.

Галиция пала первой под ударом реакции. «Либеральному» правительству Австрии удалось справиться с галицийским движением. Подкупив крестьян обещанием реформы, оно натравило их на поляков и развязало себе руки. В Галиции было объявлено военное положение. Краков поднял восстание, которое было беспощадно подавлено. Решительным ударом контрреволюции была взята революционная Вена.

Николай I очень хорошо понимал значение происходящих событий. «Под Веной, — пишет он, — кажется мне, решится, быть ли Австрийской империи или исчезнуть»².

В этот момент вопрос об интервенции был для Николая решенным делом. Вопрос шел о сроке и о поводе к вмешательству. Николаю важно было, чтобы к нему обратились за помощью в случае неудачи; важно было использовать тяжелое положение Австрии, чтобы проделать интервенцию с наименьшими затратами.

После подавления восстания в Вене Николай писал: «Теперь в Вене и в Берлине предстоит не менее трудное дело — уничтожить имя анархии»³. С момента подавления октябрьского восстания между русским правительством и министерством Шварценберга происходит тесное сближение.

¹ Донесение Медема 25 августа (5 сентября). АМИД, Vienne, 1848. Папка № 181. Русское правительство наконец добилось своего: 23 апреля появилось извещение, что впредь через границу будут допускаться лишь те поляки, которые состоят австрийскими подданными.

² Щербатов, Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т. VI, стр. 259.

³ Там же, стр. 261.

III

Если в борьбе с галицийской революцией русское правительство действовало главным образом посредством нажима на австрийское министерство, то с революцией в дунайских княжествах царская власть расправлялась непосредственно, действуя при помощи своих войск. Подавление революции в Молдавии и Валахии было прелюдией интервенции в Венгрии.

В дунайских княжествах сосредоточился, как в фокусе, ряд существенных интересов России. Оккупация княжеств означала захват торговой дороги, дунайских портов, весьма важных для расширения русского хлебного рынка; захват княжеств мог изменить положение России в отношении ее восточных дел, возвратить ей то привилегированное положение, которое определялось Ункиар-скелесским договором (см. гл. I). Оккупируя Молдавию и Валахию, Россия обеспечила себе влияние на Турцию. Это было новой попыткой к продвижению в Константинополь. Дунайские княжества были важным стратегическим пунктом, захват их означал постоянную возможность держать в своих руках Австрию и постоянно угрожать ей.

Следует отметить, что Пальмерстон в своем письме к английскому послу в Австрии Понсонби откровенно высказал эту мысль, прося обратить внимание австрийского правительства на тот факт, что занятие Россией дунайских княжеств может быть угрозой Австрии, что «если вместо слабой Турции сильная держава вроде России будет владеть княжествами, то безопасность Австрийской империи от нападения со стороны ее восточной границы чувствительно уменьшится»¹.

Россия выжидала подходящего случая для захвата дунайских княжеств. 1848 год оказался для этого очень удобным моментом.

Франция была занята своими делами и вряд ли могла помешать Николаю в осуществлении его планов. В таком же положении были Австрия и Пруссия. Оставалась Англия, которая одна могла оказать противодействие, и сюда были направлены все усилия царских дипломатов.

Революция 1848 г. во Франции отозвалась громким эхом даже в таких отдаленных областях, какими были дунайские княжества Молдавия и Валахия.

¹ *Sproxtton, Palmerston and the Hungarian revolution*, p. 84.

Молдавия и Валахия, как уже известно, имели своих собственных князей под номинальным суверенитетом Турции и действительным верховенством России. Несмотря на все усилия России, сюда в 1848 г. проникло революционное движение и поднялось восстание: Молдавия и Валахия были наиболее показательным примером действия того «эмпирического закона», о котором писал Маркс в своей корреспонденции 1853 г. по восточному вопросу о создании антирусской прогрессивной партии, которая неизбежно зарождалась каждый раз, как только какая-нибудь часть Турции становилась наполовину независимой.

Основной задачей движения было освобождение от русского ига. Движение началось с Молдавии. Восставшие потребовали удаления господаря Стурдза, роспуска сгоящего за интересы России собрания бояр и создания национальной гвардии.

Русское правительство направило в Молдавию генерала Дюгамеля, присутствие которого, по выражению Нессельроде, «должно успокоить умы Молдавии»¹. Революционное движение было подавлено репрессивными мерами, а комиссар Порты Талаат эфенди ничего не сделал, чтобы ограничить население от репрессий русского правительства.

Однако борьба была еще далеко не закончена. В июне того же года в Валахии вспыхнуло революционное движение, которое приняло более грандиозные размеры, чем восстание в Молдавии. Русские власти должны были спастись бегством. Русский консул Коцебу бежал в Фокшаны. Господарь Бибеско бежал в Австрию. На месте русских властей организовалось временное правительство, на месте *Règlement organique* — конституция, основными положениями которой были: «независимость администрации и законодательства», «равенство политических прав и налогов», созыв национального собрания, составленного из представителей всех классов населения, создание ответственного министерства, выборы президента с полномочиями на 5 лет, полная свобода печати, созыв чрезвычайного собрания, долженствующего представлять интересы всей нации для выработки основ нового политического порядка.

Революция произошла не без участия поляков, которые вели подготовительную пропаганду и принимали участие в восстании. Бруннов извещал, что об участии в революции

¹ Nesselrode, *op. cit.*, т. IX, p. 104.

поляков говорят в правительственных кругах и что ему об этом сообщил Меттерних¹. Русское правительство направило сюда войска, которые в июле перешли Прут. Восставшие в Валахии обратились с воззванием к народам Европы, Германии, Англии, Франции, а также к Порте с протестом против иноземного вмешательства во внутренние дела Румынии. В этих воззваниях и в своих частных письмах они выражают решимость бороться до конца².

IV

Переход русских войск за Прут встревожил радикально настроенное население Австрии и в частности Вены. Столица Австрии в отношении к событиям разделилась на два лагеря. Демократическая Вена (академический легион, комитет общественной безопасности) стояла за поддержку революционных организаций в Валахии, была настроена против русской оккупации княжеств. Министерство Вессенберга шло на соглашение с Россией.

В органе радикальной мелкой буржуазии «Der Freimütige» появилась с энтузиазмом написанная статья в защиту дунайских княжеств от русского деспотизма. Газета говорила о целях русской политики в дунайских княжествах. «Дунайская область — это территория, где перекрещиваются в существенном отношении различные интересы. То государство, которое овладеет Валахией, может овладеть и Константинополем. А Константинополь это все. Он является ключом к миру», — утверждает автор статьи. Эта статья направляла также упреки по адресу министерства Вессенберга. «Россия переправила через Прут. Мы требуем со стороны министерства энергичного протеста против петербургского насилия».

«Под Прагой сидит солдат Виндизгрец, в Италии ведется братоубийственная борьба... И только одно средство освободиться от всей этой сумятицы, найти выход из этого лабиринта: энергичное выступление против России. Европа будет нас приветствовать. Весь цивилизованный мир вместе с демократическим славянством будет с нами и за нас»³.

Совершенно иным было отношение правительственных

¹ Донесение Бруннова 10 (22) июля. АМИД, Londres 1848.

² Приложение к депеше 191. АМИД, Vienne 1848. Палка № 181.

³ «Der Freimütige», 1848, № 9, 5 Juli.

кругов, в частности министерства Вессенберга, которое, по сообщению русского посла Фонтона, считает совершенно естественным занятие Валахии русскими войсками «как непосредственное следствие нарушения порядка в княжествах». Вессенберг считает, что «оккупация княжеств имеет целью восстановление договоров и не должна вызывать никаких сомнений»¹.

Исход борьбы в дунайских княжествах зависел не от австрийской, а от английской буржуазии. Для успеха действий России необходим был нейтралитет Англии.

Русской дипломатии удалось обеспечить этот нейтралитет. Он являлся до известной степени вынужденным. Правда, отсутствие сухопутных сил обрекало Англию на бездействие, пока русские войска были на территории княжеств, однако она могла бы сказать свое слово, воздействовать в определенном направлении на Турцию, но не хотела создавать *casus belli* из соображений внутренней политики.

Начало русских военных действий в дунайских княжествах совпало с подъемом пролетарского движения внутри Англии — с подъемом чартизма, с обострением борьбы с революционной Ирландией. Был еще один пункт, который заставлял Англию быть осторожной и не противодействовать усилиям русского правительства. Если в будущем господство русских на Дунае угрожало Австрии, то в настоящий момент политика России была безусловно на-руку этому, быстро идущему по пути реакции правительству.

Подавление революции в дунайских княжествах изолировало очаг начавшегося восстания в Венгрии, создавая полную изоляцию Венгрии от соседних областей и тем безусловно облегчая Австрии подавление венгерской революции. Англия добивалась сохранения европейского *status quo*, обеспечивала себе союз с Австрией, чтобы застраховать себя от возможного одиночества при будущих столкновениях на Востоке. Это было одним из оснований для нейтралитета английского кабинета в вопросе оккупации дунайских княжеств русским правительством.

Бруннов в ряде донесений отмечает «вполне удовлетворительную» позицию Англии в данном вопросе.

В переписке Бруннова с Пальмерстоном Бруннов следующим образом излагает положение дел. Восстание нарушило

¹ Донесение Фонтона от 24 июня (6 июля). АМИД, Vienne 1848. Папка № 181.

договоры, и во главе Валахии — временное правительство; восставшие создали конституцию по французскому образцу. Русское правительство ставит перед собой следующие задачи: 1) свержение революционного правительства, 2) восстановление в княжествах старого порядка, освященного договором, 3) сохранение авторитета Порты.

«Русское правительство рассчитывает, — пишет Бруннов Пальмерстону, — на благоразумие Стратфорда Каннинга и на осмотрительность ваших агентов в княжествах. Они конечно должны понять, что внушить революционерам ложные надежды значит осложнить этот инцидент»¹.

Ответ не замедлил последовать. Редакцию этого ответа Бруннов считает вполне благоприятной. Лорд Пальмерстон указывает, что правительство России должно объявить вступление русских войск в дунайские княжества временной мерой, не противоречащей ни правам султана, ни обязательствам, взятым на себя императором на основе договоров².

Пальмерстон лицемерно ставил основным условием, обеспечивающим английский нейтралитет, согласованность русского выступления в Молдавии и Валахии с Турцией. Такое решение английского кабинета было благоприятным для русского правительства: принудить Турцию к совместным действиям против Молдавии и Валахии не составляло большого труда, в случае же ее неподатливости всегда можно было сделать вид, что все мероприятия по подавлению движения делаются с согласия Турции.

Недаром Бруннов характеризует ответ Пальмерстона как наиболее благоприятный, который «уничтожает всякую возможность спора между двумя кабинетами, если дальнейшие события потребуют временного пребывания наших войск в дунайских провинциях»³.

Царское правительство, получившее заверение, что со стороны английского кабинета не последует никакого противодействия оккупации княжеств, приняло более решительные меры. По настоянию русского правительства Порта направила к Дунаю турецкий корпус; в Валахию был назначен турецкий комиссар Сулейман паша, который должен был

¹ Донесение Бруннова 21 июля 1848 г. АМИД, Londres 1848. Приложение к этой депеше — письмо Бруннова к Пальмерстону от 17 июля 1848 г.

² Там же.

³ Там же.

потребовать покорности со стороны восставших. Однако Сулейман паша выполнил это дело таким образом, что трое из бывших членов временного правительства были выбраны каймаканами. В ответ на это царь двинул свои войска, и последние 10 июля (ст. ст.) перешли Прут и заняли Яссы.

Бруннов в пространной депеше излагает интересные подробности своих переговоров с Пальмерстоном в момент, когда русские войска только еще перешли через Прут. Пальмерстон снова подчеркнул, что вступление русских отрядов должно носить временный характер и не нарушать прав султана, т. е. повторил основные требования Англии, чтобы Порта также принимала участие в подавлении восстания. В этом случае дальнейшие события, по словам Бруннова, «не станут для обоих кабинетов ни причиной недоверия, ни поводом для разногласий. Объяснения, которыми я обменялся с британским министерством, устранили возможность того и другого».

На обращенную к Англии просьбу временного правительства Валахии оказать ему содействие и выступить посредником между враждующими сторонами английский кабинет ответил отказом.

«Император сохраняет полную свободу своих действий, — пишет Бруннов. — Что бы он ни предпринял, Англия будет считать, что это совершилось по законным мотивам, и оценит это как положительный факт. Если император решит, что время действовать уже настало, британский кабинет будет убежден, что его величество использует свое право на основании договоров, и он будет с уважением относиться к тому, как наш августейший государь воспользуется своим правом в интересах порядка и мира»¹.

В конце депеш Бруннов с удовлетворением отмечает, что «позиция, которую мы займем по отношению к Англии, совершенно ясна и благоприятна, если только Порта не осложнит положения дела своей ошибкой (т. е. если Порта не обратится за содействием к Англии). Я не сомневаюсь, что усилия нашего министерства в Константинополе могут предотвратить это зло. Что касается меня, то мои старания будут непрерывно направлены на то, чтобы удалить из наших непосредственных отношений с Англией все поводы для недовольства и разногласий».

¹ Донесения Бруннова Нессельроде 16 (28) июля. АМИД, Londres 1848.

V

Эту лицемерную оговорку Пальмерстона об оправдании военных действий России, если одновременно и Турция примет участие в подавлении восстания, русская дипломатия использовала при всех своих действиях, указывая, что она совершает их с согласия Порты. Между тем Россия, вводя в Валахию свои войска, не спрашивала согласия Порты, а только ставила ее об этом в известность. Вместе с русским послом в Турции Титовым в переговорах с правительством Порты принимал участие также и русский толмач Ганджиери. Последний убеждал Порту, что русское правительство действует в интересах Турции, что оно защищает ее суверенные права и авторитет турецкого оружия, скомпрометированного успешным восстанием. Впрочем Ганджиери не скрывал того факта, что «русский кабинет стремится действовать совместно и в полном согласии с Портой, чтобы доказать перед всем миром, что два правительства преследуют одну цель в полном дружественном согласии без всякой ссоры»¹.

Турецкое правительство, бессильное выступить против России, должно было согласиться усилить репрессии против дунайских княжеств. Комиссар Порты Фуад должен был сменить соглашателя Сулеймана. Фуад был направлен с чрезвычайными полномочиями об аннулировании всех постановлений революционного правительства, полной реставрации прежних порядков, восстановлении *Règlement organique* (органического статута) и назначении нового государственного управителя (каймакана)².

Впрочем дело не обошлось без осложнений. Россия, которой надоело играть комедию с Турцией, решила идти своим путем и подавлять революцию своими методами. Русский посол Титов настаивал на восстановлении старого порядка в Бухаресте и на репрессивных мерах по отношению к революционерам, в то время как Порта склонна была пойти по пути реформ. Русское правительство было непреклонно в своем стремлении «установить порядок в Валахии в интересах Турции, но помимо Турции и не прибегая

¹ Донесение Титова 14 (26) сентября. АМИД, Constantinople 1848.

² Приложение к донесению Титова от 14 (26) августа. АМИД, Constantinople 1848.

к ее помощи»¹, и уничтожить влияние на Турцию со стороны революционной партии, в которой, по выражению донесения, Чарторыйские и Замойские являются настоящими подстрекателями.

Бруннов, защищая позицию своего правительства, высказывает ряд соображений, почему с его точки зрения Англия для подавления революционного движения (движение чартистов, революционное движение в Ирландии) прибегала к военной силе. По мнению Бруннова, английское правительство поступило правильно, «так как в результате революции получаются не реформы, а банкротство, грабеж, непрочная власть и отсутствие действительной свободы».

«Россия никогда не допустит, чтобы оттоманское правительство заключило мир с революционной партией, нарушающей порядок, установленный нашими договорами с Турцией», — восклицает Бруннов. На этом письме помета Николая: «Parfaitement répondu — спасибо Бруннову»².

Мы видим, что до определенного момента английские правящие круги, в частности Пальмерстон, сохраняли нейтралитет в отношении оккупации дунайских княжеств, не считая ее вопросом, угрожающим целостности Оттоманской империи, согласившись с русской дипломатией на формуле: оккупация необходима для подавления революционного движения; как только порядок в Молдавии и Валахии будет восстановлен, русские войска покинут княжества.

Однако, несмотря на все обещания, русские войска и не думали покидать княжества, наоборот, получали все большие подкрепления. Оккупанты вели себя как оккупанты, в княжествах царил полнейший произвол.

В Тырново, куда был направлен русский отряд для наведения порядка и где начались бесчисленные аресты, с особенной жестокостью обращались с крестьянами, тогда как бояр щадили, даже если они принимали участие в июльском движении.

При арестах происходили избиения. Результатом таких побоев была смерть одного из арестованных. При помощи валахской полиции русские войска производили домашние

¹ Эту формулу употребляет Бруннов в своем письме к Пальмерстону 19 сентября 1848 г. (АМИД, Londres): Nous touchons au moment où la Russie sera placée dans la nécessité de mettre ordre en Valachie non pas par les Turcs, mais pour les Turcs et sans les Turcs».

² Донесение бар. Бруннова гр. Нессельроде 10 (22) сентября 1848 г. АМИД, Brihtogn.

обыски. При этом напали на квартиру бельгийского консула Бишо. Среди арестованных лиц нашелся один протеже английского правительства, некий Дмитрий Аспреа; он был схвачен русскими солдатами и заключен в монастырь. Извещенный об этом консул Кольгхон обратился к Фуаду эффе́нди и к папе, но они признались в своем бессилии сделать что-либо для прекращения самоуправства со стороны русских войск.

На представление Каннинга правительству Порты турецкое министерство высказывало свои опасения относительно поведения России: количество русских войск непрерывно растет, русский флот у Севастополя готов по первому сигналу выйти в море. «Считая себя чрезвычайно слабым, чтобы противостоять натиску русских, турецкое министерство надеется найти совет и поддержку у Англии»¹.

Это заставило Пальмерстона направить по адресу русского правительства протест, в котором он заявлял, что «английское правительство не признает за Россией и за ее военными и гражданскими чиновниками права вмешиваться в дела подданных английского правительства»².

Одновременно с протестом английского правительства последовала нота протеста и со стороны Франции³. Дело осложнилось еще больше в результате тех требований, которые русское правительство предъявило Порте. Министерство предложило следующие условия прекращения оккупации: Россия заключает с Турцией конвенцию, устанавливающую политический строй в Валахии. Валахия должна переизбрать господаря, уничтожить собрание бояр и учредить на место собрания бояр совет для обсуждения бюджета. Одним из дальнейших пунктов конвенции было — пересмотр *Règlement organique*, а также создание ревизионных комиссий. Последние должны были заняться пересмотром *Règlement organique* в смысле приспособления его к требованиям времени и создания мероприятий для искоренения революционного движения. Наряду с властью господаря предполагалось организовать должности двух комиссаров, русского и турецкого. Конвенция ставила условием содержание в обеих провинциях достаточного количества войск обеих договаривающихся сторон.

¹ Донесение Брунова 25 ноября (7 декабря). АМИД, Londres 1848.

² Шифрованная депеша Брунова 27 ноября (9 декабря). АМИД, Londres 1848.

³ *Bapst*, *Les origines de la guerre de Crimée*, p. 36.

Порта желала сохранить господство пожизненное и выборное, а не по назначению, так как выборность обеспечивала большую независимость от русского правительства. Она также не хотела устанавливать должность двух комиссаров и наконец требовала вывода русских войск из княжеств.

Политический строй, который навязывала Россия в усмирённых княжествах, был совершенно неприемлем для турецкого правительства.

Подписывая этот договор, Порта подписывалась под своим тяжким поражением, ибо она отлично сознавала, каково будет назначение господства при господстве России, какой вид примет *Règlement organique* и какое место будет занимать турецкий комиссар подле своего русского товарища.

Порта решила оказать сопротивление и издала приказ о мобилизации.

Угроза новой войны, войны России с Турцией, нависла над Европой.

«В обществе и торговых кругах Англии несколько дней тому назад распространилось опасение возможного разрыва между оттоманской Портой и Россией», — пишет в одном из своих донесений Бруннов¹.

Русская дипломатия всячески старалась доказать, что существует «твёрдое желание императора жить в мире с Турцией», что «император хочет мира» и что английскому правительству «надлежит следить за тем, чтобы Порта смогла сохранить его благоприятные последствия, не компрометируя их несправедливым недоверием или актами, которые могли бы быть расценены императором как знак враждебности».

Усилия дипломатии имели слабый успех. Положение становилось серьёзным. Русское правительство предприняло ряд мер и направило в Константинополь генерала Граббе «для целей мира, отнюдь не для войны». Однако в инструкции Граббе русское правительство не делает никаких уступок и попрежнему настаивает на своих требованиях.

В Англии же Бруннов через правящие круги пытался добиться успокоения умов буржуазии:

«Именно с целью смягчить эти опасения (опасения войны. — Р. А.) я предложил ему (Пальмерстону. — Р. А.) произнести в палате речь, которая смогла бы успокоить умы

¹ Донесение Бруннова 5 (17) марта 1849. АМИД, Londres 1849.

5 Р. Авербух, Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией.

как в Англии, так и в Константинополе. Он это сделал. Я мог только снова похвалить его за это, уверив его, что эта речь была весьма одобрительно встречена в Санкт-Петербурге, как об этом сообщило ваше превосходительство в вашем последнем письме»¹.

Английская буржуазия считала, что данный момент является неподходящим для выступления против России, и Пальмерстон произнес речь, в которой заверял русский двор в дружеских отношениях, «которые статс-секретарь имеет счастье констатировать между правительством его величества и императорским русским правительством» (это был ответ на требования Дюдлей Стюарт опубликовать переписку, относящуюся к оккупации Молдавии и Валахии русскими войсками). Пальмерстон отказывался от опубликования, пока между русским и турецким правительствами продолжают переговоры об эвакуации княжеств. В этой речи Пальмерстон подчеркивал также неосновательность опасения нового столкновения. Зная «заверения, данные русским правительством», и «интересы турецкого правительства», он считает, что переговоры между Портой и императорским кабинетом закончатся к удовлетворению заинтересованных сторон, не нарушая общего мира Европы.

Дипломатическая переписка показывает, что эта речь была произнесена Пальмерстоном под диктовку русского посла Бруннова.

«Англия сильно заинтересована, — пишет в другом донесении Бруннов, — в том, чтобы эти отношения (между Россией и Турцией) закончились миром. Вы можете быть уверены, господин канцлер, что эту истину понимают здесь, как понимают ее в Санкт-Петербурге. Война на Востоке безусловно была бы большим событием. Никто этого не хочет. Никто этого не желает. Но не все работают с одинаковой заботливостью над предупреждением несчастья, последствия которого ни для кого не могут быть тайной»².

Бруннов обвиняет Каннинга в том, что он делает Порту «безрассудно смелой и слепой в упорстве»³.

В дальнейшем мы постараемся доказать, что Каннинг

¹ Донесение Бруннова 7 (19) апреля 1849 г. АМИД, Londres, документ № 64. Папка № 106.

² Донесение Бруннова 11 (23) марта 1849 г. АМИД, Londres 1849. Папка № 106, документ № 55.

³ Донесение Бруннова 7 (19) апреля 1849 г. АМИД, Londres 1849, документ № 64. Папка № 106.

действовал как представитель интересов английской промышленной буржуазии, которая противодействовала русскому продвижению в Константинополь.

«Если можно еще избежать несчастий, которые навлечет на Европу война, то заслуга этого благодеяния будет принадлежать долготерпению, равно как и могущественной умеренности императора. Он уже подавил дело мятежа в Валахии. Он остался ее властелином. Присутствие его армии остановило в княжествах поступательное шествие обширного революционного движения, источником которого является польский заговор. Без нашего спокойного и твердого вмешательства эти обширные планы развивались бы теперь во всем своем объеме по обе стороны Дуная. Император этого не допустил.

«Надо сказать, — продолжает далее Бруннов, — что ныне очаг восстания отброшен в Венгрию. Там опасность развернулась во всей ее силе и с этой опасностью не боролись еще достаточно энергично... Поэтому мне кажется доказанным, что в настоящее время наши главные заботы должны быть направлены на локализацию очага восстания в Венгрии, на возможную изоляцию его от всякого общения с заграницей, на ограничение его в нынешних пределах, лишив его всякой материальной помощи извне; таким образом австрийскому правительству будет дано необходимое время подавить революцию в его собственной империи».

В итоге царская Россия одержала победу по всем пунктам, сделав только несколько небольших уступок.

VI

Успешное завершение дела в дунайских княжествах вдохновило царскую Россию на дальнейшее вмешательство в дела Европы.

Николай выступил в качестве арбитра в австро-прусском споре, в роли борца против объединения Германии.

Подавление независимости Венгрии и восстановление двуединой монархии Габсбургов делали невозможным образование не только «Великой Германии», которая предполагала независимое существование ненемецких областей Австрии, но также и «Малой Германии», которая должна была находиться под протекторатом Пруссии. Русско-прусские отношения в изучаемую нами эпоху определялись событиями в Познани и датско-прусским спором. Как положение в Познани, так и

датская проблема были причиной того, что отношения между Россией и Пруссией были сильно обострены, вернее, прямо враждебны. Русское правительство немало натерпелось страха из-за Познани, нисколько не меньше, чем из-за Галиции: поведение прусского правительства в познанском вопросе некоторое время могло внушать большие опасения. Правда, эти страхи скоро миновали: «поляколюбие» в Пруссии оказалось неустойчивым, его сменили бешеная реакция и решительное подавление познанской революции. Однако взаимоотношения между соседями не стали от этого лучше. Датско-пруссский спор едва не вызвал войны между Россией и Пруссией.

Нерешительная позиция прусского правительства в войне с Данией не меняла отношения правительства Николая к датско-прусскому спору. Энгельс по поводу шлезвиг-голландской войны писал, что это могла быть первая революционная война в Германии в 1848 г., но оказалась самой комической войной, ибо боязнь революции заставляла Фридриха-Вильгельма вести изменническую политику и заключать позорнейшие перемирия с Данией в самые невыгодные для Пруссии моменты.

Тем не менее датско-пруссский спор неизменно вызывал обострения во взаимоотношениях двух правительств — правительства Николая и правительства Фридриха-Вильгельма.

Позиция николаевского правительства в этом споре определялась общими предпосылками его внешней политики. Для царского правительства было важно, чтобы проливы, соединяющие Балтийское море с Северным, были в руках одной из мелких держав, а не такой сильной военной державы, какой была Пруссия. Угроза быть отрезанной от Западной Европы была слишком очевидной, чтобы Николай мог к этой угрозе отнестись безразлично.

До войны дело не дошло, но царское правительство попыталось взять реванш вмешательством в борьбу Пруссии и Австрии на почве «попытки пруссаков объединить под своей гегемонией всю конституционную Германию»¹.

Вильгельм IV боролся с объединительными планами франкфуртцев, однако сам проявлял некоторые попытки объединения. 26 мая 1849 г. состоялась уния, или союз, трех

¹ М. Н. Покровский, Внешняя политика, стр. 94. См. Маркс и Энгельс, Соч., т. VI, стр. 427.

королей (Пруссия, Саксония и Ганновер), постепенно объединившая большую часть государств бывшего германского союза; к ней отказались примкнуть лишь Бавария и Вюртемберг. Наличие союзного народного представительства, организованного весьма недемократически, и исключение из состава Германии Австрии, с которой уния в целом предполагала заключить особое союзное соглашение, — таково было содержание унии¹.

Попытки объединения были достаточным поводом для решительной борьбы николаевского правительства с прусским. Царь был настроен решительно против унии. Ее конституционное устройство, а также исключение из унии Австрии были неприемлемы для Николая.

«Нет Германии без Австрии», — заявил он через Мейендорфа Фридриху-Вильгельму. В австро-прусской борьбе за главенство в Германии Николай стоял всецело на стороне Австрии, сочувствуя ее стараниям разбить все объединительные планы и оставить все по-старому².

В феврале 1849 г. Николай пишет Паскевичу:

«Германия, ища единства, дошла почти до формального распада на две враждебные партии. В Берлине самом не знают, что делать и что хотят; все короли пристали к Австрии, которой более доверяют, чем сумасбродному королю... Ежели Австрия будет вести дела твердой рукой и дома и за границей, она одна может взять в ней верх. Пруссия же никогда — помни мое предсказание»³.

«Прусское владычество в Германии — способ революционных правил. Австрия же, сколько понять можно, покоряется только по необходимости последствиям своей революции. Но все делает, чтобы избегнуть всех ее последствий, и влияния своего на Германию верно охотно не уступит Пруссии»⁴.

Так в действительности и случилось: попытки «объединения» Германии вызвали в ответ энергичные действия со стороны Австрии, за протестами Австрии последовали не менее решительные протесты со стороны самого Николая.

В ответ на объявление Фридриха-Вильгельма главой Германии австрийское министерство Шварценберга обнародовало ноту, где прямо и открыто высказалось против руководящей

¹ М. Н. Покровский, Внешняя политика, сборник статей, стр. 94—97.

² Там же.

³ Щербатов, Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т. VI, стр. 274.

⁴ Там же, стр. 351.

роли Пруссии в Германии. На приглашение заключить союзный договор с унией австрийское правительство ответило отказом.

Россия была встревожена перспективой прусской гегемонии не менее Австрии. Как раз к этому же времени относится новое обострение шлезвиг-голштинской проблемы. В апреле 1849 г. прусский оккупационный корпус в Голштинии получил подкрепление, мемельское перемирие было нарушено, и снова начались военные действия. Николай пишет весьма гневное письмо Фридриху-Вильгельму. Это письмо до сих пор еще не было опубликовано полностью.

«Положение дел становится с каждым днем все серьезнее, — пишет Николай, — откровенное объяснение с вашим величеством является для меня и долгом и потребностью, тем более теперь, когда я призван принять серьезное решение»¹.

Это серьезное решение — организация интервенции в Венгрии. Дальнейшее содержание письма однако говорит о том, что задача письма далеко не исчерпывалась сообщением Пруссии об этом решении, но прежде всего имела в виду серьезное обсуждение и осуждение политики Фридриха-Вильгельма. Николай находит в политике прусского короля такие пункты, которым он вынужден решительно противодействовать. И это прежде всего война с Данией.

Прусский король должен немедленно принять меры к прекращению войны.

«Смогу ли я поддержать ваше правительство в его борьбе с революционерами Германии, когда оно в союзе с этими же революционерами ведет войну, целью которой является уничтожение старой монархии, союзницы России, сохранение которой в ее теперешних границах необходимо для равновесия и мира на севере», — пишет Николай.

Конец письма звучит как ультиматум:

«Полный разрыв с Франкфургом, мир с Данией — вот с моей точки зрения необходимые условия, чтобы укрепить правительство вашего величества и внушить его союзникам безопасность и доверие, являющиеся единственной основой прочных отношений. Я буду счастлив поддерживать с вами отношения на этой основе»².

¹ *Peter von Meyendorf, Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien. Politischer und privater Briefwechsel (1826—1863). Berlin und Leipzig 1922, S. 196.*

² *Ibid.*

Позиция Николая в австро-прусской борьбе отчетливо вырисовывается в письме Нессельрода к Меду¹. Это письмо говорит о том, что прусский двор задался целью решить судьбу Германии и судьбу ее объединения своим непосредственным вмешательством.

В только что цитированном письме Николай обвинял Вильгельма в том, что он не окончательно порвал с Франкфуртом; в письме Нессельроде прусский король обвиняется прямо в предательстве и в полном подчинении планам франкфуртцев.

«Прусский король определенно склоняется к тому, чтобы принять императорскую корону, предложенную ему франкфуртским парламентом. Что же станет с Германией, — восклицает Нессельроде, — если те государства, которым providence дало возможность вернуться к власти, не воспользуются ею, чтобы спасти отечество от полной анархии»².

В этом письме намечены и дальнейший путь разрешения германской проблемы и перспективы вмешательства России в это дело. Меду было поручено передать это письмо Шварценбергу, а также осведомиться у австрийского правительства, что оно намерено предпринять в отношении Пруссии и насколько усилия России привести к «дружественному союзу» двух государств будут иметь успех.

Россия не привела Австрию и Пруссию к дружественному союзу, однако при ее вмешательстве проекты Пруссии не осуществились.

Средством осуществления замыслов царской России должна была стать не непосредственная война с Пруссией, а помощь Австрии в подавлении венгерского восстания и насильственное присоединение Венгрии к Австрии.

Венгерская интервенция могла произойти только потому, что она разом осуществляла ряд замыслов России. Одним ударом венгерская интервенция разрешала польскую проблему, восточный вопрос и разрушала все попытки объединения Германии.

Письма Нессельроде к Мейендорфу, о которых нам очень часто приходилось упоминать, подтверждают этот последний мотив.

В письме от 10 мая 1849 г., написанном в момент обо-

¹ *Peter von Meyendorf, Ein russischer Diplomat an den Höfen von Bern und Wien, 1922, S. 198.*

² *Ibid., S. 200.*

стрения датско-прусского спора, имеется яркое место, относящееся к этому вопросу¹.

Нессельроде, упомянув о вышеприведенном письме Николая к прусскому королю, пишет:

«Тем не менее я думаю, что мы выждем ответа на настоящую депешу, прежде чем занять враждебное положение относительно Пруссии в Германии. Пока флот готовится выйти и оказать Дании все возможные услуги для защиты островов, не прибегая однако к прямой блокаде германских портов. Сказать вам правду, я думаю, что морскими операциями и должна будет ограничиться на первое время наша поддержка Дании. Атаковать Пруссию и Германию на суше было бы неблагоприятно в такую минуту, когда у нас на руках настоящая война в Венгрии».

По правильному утверждению Покровского, «прежде чем бить врага — Пруссию, — нужно было спасти союзника — Австрию». Таким образом венгерская война разрешала важнейший узел противоречий — русско-прусское соперничество. Царская интервенция в Венгрии была по попыткам объединения Германии, исходившим со стороны Пруссии. Спасение Австрии означало торжество феодального партикуляризма в Германии. Это было сделано царским штыком, сразившим венгерскую революцию и национальную независимость Венгрии.

После поражения в Париже и Вене, в Италии и Пруссии буржуазная революция снова одерживала победу в Венгрии. Вмешательство русского царизма должно было помешать новому подъему, который начался в связи с успешной борьбой революционной Венгрии. Отсюда огромное международное значение интервенции в деле обеспечения победы европейской контрреволюции в 1848—1849 гг.

¹ Письмо от 10 мая 1849 г. ошибочно помечено в цитируемом издании 1848 г. Ср. стр. 95—97 и 233—235 IX тома. Ошибочность даты была уже указана М. Н. Покровским, *Внешняя политика*, стр. 98.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АВСТРО-ВЕНГЕРСКАЯ БОРЬБА И ОРГАНИЗАЦИЯ ИНТЕРВЕНЦИИ

I

Энгельс в статье «Революционная борьба в Венгрии» подчеркивает значение вооруженной борьбы венгерцев как заключительного этапа всей революции 1848 г., отличающегося таким же героическим характером, как и первые, быстро следовавшие одна за другой сцены революционной трагедии 1848 г., как падение Парижа и Вены¹.

О соотношении сил в этой борьбе Энгельс говорит кратко: против 4 млн. мадьяр выступила вся Австрия с 26 млн. фанатизированных славян.

2 декабря 1848 г. Фердинанд отказался от престола и вместо него императором провозглашен был эрцгерцог Франц-Иосиф. Венгерское национальное собрание объявило этот акт незаконным, отказало новому императору в повиновении и призвало народ к восстанию. Габсбурги мобилизовали все силы для подавления этого восстания. События вступили в фазу открытой австро-венгерской борьбы, осложненной вторжением в Венгрию царских войск.

Уже в конце 1848 г. русские вспомогательные войска действовали в Трансильвании, оказывая самую решительную поддержку австрийцам в подавлении венгерского «бунта».

Энгельс считал положение Венгрии трагическим: она была окружена врагами с трех сторон. Область, населенная исключительно венгерцами, не занимает и третьей части Венгрии и Семиградья.

К северу от Дуная и Тиссы живут словаки и русины, на юге, между Савой, Дунаем и Дравой — хорваты и сло-

¹ «Neue Rheinische Zeitung» № 194, Köln, 13 Januar 1849.

венцы, далее к востоку вдоль Дуная — сербская колония, насчитывающая более полумиллиона человек.

Валахи¹ и саксы Семиградья² связывают эти географически разъединенные славянские области. Итак, с трех сторон революционные венгерцы были окружены врагами, которые вследствие благоприятных для них географических условий благодаря целому ряду естественных прикрытий были почти недоступны для нападения. Горный рельеф местности на востоке и занятия румынами большей части городов и крепостей делали их позиции превосходными. Банатские сербы, имея поддержку в лице валахов, немецких колонистов и австрийского корпуса, были к тому же защищены огромными Алибунарскими болотами. Хорваты под прикрытием Дравы и Дуная с помощью австрийской армии еще до октября 1848 г. перешли на венгерскую территорию и удерживали без большого труда свою оборонительную позицию. Итак, Венгрия, окруженная с трех сторон врагами, с четвертой стороны должна была отражать наступление сомкнутых колонн объединенных австро-хорватских войск под командой Виндишгреца и Елачича³. Венгерцам предстояла жестокая борьба к тому же при весьма недостаточном вооружении: сфабрикованное в Венгрии оружие и снаряжение было естественно очень плохого качества. Энгельс подчеркивает также трудности военно-стратегического характера, связанные с незначительностью территории Венгрии. Сравнивая в этом отношении условия венгерского восстания с борьбой Франции против многочисленных врагов в 1791—1793 гг., Энгельс указывает на то, что Венгрия была значительно меньше Франции, и всякий дюйм уступленной территории представлял более значительную потерю. «У венгерцев остается только их революционный энтузиазм, их смелость и энергическая и быстрая организация, которую сумел дать им Кошут».

Энгельс отмечал, что с военной стороны венгерцы располагали одним очень важным преимуществом — большим мастерством в ведении кавалерийской партизанской войны.

Нижневенгерская степь, которая оставалась за венгерскими инсургентами даже после падения Будапешта, изоби-

¹ Валахи, или румыны.

² Саксы жили не только в Трансильвании, а также в северной Венгрии; в Банате и за Дунаем жили швабы.

³ «Neue Rheinische Zeitung» № 194, Köln, 13 Januar 1849. Der Magyarische Kampf.

лует болотами, на которых венгерцы могли прочно закрепиться. Здесь совершенно невозможно ведение регулярной войны и продвижение сомкнутыми корпусами, поэтому тяжеловесная австрийская армия неизбежно должна была проиграть в борьбе с легкими мадьярскими конными отрядами. «Война в этих степях, — отмечает Энгельс, — подобна алжирской войне, и неуклюжей австрийской армии потребуются целые годы, чтобы покончить ее. А венгерцы будут спасены, если смогут удержаться хотя бы несколько месяцев»¹.

Военные действия открылись в середине декабря 1848 г. концентрическим наступлением против восставшей Венгрии. Под командой Виндишгреца из Австрии выступили три корпуса численностью не менее 91 тыс. чел. Свыше 100 тыс. чел. неприятельских войск находилось в различных районах самой Венгрии и в пограничных ее областях. В целом императорская армия насчитывала по меньшей мере 200 тыс. чел. опытных и побывавших в битвах регулярных войск помимо славянских и саксонских ополченцев, принимавших участие в военных действиях на юге и в Семиградье².

Этим силам Венгрия могла противопоставить армию, состоявшую из 80—90 тыс. чел. обученных войск. Однако, в то время как Австрия, стоявшая накануне финансового краха, мобилизовала для войны все свои ресурсы и австрийское правительство не могло больше выколотить ни одного рекрута, венгерцы располагали большими возможностями в смысле мобилизации резервов.

Старая армия, во главе которой стоял императорский австрийский командный состав, не желавший порывать с австрийским правительством, мало была пригодна для ведения войны. Необходимо было произвести полную реорганизацию войска, влить в него новый классовый состав, заинтересованный в победе революции. Эта реорганизация была проведена действовавшим с сентября 1848 г. революционным

¹ Ibid.

² «Neue Rheinische Zeitung» № 301, Köln, 10 Mai, 1849. В Венгрии находились следующие неприятельские армии: из Штирии по левому берегу Дравы шел Нуген с 20 тыс. чел., из Кроации по правому берегу на Банат наступал Дален с 10 тыс. чел. В самом Банате сражалось несколько пограничных полков, гарнизон Темешвара, сербское ополчение и сербский вспомогательный корпус Кничанина, всего 30—40 тыс. чел. под командой Тодоровича и Рукавина. В Семиградье стоял Пухнер с 20—25 тыс. чел. и вторгшийся из Буковины Малковский с 10—15 тыс. чел. Из Галиции по направлению к Тиссе наступал Шлик с армией в 20—25 тыс. чел.

учреждением — Комитетом национальной защиты. Пехота, в которой было больше всего старых войск, собранных под австрийские знамена, была реорганизована, в нее были влиты новые отряды гонимых и ополченцев. Старые отряды остались в меньшинстве, их было всего 24 тыс. чел., в то время как вновь набранных войск было свыше 50 тыс. чел. Правительство создало сильную артиллерию с обученным, опытным инженерным составом, артиллерию, прославившуюся в войне, внушавшую страх врагу и вместе с тем уважение¹.

Немаловажную роль в операциях венгерских войск играли «чикош» — конные пастухи и крестьяне, число которых простиралось от 2 до 3 тыс. Им была дана военная организация, и эти отважные всадники, прекрасно ориентировавшиеся в местности, блестяще выполняли обязанности разведчиков. Широко был использован принцип добровольчества при вербовке новых отрядов. Под знамена венгерцев было созвано значительное количество добровольческих войск, давших обязательство служить до конца войны. Кошут разъезжал по различным городам Венгрии и организовывал добровольческие отряды².

Классовый состав армии постепенно выкристаллизовывался, армия становилась крестьянской: хотя более чем умеренная политика Кошута в разрешении крестьянского вопроса была значительным препятствием в организации обороны, но развернутая агитация и обещания определенных мероприятий в будущем, а главное исключительная ненависть к австрийцам привлекли крестьянство в армию. Значительную помощь оборонявшейся Венгрии оказали находившиеся в армии поляки и итальянцы; были организованы особые польский и итальянский легионы, сражавшиеся с исключительным мужеством.

В начале войны относительно благополучно было и с деньгами: работа печатного станка давала в распоряжение Кошута определенную сумму денежных знаков, которые жи-

¹ Австрийцы писали, что у венгерцев на службе работает французский артиллерийский состав. *Daniel Iranyi et Charles-Louis Chassin, Histoire politique de la révolution de Hongrie 1880, 2-e partie, p. 147.* С большой похвалой об артиллерии отзываются и русские дипломаты; с их точки зрения именно артиллерия венгерцы и были обязаны победой над австрийскими войсками. Приложение к донесению Медема за № 70, АМИД, Vienne 1849, 13/25 апреля. Папка № 186.

² *Daniel Iranyi et Charles-Louis Chassin, op. cit., p. 130.*

телями Венгрии принимались как полноценная серебряная монета. Помимо этого на борьбу против австрийцев направлялось значительное количество пожертвований, которые составили определенный золотой фонд; последний был материальной базой борьбы венгерцев против австрийцев. Национальная фабрикация оружия шла полным ходом. Все же венгерцам нехватало «оружия, опыта и хороших командиров» (Энгельс). Необходимо было выждать время, завлечь австрийскую армию в глубь страны, взять ее измором, утомить стычками с партизанскими отрядами и гарнизонами различных крепостей и районов.

Последние обстоятельства и определили венгерский план ведения войны.

Венгерцы решили медленно отступать в глубь страны и в случае крайней нужды положить между собой и неприятелем линию Тиссы с ее непроходимыми болотами. По расчетам восставших они могли продержаться в районе между Пресбургом и Пештом в течение 2—3 месяцев против подавляющих сил австрийских армий. Однако наступили сильные холода, болота замерзли, и тем самым благоприятные условия защиты были уничтожены. «Все установленные мадьярами укрепления сделались бесполезными и подверженными опасности обхода»¹. Превосходство сил противника сыграло свою решающую роль, и в течение не более двух недель венгерская армия была отброшена от Пресбурга к Раабу. Венгерская армия в ряде отдельных сражений мужественно отстаивала свои позиции. Так Гёргей с кучкой людей в 1 700 чел. продержался при местечке Тирна в течение целого дня против огромных сил австрийцев в 12 тыс. чел.². Однако мужество венгерцев не спасло положения. Даже у Рааба венгерцам не удалось дать боя, главным образом вследствие отвлечения их сил неожиданным наступлением австрийского генерала Шлика, против которого Гёргею пришлось направить значительную часть своих войск. О действиях Гёргея на северо-западе Венгрии против Шлика скажем позднее, что же касается главной армии, то она должна была отступать все далее в глубь страны.

Про отступление от Рааба Гёргей извещал в своей прокламации: «Генерал Гёргей не дал сражения при Раабе, так как он считал более целесообразным действовать демонстрациями, завлекая врага в глубь страны. Чем дальше враг

¹ «Neue Rheinische Zeitung» № 301, Köln, 10 Mai 1849.

² Ibid., № 207, Köln, 28 Januar 1849.

продвинется в глубь Венгрии, тем неизбежнее будет его гибель»¹.

Венгерская армия двигалась от Рааба к Моору, от Моора к Пешту, она вынуждена была очистить Пешт и уже в самом начале кампании отступить за Тиссу².

В качестве правительственного центра уже вырисовывался Дебрецен.

Столь же неудачно шли дела и на остальных фронтах. На юге Нуген и Дален все дальше развивали свое наступление против занятого венгерцами Эссека, а сербы все более приближались к линии Мароша. В Семиградье Пухнер соединился при Марош-Вашаргем с Малковским. На севере Шлик подвинулся из Кроадии до Тиссы и через Мишкоц устроил связь с Виндишгрецом³.

II

В областях, занятых Виндишгрецом, и прежде всего в Пеште, неистовствовали военные суды. Через два дня после занятия венгерской столицы Виндишгрец выпустил прокламацию, по которой свидетельствовал об уверенности австрийского командования, что оно уже является господином положения не только в столице, но и во всей стране. «Подавление не является моей целью. Я буду действовать только против особо важных преступлений, против тех заносчивых бунтовщиков, которые при помощи лжи и плутней работали над разрушением трона, стоящего в течение 800 лет для счастья и спасения нации... Восстановление спокойствия и порядка, столь сильно нарушенного, восстановление законной свободы, равной для всех национальностей, установление благополучия империи, объединяющей в братском союзе все провинции, — такова цель действий нашего «милостивого императора и короля»⁴.

Виндишгрец призывал к повиновению австрийским властям, обещая даровать прощение всем тем, кто являлся, по его выражению, «слепым орудием бунта».

О том, как осуществил Виндишгрец провозглашенные им

¹ *Springer*, Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809, Leipzig 1865, 2-er Teil, S. 647.

² «Neue Rheinische Zeitung» № 301, 10 Mai 1849.

³ Ibid.

⁴ *D. Iranyi et Ch.-L. Chassin*, Histoire politique de la révolution de Hongrie, 2-e partie, p. 272.

А. ВИНДИШГРЕЦ.

(1787—1862),

Австрийский фельдмаршал, организатор расправы с революционным движением в Италии, Чехии и Вене. Возглавлял первоначально австрийскую армию в борьбе с венгерской революцией, в начале 1849 г. был сменен Гайнау.

«начала законности и милосердия», свидетельствуют действия многочисленных полевых судов и военных комиссий, организованных Виндишгрецом. 15 января в Офене была создана Военно-политическая комиссия, ведению которой, в противоположность обещаниям правительственной прокламации, подлежали те «лица, которые принимали в революционных происках хотя бы самое малое участие, и даже те, которые сами непосредственно не могли в них участвовать»¹.

Помимо этого в Офене были организованы два трибунала. Один из них назывался Комиссией по чистке. Перед ней должны были предстать те лица, которые занимали какие-либо гражданские должности при национальном правительстве. Второй — так называемая Военная комиссия имела специальную цель судить бывших австрийских офицеров, принявших участие в восстании. Последних ждала или смертная казнь или тюрьма вместе со всеми военнопленными, захваченными с оружием в руках.

Все арестованные, в том числе и подлежавшие обыкновенным судам, объявлялись бунтовщиками, «собаками Кошута», бросались в тюрьмы и подвергались всяческим издевательствам. Те, которые принимали участие на стороне венгерцев в качестве простых солдат, большею частью направлялись в Италию². Кроме того население захваченных городов облагалось контрибуцией. Пешт и Офен, помимо содержания большого количества войск, должны были уплатить значительную денежную контрибуцию.

Когда казна городов была уже пуста, австрийцы обеспечили себя значительным займом, взysканным с побежденных в принудительном порядке.

Отступление венгерских войск и занятие австрийцами Пешта однако отнюдь не означало покорения Венгрии. Австрия с легкостью одержала победу, пишет Энгельс, но тактическая победа над венгерцами не означала еще их политического и стратегического уничтожения³. У венгерцев еще имелись неистощенные ресурсы, они далеко не выявили всех своих возможностей, и Энгельс издевается над австрийскими бюллетенями, которые давали преувеличенные описания австрийских побед и изображали дело так, будто с венгерской революцией все было покончено.

¹ *Springer*, op. cit., S. 651.

² *Iranyi et Ch.-L. Chassin*, op. cit., p. 272.

³ «*Neue Rheinische Zeitung*» № 107, Köln, 26 Januar.

Австрийские бюллетени, утверждает Энгельс, слишком рано оповещают о «блестящих результатах» на венгерском фронте. Преждевременно говорить о покорении венгерцев. «Один взгляд на карту показывает, что венгерцы еще не погибли, несмотря на то, что они решили отступить к Тиссе. Они стоят, как гласят последние австрийские неофициальные известия, у Мишкольца и ждут нападения Шлика и Виндишгреца. Но и здесь венгерцы не дадут боя и отступят за Тиссу, решительное сражение будет дано в равнине Дебрецена». Этой последней позиции Энгельс придавал большое значение как основной укрепленной линии восставших венгерцев.

В корреспонденции от 2 февраля¹ Энгельс так описывает стратегическое положение равнины Дебрецена: «Равнина с трех сторон защищена болотами и реками. Тисса, начиная от границ Семиграда до Сегедина, описывает полукруг, в центре которого находится Гроссвардейн. Этот полукруг является основной оборонительной линией венгерцев. В верхней части Тиссы имеются крепости Сцигет и Мункач, на среднем течении река перерезает болотистую местность, которая начинается недалеко от Мункача и тянется на далеком расстоянии вплоть до самого устья Тиссы; болота затрудняют нападения с севера и запада. На юге река Кереш и ее притоки прорезают также болотистую местность и доходят до Темешвара, который является конечным пунктом оборонительной линии».

Вся эта область является превосходным плацдармом для концентрации венгерских армий. К этому же времени в Трансильвании командовавший революционными войсками польский генерал Бэм очистил от неприятеля Семиградье и обеспечил тем самым тыл.

В равнине Дебрецена, по мнению Энгельса, должен быть дан решительный отпор австрийцам, и если здесь венгерцы будут побеждены, то начнется партизанская война в болотах, на юге венгерской равнины и в Семиградье. Такая война в чрезвычайно подходящей для этого и в слабо населенной местности является непобедимой.

«Одно известно, — пишет Энгельс, — что Кошут еще не побежден, не находится в плену, как наивно утверждает «Kölnische Zeitung», он руководит значительной армией». Кошуту важно продержаться еще один месяц, еще четыре не-

¹ «Neue Rheinische Zeitung» № 212.

дели он должен оказывать сопротивление. Если победит временно контрреволюция, тогда падет также и Венгрия, что в свою очередь будет способствовать перевесу контрреволюции, если победит революция, то тогда господа австрийцы, утверждает Энгельс, будут изгнаны из Италии, с Рейна, из всех революционных центров¹.

Словом, основная сила венгерцев — в их умении вести партизанскую войну, в их воодушевлении, в их опоре на все население, и в такой войне они непобедимы.

«Теперь крайне важно было, — пишет Энгельс, — пока с фронта Тисса представляла собою некоторое время непродоходимую для врага траншею, с какой-нибудь стороны облегчить свое положение. Это было сделано с двух сторон: в Сегеде — Бамом, в Словакии — Гергеом. Оба выполнили маневры, в которых показали себя гениальнейшими полководцами современности»².

III

С мая 1848 г. Трансильвания сделалась ареной ожесточенной борьбы между валахами, с одной стороны, и трансильванскими венгерцами — с другой. После подавления царскими войсками революции в дунайских княжествах революционное движение в них далеко не заглохло. Царское правительство объясняло это бездействием турецких властей. Начальники русских отрядов, в частности командир 5-го пехотного корпуса Лидерс, сообщают о довольно значительной деятельности агитаторов, открыто выступавших против царского правительства и находившихся в переписке с лицами, высланными за границу; в Бухарест стали съезжаться из разных мест люди подобного «зловредного» образа мыслей. Власти приняли меры. 24 октября были арестованы 28 чел. бухарестских жителей, а в дальнейшем русское командование решило провести полное обезоружение жителей Бухареста.

Из княжеств революционная борьба перебросилась на территорию Трансильвании, где и вылилась в столкновение между валахами, выступившими как контрреволюционная сила в защиту австрийской империи, и трансильванскими венгерцами, присягнувшими на верность венгерской конституции.

¹ «Neue Rheinische Zeitung» № 212, Köln. 2 Februar.

² Ibid., № 301, Köln, 10 Mai 1849.

Валахи, боровшиеся с энтузиазмом против царского правительства, не только не желали бороться за венгерскую революцию, но были настроены против венгерцев и против венгерской революции. В Трансильвании происходила жесточайшая борьба, источником которой была политика Габсбургов, натравливавшая валахов против венгерцев. В этой борьбе сыграла также значительную роль политика самого венгерского правительства. Руководители революции стремились укрепить венгерское влияние и нарушили права национального меньшинства. В Трансильвании, состоявшей на $\frac{2}{3}$ из невенгерского населения, избирательный ценз был в 5 раз выше, чем в областях с венгерским населением.

Масса населения Трансильвании была лишена избирательного права. Антиреволюционная крестьянская политика правительства Кошута в Трансильвании принесла особенно губительные последствия для буржуазной революции; она обусловила протест со стороны рабочих и крестьян, принадлежавших к вдвойне угнетенным национальным меньшинствам.

Трансильвания сделалась ареной даже более широкого крестьянского и рабочего движения, чем сама Венгрия. Политика деятелей революции компрометировала в глазах национальных меньшинств Трансильвании дело венгерского освобождения. Все это создавало сложную обстановку, в которой проходило венгерское восстание, и увеличивало трудности защиты Трансильвании от нашествия австрийских и русских войск.

Восставшие венгерцы предъявили требование к австрийскому главнокомандующему генералу Пухнеру, чтобы все валашские войска были удалены из пределов Трансильвании. На это требование последовал отрицательный ответ.

К концу октября враждебные отношения австрийского двора к венгерцам совершенно определились, и Пухнер получил возможность пустить в ход все средства для подавления «мятежников». Он направил свои войска против отряда венгерцев, продвигаясь к городу Клаузенбургу.

Русские военные власти в дунайских княжествах с самого начала восстания были готовы принять самые решительные меры, для того чтобы помочь австрийскому правительству справиться с восставшими венгерцами. Об этом можно судить по донесениям командира 5-го пехотного корпуса Лидерса.

На границах Молдавии были поставлены казачьи пикеты, для того чтобы преградить выход из Трансильвании на

случай, если бы венгерцы захотели искать спасения в Молдавии¹.

Напротив, австрийским войскам и всем сторонникам законной власти в Трансильвании, вынужденным искать убежища в княжествах Молдавии и Валахии, обеспечивался «братский прием». В противоположность «мятежникам» — венгерцам — они не подлежали разоружению.

Помимо того было принято решение, если венгерские войска попытаются ворваться в княжества, действовать против них силой оружия².

Самим же до поры до времени было решено не вступать в австрийские владения, дабы не осложнять отношения России с европейскими державами.

Вся борьба с венгерским восстанием со стороны русских должна была пока проходить в пределах княжеств Молдавии и Валахии.

На рапорте Лидерса от 26 октября имеется резолюция Николая, подтверждающая все распоряжения русского командования. «Все распоряжения господина Лидерса, — пишет Николай, — совершенно правильны и к ним прибавить нечего. Если бы войска императора австрийского искали спасения у нас или в княжествах, где войска наши расположены, —

¹ Азиатский департамент, 1-е отделение. Политический стол. 1848 г. Папка: Венгерское восстание. «О помощи, оказанной русским правительством Австрии во время венгерского восстания, и о мерах, принятых для защиты придунайских княжеств от вторжения мятежников». Копия донесения Лидерса императору от 8 ноября 1848 г.

² Границы Валахии чрезвычайно тщательно охранялись русскими войсками. В канцелярии военного министерства сохранилось особое распоряжение относительно возможного появления венгерских инсургентов на границе Валахии. «Секретно. Господину командиру 5-го пехотного корпуса. В дополнение к высочайшим повелениям, которые я вместе с сим имею честь сообщить вашему высокопревосходительству за № 1881, государь император изволил признать нужным обратить внимание ваше и на тот случай, который предвидеться может, если успехи фельдмаршала, князя Виндишгреца, отбросят главные скопища мятежников к Трансильванской границе или к югу и вынудят их искать спасения в Валахии. На сей случай должны мы быть также совершенно готовы, и тогда, вместе ли с турецкими войсками или одним, нам необходимо немедленно встретить и уничтожить эти скопища, буде мятежники не сложат оружия. Затем пленные и положившие оружие мятежники имеют быть переданы австрийскому военному начальству, с которыми вы не оставите войти в сношение о порядке сдачи их на границе. О распоряжениях ваших вследствие сих высочайших указаний покорнейше прошу мне донести для всеподданнейшего его величеству доклада». Подписал: Военный министр, генерал-адъютант, князь Чернышев. Министерство военное. Канцелярия министерства. Отделение 1-е. В С.-Петербурге, 31 декабря 1848, № 1882, ЛОЦИА.

принимать их братски. Всякие попытки к вторжению в край, нами занятый, встречать оружием и уничтожать, но не входя в австрийские владения»¹.

В тот чрезвычайно ответственный для венгерского восстания момент, когда против него по существу уже объединились две силы — австрийцы и русские, — в Трансильванию прибыл Бэм, которому Комитет национальной защиты поручил руководство трансильванским участком австро-венгерской войны.

Бэм встретился в Трансильвании с довольно сильным крестьянским движением. Выступали главным образом румынское крестьянство и секлеры. Крестьяне захватывали земли дворян и производили дележ между собой. Бэму предстояло вести деятельную агитацию среди населения, привлекать само население к вербовке национальных гвардейцев и т. д.

Бэм прибыл в Клаузенбург (Коложвар) в конце декабря (29 декабря). Он быстро сконцентрировал остатки разбитых венгерских войск и нанес поражение австрийцам. Часть их он выгнал через Карпаты и Буковину и далее — в Галицию и следом за ними прошел до Станиславова. Затем повернул обратно в Трансильванию и начал преследование австрийского генерала Пухнера. Последнему приходилось непрерывно отступать вплоть до самого Германштадта (Надь-Себена).

«Несколько стычек, несколько быстрых переходов в разных направлениях, — и в руках Бэма оказалось все Семиградье кроме двух городов — Германштадта и Кронштадта (Брашо)»².

Положение становилось для Австрии чрезвычайно тяжелым. Вся Трансильвания — тыл венгерской армии — была освобождена восставшими. Тогда решили обратиться к помощи царских войск.

Пухнер посылает курьера за курьером, прося генерала Лидерса спасти Трансильванию и занять русскими войсками и Германштадт и Кронштадт. На соответствующем донесении Лидерса Николаем была положена резолюция: «Необходимо сейчас же идти навстречу и уничтожить сборище»³.

¹ Папка «Венгерское восстание. О помощи, оказанной русским правительством...». Рапорт Лидерса от 26 октября.

² «Neue Rheinische Zeitung» № 301, 10 Mai.

³ Министерство военное. Канцелярия министерства. Донесения Лидерса. 31 декабря 1848 г.

Вступление 10 тыс. чел. русских войск в Трансильванию дало решительный перевес австрийцам. Это обстоятельство заставило Бэма отступить на территорию венгерцев.

На территории трансильванских венгерцев Бэм энергично мобилизовал все местные силы, и австро-русские войска скоро ощутили всю опасность нового восстания.

Бэм обошел позиции Пухнера, который был уже в центре Трансильвании, двинулся прямо на Германштадт, выгнал оттуда русских, разбил затем самого Пухнера и подошел к Кронштадту. Русским ничего не оставалось делать, как отступить к границам Валахии, все время отбиваясь от наступавших на них венгерских войск.

Царское правительство было чрезвычайно поражено своей неудачей и пыталось все объяснить медлительностью и недостаточной распорядительностью австрийского командования. Австрийцы, по словам Паскевича, «ничего не делали и вот до чего дошли, что наши войска принуждены на границе отступить, выдержав сражение с вдесятеро сильнейшим неприятелем. Наше войско может быть скомпрометировано благодаря неспособности австрийских генералов»¹.

Таким образом помощь русских в данном случае оказалась недостаточной. Бэм блестяще справился со своей задачей и завоевал Трансильванию.

«Neue Rheinische Zeitung» дает несколько интересных подробностей, характеризующих ту ожесточенную борьбу, которая велась Бэмом в Семиградье. Первая, чрезвычайно важная особенность этой борьбы заключалась в стремлении Бэма организовать повстанческую армию, используя не только венгерцев, но и ведя деятельную агитацию среди местного трансильванского населения, враждебного венгерцам — валахов и саксов. Наряду с этим не менее энергично проводился и набор солдат. Все, кто способен был носить оружие, были присоединены к гонведам, обучены и направлены против австрийцев.

Кроме местного населения в войска Бэма были включены 10 тыс. польских солдат и один легион венских студентов и пролетариев².

Бэм действовал конечно не только путем агитации, он принял ряд мер, для того чтобы завербовать себе сторон-

¹ Шербатов, Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т. VI, стр. 48.

² «Neue Rheinische Zeitung» № 274, 17 April.

ников даже среди первоначально враждебного ему населения¹. Всем, принимавшим участие в борьбе на стороне противника, но добровольно желавшим перейти в лагерь восстания, он объявил амнистию, угрожая в то же время всем перебежчикам к австрийцам полной конфискацией имущества².

Применялись и другие репрессивные меры. «Новая рейнская газета» приводит ряд эпизодов, которые подчеркивают степень ожесточенности борьбы. Так например, когда незадолго до взятия Германштадта Бэм направил парламента в лагерь русских и потребовал сдачи, русский генерал вместо всякого ответа высек парламента плетьюми.

11 апреля город был взят, был организован революционный комитет и несколько казаков из русской армии были повешены³.

Совершив блестящий поход по Семиградью, Бэм намеревался направиться в Буковину, но в дальнейшем отказался от этого плана и оставил свои войска в Трансильвании.

Но уже самые слухи о появлении Бэма на границах Галиции и Буковины вызвали панический страх в царском правительстве, как огня боявшемся вспышки волнений в самой Галиции. Правительство предпринимает целый ряд чрезвычайных мер для предотвращения возможного бунта и охраны края. Было дано предписание министру внутренних дел такого содержания: «Посударь император по случаю вторжения мятежника Бэма с войсками венгерцев в Буковину и Галицию, одоблив распоряжение главнокомандующего действующей армией к сбору отрядов войск на границе между Каменец-Подольском и Дубно, высочайше повелеть соизволил: удвоить меры осторожности на галицийской границе и в сих видах предоставить генерал-губернаторам: генерал-адъютанту Бибикову и генерал-лейтенанту Федорову, подтвердить городским и местным полициям иметь секретное наблюдение за направлением умов жителей и непременно знать о всех скопищах и о причинах их... Подпись — Военный министр князь Чернышов»⁴.

¹ Ср. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XI, ч. II, стр. 581.

² «Neue Rheinische Zeitung» № 279, 23 April.

³ Ibid., № 283, 27 April.

⁴ Министерство военное. Канцелярия министерства. Отделение 1-е в С.-Петербурге. 7 января 1849 г. Папка № 2, ч. 1 со следующим подзаголовком: «По всеподданнейшему письму г-на главнокомандующего действующей армии о вторжении мятежника Бэма с венгерским войском в Буковину. Тут же и о военных распоряжениях о вступлении войск за границу», ЛОЦИА.

И. БЭМ
(1795—1850)

Польский генерал артиллерист, участник польского восстания 1830 г. В венгерскую революцию командовал армией в Трансильвании. В 1849 г. перешел в турецкое подданство под именем Амурат-паши (гравюра на стали Нордхайна конца 1840 г., из коллекции ИМЭЛ).

Особые распоряжения касаются уничтожения поводов для недовольства в войсках. Так, чрезвычайно любопытно распоряжение Паскевича о предоставлении военным чинам на время «нахождения их в сборе» по случаю движения мятежника Бэма в Буковину и Галицию мясных и винных порций — строевым по три, а нестроевым по две в неделю. На этом распоряжении имеется резолюция Николая, увеличивающая порции. «На все это время разрешаю 5 мясных и 3 винных порции в неделю. 6-е января 1849 г. Николай»¹.

Вся эта тревога произошла вследствие того, что Бэм во главе двадцатитысячного войска произвел атаку на австрийский пехотный полк, находившийся на границе Буковины.

Австрийское командование (Гаммерштейн) решило, что Бэм со всеми силами направился в Буковину, и стало просить помощи русских войск. В действительности же войска Бэма оставались в Трансильвании, и Гаммерштейн, убедившись в последнем, взял свою просьбу обратно.

IV

Между тем борьба на главном австро-венгерском фронте разгоралась с новой силой. Повсюду действовали партизанские отряды. Террористические мероприятия Виндишгреца озлобляли население тех городов и областей, которые были заняты австрийцами.

У венгерской армии обнаружились существенные преимущества перед австрийской. У венгров оказался лучший командный состав, выросший за время самого восстания.

Энгельс в одной из своих статей дает яркое сопоставление стратегических приемов обеих армий. Австрийцы, по его словам, побеждают не благодаря своим полководцам, но вопреки им. Вся сила их только в действии компактными массами. Война ведется бездарно. Нет хорошо продуманного плана, никакой смелости, никакой попытки чем-либо поразить врага. Австрийские армии маршируют по прямой линии к намеченному пункту, не обращая внимания на то, что происходит справа и слева, и когда выльются какое-нибудь неожиданное движение венгерцев, то они проявляют полную беспомощность, ничего не могут сделать, пока не найдут снова утраченный путь.

¹ Министерство военное. Канцелярия министерства. Отделение 1-е в С.-Петербурге, №11, 1 января 1849 г. Варшава, ЛОЦИА.

«Они, — пишет Энгельс, — держатся старой, четкой, чрезвычайно простой стратегии Вейланда, Елерзейта, Кабурга, Вурмзера и их последователей, которые с божьей помощью верили в правильность аксиомы, что между двумя точками прямая линия есть кратчайшее расстояние»¹.

В противоположность стратегически бездарной австрийской армии венгерцы располагают значительным числом военных талантов.

Весь венгерский поход был проведен по одному плану, искусство которого выступает все очевиднее с каждым днем. «Между отдельными моментами осуществления большого плана — целая серия эпизодов, из которых один гениальнее, неожиданнее и искуснее другого».

Хорошо вооруженная масса австрийцев противостоит венгерцам, недостаточно вооруженным, но действующим во всех пунктах с исключительным расчетом, с использованием всех выгод местности, с учетом всех возможностей и с исключительной быстротой их использования.

Таков был блестящий переход Бэма через Трансильванию.

Не менее искусен был поход Гёргея от Пешта вдоль Карпат и Тиссы и отсюда опять к местности, находящейся в 6 милях от Пешта².

Энгельс подробнее останавливается на движении венгерской армии между Тиссой и Дунаем, которое происходило в конце марта под руководством Гёргея и Дембинского. Операции этих полководцев Энгельс считает блестящими.

Расположение обеих армий было таково: венгерцы находились за Тиссой, Гёргей — у Токая, Дембинский — у Тиссафюрда, венгерские генералы: Феттер — у Солнока, Дамьянич — у Сегеда; австрийцы — на противоположном берегу Тиссы. Войска Ранберга, австрийского генерала, достигали Мишкольца. Шлик занимал пространство от Мишкольца к Цегледу. Расположение войска Елачича — от Цегледа до Кечкемета.

Внезапно Гёргей снимается с Тиссы, движется обходной дорогой севернее Капау, отбрасывает дивизию Ранберга и, не задерживаясь, идет опять в направлении к югу.

Ранберг поспешным бегством по плохой дороге спаса-

¹ «Neue Rheinische Zeitung» № 265, 6 April.

² Ibid.

Г. ДЕМБИНСКИЙ
(1781 — 1864)

Польский генерал, участник и временно главнокомандующий польской революционной армии в 1830—1831 гг. Был главнокомандующим венгерской революционной армии в феврале — апреле 1848 г.; затем командовал севернотисской армией. После разгрома венгерской революции перешел на турецкую территорию, а затем эмигрировал во Францию (гравюра 40-х годов, из коллекции ИМЭЛ).

ется к Вайцену, к Дунаю и останавливается недалеко от Пешта. Там он наскоро сооружает переправу через Дунай, чтобы сделать реку преградой между собой и Гёргеем.

Одновременно Дембинский переправляется через Тиссу, приближается к отрядам Шлика на их наиболее слабом участке, проходит через занятую врагом местность и соединяется с Гёргеем.

Шлик направляет одну часть своих войск для прикрытия Пешта, другой частью преследуя армию Дембинского. Фактически это преследование означало только то, что он был отрезан и отброшен к Чернату, в область, занятую венгерцами.

В то же самое время Дамьянич и Феттер направляются против Елачича. Елачич занимал Кечкемет. Его главная квартира находилась в четырех милях от последнего.

Дамьянич выбил его из позиций, заставил оставить Кечкемет и отступить к Цегледу. Елачич должен был остановиться недалеко от Пешта и организовать здесь свою главную квартиру.

Австрийцы были таким образом выбиты из всех своих позиций, и снова ареной борьбы стали окрестности Пешта.

В то время как Дембинский и Дамьянич угрожают Пешту, Гёргей направляется против Ранберга и следует за всеми его движениями, которые угрожают Коморну (Комарому). Другая часть венгерской армии сосредоточивается около Гра-на, который является промежуточным пунктом между Пештом и наступающей армией, с тем чтобы занять тыловую позицию по отношению к врагу, если последний попытается направить свои силы против главной армии.

Другая венгерская армия расположена к юго-востоку от Пешта. Одно крыло ее достигает Дуная, а другое — Тиссы. Центр находится в Кечкемете или в Цегледе. Эта армия угрожает Пешту с другой стороны и имеет специальной задачей постоянно угрожать врагу, постоянно отвлекать его внимание и ослаблять его силы.

Эти быстрые переходы венгерцы предпринимают в тот момент, когда австрийская армия вследствие плохой погоды и размытых дорог не может сделать ни шагу вперед, а может только пятиться назад.

«Австрийцы, — пишет Энгельс, — теснимы со всех сторон. Сегед освобожден. Объединение Елачича с сербами предотвращено. Осада Коморна избегнута. Восстание словаков и всего населения по правому берегу Дуная, получит

подкрепление. Пешту угрожает венгерская армия. — Вот величайшие результаты смело и расчетливо задуманного плана и практически быстро организованного и проведенного движения 4-й мадьярской армии»¹.

V

Венгерское восстание в ходе своего развития выявило свои слабые и сильные стороны. Наиболее слабой стороной было то, что буржуазное руководство, следовавшее политике проволочки и оттяжек в разрешении крестьянского вопроса, создавало себе препятствия при организации обороны. Однако, несмотря на политику буржуазного руководства, крестьянство вело героическую длительную борьбу против австрийской контрреволюции с венским двором и реакционными силами, находящимися внутри Венгрии.

Сильная сторона восстания — это то, что венгерское правительство нашло в себе силы и способности организовать боевую армию с надежным командным составом. Венгерской армией руководили талантливые генералы, умело применявшие все методы гражданской войны, нерегулярного боя и действовавшие большей частью маневрами, а не лобовыми атаками.

Если в декабре у венгерцев еще не было настоящих командиров и против австрийцев сражалась неорганизованная масса, то весной австрийские войска оказались лицом к лицу с храброй, многочисленной, хорошо организованной и неплохо вооруженной армией восставших.

«Чтобы не подвергать Пешт бомбардировке со стороны Буды, — пишет Энгельс, — венгры прибегали к своему испытанному средству — выбивать австрийцев из их позиций больше маневрами, чем открытыми фронтовыми атаками»².

В то время как Дембинский был всецело занят действиями против центра австрийской армии, находившегося под командованием Шлика, Гёргей с возросшими силами направляется к Вайцену (Вацу), действует против левого крыла австрийцев, руководимых Виндишгрецем, разбивает их и берет Вайцен.

Виндишгрец оказывается окруженным со всех сторон. Даже враждебная венгерцам австрийская печать признает исключительное мужество, с которым борются венгерцы.

¹ «Neue Rheinische Zeitung» № 265, 6 April 1849. Der Ungarische Krieg.

² Ibid., № 301, 10 Mai.

«Венгерцы, — отмечает она, — борются с величайшей смелостью, и никакое дальнейшее продвижение императорской армии невозможно без значительного подкрепления. Это не Пьемонт. Даже если бы направить сюда всю армию Радецкого, то вряд ли она смогла бы справиться»¹.

Основная задача венгерцев после взятия Вайцена была выбить австрийцев из Пешта и освободить Коморн. Все искусство, все силы венгерской армии направлены на выполнение этой задачи. Венгерская армия располагается на левом берегу Дуная, на всем протяжении от Вайцена до Коморна, чтобы после освобождения крепости под прикрытием пушек переправиться через Дунай и отрезать движение главной австрийской армии.

Австрийская армия со своей стороны готовится к решительному сражению, сосредоточивает силы. Часть войск отвлекается даже от самого Пешта и занимает новые позиции по правому берегу Дуная, чтобы противостоять наступлению венгерцев на Коморн. «Вельден спешит дать решительное сражение, — пишет Энгельс, — его поспешность будет стоить ему дорого».

Наконец сражение начинается и развертывается между Левой и Ньитрой с перевесом на стороне венгерцев.

Немецкая газета «Neue Oder Zeitung» сообщает о том, что 20—21 апреля между Граном и Коморном происходила битва. Несмотря на смелое сопротивление, Вольгемут принужден был отступить. Австрийцы понесли огромные потери людьми и военным снаряжением. 2 тыс. пленных попали в руки венгерцам. Непосредственным следствием этой победы венгерцев будет освобождение Коморна².

Спешным маршем Гёргей со всеми своими силами направляется против Коморна.

Передовые посты венгерцев продвигаются к Пресбургу. Венгерские части все ближе и ближе подступают к Вене. В южном направлении венгерская армия охватывает значительную территорию. Венгерцы угрожают даже Землину, находящемуся на турецкой границе. «Короче говоря, — подводит итог Энгельс, — венгерская революционная армия одерживает победы на всех фронтах».

Перед энтузиазмом и смелостью маленького народа, едва-едва насчитывающего 5 млн. чел., рушатся силы 30-миллион-

¹ «Neue Rheinische Zeitung» № 276, 16 April. Vom Kriegsschauplatz.

² Ibid., № 283, 27 April.

ной австрийской монархии, рушатся силы австрийской армии, которая, по выражению Вельдена, «своими победами удивляла пол-Европы».

«Удары, которые когда-то австрийская армия получила при Жемаппе и Флерюсе, она получает теперь в Венгрии. Ведение войны с революцией является трудной задачей»¹.

Наконец Коморн был взят венгерцами, и это было кульминационным пунктом венгерских побед. Коморн был одним из опорных центров австрийского господства. Там было сосредоточено много военных сил и военного снаряжения. В руки венгерцев попало огромное количество брошенного и укрытого огнестрельного оружия. Теперь у австрийцев в Венгрии по существу не осталось ни одной позиции. Они должны были спешным порядком отступить за Лейту. К этому надо прибавить острую нужду австрийцев в деньгах. Не было денег даже для оплаты армии. Виндишгрецу приходилось платить чиновникам венгерскими ассигнациями. Была сделана попытка выпустить бумажные деньги, но она кончилась полным крахом, ибо деньги не пользовались доверием населения и не принимались им.

В австрийской армии царило смягчение и даже разложение. Елачич должен был спешно отправиться со своими кроатами вниз по Дунаю в Славонию. Среди кроатов все больше рос авторитет венгерцев. Армия Елачича была совершенно дезорганизована. Грабеж, мародерство, дезертирство стали в этой армии обычным явлением. Для поддержания порядка Елачич был принужден расстреливать солдат своей же армии. Эта армия давно потеряла свою боеспособность и использовалась австрийцами как резерв.

При своем отступлении, которое было по существу уже бегством, Вельден и Елачич несли большие потери. Вельден был почти в безвыходном положении. Он был отрезан от Вены. Для него был открыт только возврат к Веспрему, лежащему на непроходимом горном пути. Ему удалось сконцентрировать в Пресбурге остатки своих сил, которые не обладали достаточно серьезной силой сопротивления.

Вольгемут, совершенно отрезанный от главных сил австрийской армии, занимал чрезвычайно неудобные позиции на Вааге, ему противостояло правое крыло армии Клапки, которая заграждала путь к Пресбургу.

¹ «Neue Rheinische Zeitung» № 284, 28 April.

«Словом, — писал Энгельс, — венгерцы одерживают победы на всех фронтах и через 14 дней будет уничтожен центр контрреволюции — «единая» австрийская империя, а на ее развалинах вновь возродится европейская революция»¹.

VI

14 апреля в Дебрецене было объявлено отделение Венгрии от Австрии. Эта декларация венгерской независимости была ответом на новые узурпаторские действия Габсбургов, выразившиеся в манифесте 4/III 1849 г., в котором австрийский император объявлял о роспуске собрания в Кремзире, обвинявшегося им в том, что оно мало заботилось об осуществлении единства империи, и вводил общую конституцию для «единой и неделимой» австро-венгерской монархии.

Эта конституция уничтожала независимость Венгрии, которая должна была целиком раствориться в Австрии. Те же территории, которые издавна принадлежали Венгрии, отделялись от нее и превращались в совершенно независимые от Венгрии провинции и области — Пенсильвания, Кроация и др.

Этим манифестом нарушались основные права Венгрии, и само собою разумеется, что его обнародование должно было повлечь за собою решительные контрмеры со стороны революционно настроенных венгерцев.

Декларация независимости явилась кульминационным пунктом венгерского восстания. Декларация предусматривала создание нового правительства, принципы которого покоились на новых началах.

Принципы нового политического порядка изложены в двух документах: в декларации независимости (14 апреля) и в речи Кошута (17 апреля).

«Наступил момент, когда представители венгерской нации перед лицом Европы и всего мира объявляют Венгрию свободной и независимой».

Декларация излагает историю взаимоотношений Венгрии и Австрии и перечисляет при этом все преступления австрийского правительства против конституционных прав венгерского народа.

Далее декларация обвиняет австрийский абсолютизм в

¹ «Neue Rheinische Zeitung» № 285, 29 April 1849. Fortschritt der Magyaren.

использовании доходов страны и крови народа для чуждых Венгрии целей, в подчинении экономических интересов Венгрии своим выгодам, в жесточайшей эксплуатации народа, в сознательном стремлении отдалить Венгрию от других наций и сделать ее постепенно австрийской колонией.

Декларация независимости упоминала и о национальной политике австрийского абсолютизма, сводившейся к настраиванию одной нации против другой и подстрекательству национальных меньшинств.

В заключение декларация останавливалась на описании последних событий, на героической борьбе венгерцев против австрийцев, приведшей к освобождению Венгрии.

Как вывод из этого исторического обзора борьбы венгерского народа против его угнетателей декларация объявляла от имени всей нации следующее:

«1. Венгрия провозглашается свободным и независимым европейским государством с включением в ее состав Трансильвании, которая к ней законно присоединилась, и всех зависимых земель, областей и провинций Венгрии.

«2. Дом Габсбургов лотарингских, запятнавших себя предательством и клятвопреступлением, а также и тем, что он поднял оружие против венгерской нации, дом Габсбургов, осмелившийся покуситься на расчленение страны путем отделения от Венгрии Трансильвании, Кроации, Славонии, Фиуме и побережья, дом Габсбургов, который своими собственными руками уничтожил прагматическую санкцию и нарушил все связи, существовавшие благодаря взаимным договорам между ним и Венгрией... названный дом Габсбургов лотарингских навсегда лишается власти над Венгрией, Пенсильванией и над всеми зависимыми от них областями и провинциями, изгоняется из страны и лишается гражданских прав. Следовательно в силу настоящей декларации от имени нации он объявляется низложенным, лишенным трона и изгнанным.

«3. Венгерская нация возвращается в европейскую семью как свободное и независимое государство...

«4. Национальное собрание устанавливает форму правления во всех ее деталях, но временно, пока конституция окончательно не разработана, Людвиг Кошут провозглашается правителем-президентом, причем ему поручается создание ответственного министерства»¹.

¹ *D. Irányi et Ch.-L. Chassin, op. cit., p. 387.*

Декларация предписывала всем гражданам повиноваться приказам и указаниям Кошута.

О том же в основном говорила и речь Кошута, которая была произнесена 17 апреля 1849 г. Он также перечислял все преступления австрийской империи, которые подготовили и сделали неизбежным объявление независимости, подчеркивал готовность венгерцев защищать эту независимость, обеспечивающую блеск, славу и величие нации. Кошут подчеркивал значение декларации: «Пусть венгерский народ помнит, — говорил он, — что с пирамиды времен на него взирает тысячелетнее существование... Пусть каждый венгерец помнит, что мы стоим на переломе, — или мы увидим осуществившимся все то великое и прекрасное, о чем мы мечтали для нашего отечества, или мы должны навеки исчезнуть, умереть смертью тех трусливых народов, для которых гений истории несет только одно благодеяние — гибель»¹.

После объявления декларации центром венгерского правительства сделался Дебрецен. Здесь стало заседать национальное собрание. Сюда же перенес свою деятельность в прежнем составе кабинет министров, возглавляемый радикалом Семере. Как только правительство возобновило свою деятельность, глава кабинета Семере выступил в национальном собрании с программной речью, которая явилась авансом по адресу левого центра собрания. Семере говорил, что правительство признает себя революционным, что оно ставит своей задачей организовать республиканское правление, что задача Венгрии — укрепить демократию².

Несмотря на возражения правых, которые выступили против этой, как они называли, попытки скомпрометировать кабинет и дело независимости Венгрии, эти принципы программы Семере были приняты и одобрены большинством, состоявшим из радикалов-республиканцев и некоторых других членов палаты. Вообще в палате депутатов в это время слово «республика» звучало довольно часто. Из отдельных городов Венгрии в национальное собрание направлялись петиции с требованием республики. Национальное собрание неизменно встречало их аплодисментами и постановляло, что оно с удовольствием присоединяется к петиции.

После того как была зачитана одна из таких петиций (города Бэсэрмени), депутат умеренной группы Ниари

¹ *L. Kossuth, Gesammelte Werke, 1850, Bd. I, S. 199.*

² *D. Irányi et Ch.-L. Chassin, op. cit., p. 410.*

воскликнул: «Национальное собрание приняло программу правительства, и я не думаю, чтобы в его стенах был хотя бы один враг демократии»¹.

Вторая палата утвердила состав нового правительства и новой администрации, которая была определена Кошутом.

14 мая в объединенном заседании верхней и нижней палат состоялось принесение присяги о защите венгерской независимости².

Первым законопроектом, предложенным Кошутом, был проект закона об увеличении армии на 50 тыс. чел., потому что Австрия после своих побед в Италии собирала новые силы против Венгрии и в то же время русская интервенция становилась уже неизбежной. Кошут выработал целую программу мероприятий на случай русской интервенции. Он считал необходимым повести энергичную агитацию в Польше против русских и одновременно наводнить своими войсками Галицию, чтобы тем самым воспрепятствовать вступлению туда русских войск и создать благоприятную обстановку для действий главной армии. Этот план был горячо встречен поляками. Во главе армии, которая была предназначена для операций в Галиции, по первоначальному проекту должен был стать Дембинский. Но в дальнейшем этот план был оставлен. Поднятие Галиции было чрезвычайно трудным делом. Революционно настроенные поляки и часть крестьянства в ближайших к Кракову областях охотно присоединились бы к венгерской армии, но масса русин находилась под влиянием австрийской агитации. Венгерское правительство никакой активности в этом вопросе не проявило.

В своих воспоминаниях о венгерском походе русский офицер Лихутин³ пишет, что большинство поляков Галиции переехало в Венгрию, а русины-крестьяне всецело находятся под влиянием австрийского правительства, ибо австрийское правительство сумело привязать к себе крестьянство Галиции обещанием аграрных реформ. Оно сумело также направить это крестьянство против поляков и венгерцев. Галиция делалась основной базой русского наступления. Здесь заготавливалось большое количество провианта. Венгерское правительство не пытается завоевать сочувствие русинского крестьянства. У венгерского командования бы-

¹ *D. Irányi et Ch.-L. Chassin*, op. cit., p. 412.

² *Ibid.*, p. 415.

³ *Лихутин*, Записки о походе в Венгрии 1849 г., М. 1875, стр. 21.

ла возможность разорить собираемые русскими запасы провианта.

Однажды даже прошел слух, что генерал Дембинский имеет намерение уничтожить эти запасы, но слух оказался ложным. Дембинский в Галиции не появлялся. Здесь сказались уже начавшееся разногласие в венгерском командовании и отсутствие единого руководства, а также нерешительность венгерского правительства в применении тактики наступления¹.

Национальное правительство воздержалось и от посылки своих агентов в Польшу, ибо считало это мероприятие компрометирующим его в глазах европейских стран, от которых оно ждало поддержки в случае русской интервенции².

Важным актом национального правительства было создание новой администрации Венгрии. Венгерцы занимали один комитат за другим, отвоевывая их от австрийцев. Необходимо было обеспечить эти области аппаратом управления, вполне преданным национальному правительству. В комитаты направлялись правительственные комиссары, которые организовывали и руководили выборами должностных лиц. Чиновники, вербовавшиеся из аристократии и смотревшие на свои должности как на sinecуры, были заменены чиновничеством нового состава. Служба этих лиц уже оплачивалась особым жалованьем. Отменены были старые традиции и порядки, по которым чиновничество пользовалось даровыми разъездами по служебным делам (эту повинность должны были нести крестьяне).

Так создавался новый административный аппарат, подчиненный всецело национальному правительству, — преданный проводник его воли³.

Очень важным мероприятием было создание органа борьбы с контрреволюцией, которому принадлежала функция политического контроля над действиями должностных лиц (*politikai rendőrség*). Создателем этого органа был Семере, он же выработал и основные принципы построения и деятельности этого органа. В основном эти принципы сводились к следующему: этот орган как необходимый институт в государстве действует совершенно самостоятельно, независимо от судебных органов и от органов сыска; он оповещает

¹ Лухутин, цит. соч., стр. 21.

² D. Irányi et Ch.-L. Chassin, op. cit., p. 417.

³ Horvath Mihály, Magyarország függetlenségi hárcának története 1848 és 1849 ben Genf 1865, p. 14.

правительство обо всех контрреволюционных действиях; он подчинен непосредственно министерству. Наконец он организует политический контроль внутри государства и действует при помощи своих агентов за границей. Отдельные филиалы учреждаются на границах, в больших городах, в центрах, где сосредоточено население, принадлежащее к меньшинствам. Важно подчеркнуть, что новый орган не подчинялся муниципалитетам; в этом сказывалось стремление правительства создать централизованный административный аппарат, стоящий над органами самоуправления. Когда муниципалитеты протестовали против нового положения, Семере отвел все возражения, сославшись на то, что сейчас вопрос идет о спасении отечества и все органы, служащие этому делу, должны быть подчинены непосредственно центральной власти¹.

Национальное правительство совершенно заново строило весь судебный аппарат. Старые королевские суды, а также те суды, которые существовали в Венгрии до нашего вступления, Виндишгреца и которые австрийский главнокомандующий попытался использовать в своих интересах, были уничтожены. Весь личный состав судов был в значительной степени обновлен. Были созданы две инстанции политического суда, где судились обыкновенные политические преступления, — первая инстанция и высшая — последняя инстанция, состоявшие из председателя суда, двух его помощников и судей. При армии действовали военные суды, причем их приговоры не подлежали апелляции. Наряду с политическим судом был создан особый суд для разбора всяких уголовных дел. Затем кроме обычных политических судов были организованы «чрезвычайные суды», которым были подсудны все преступления, совершенные против отечества, против конституции и против независимости страны. В них судились также и те лица, которые были виновны в подстрекательстве к враждебным действиям против национального правительства. Создание подобной судебной организации было важным революционным мероприятием национального правительства. Интересно однако отметить заявление члена правительства — Хорвата, в котором он, защищая деятельность новых судебных учреждений, вместо того чтобы подчеркнуть значение их как органов революционного правосудия, пытался опровергнуть обвинение судов в излишнем терроризме.

¹ Horvath Mihály, op. cit., p. 794—95.

Он ссылался на ту обстановку, в которой приходится действовать национальному правительству, и подчеркивал умеренность чрезвычайных судов по сравнению с австрийскими судами¹.

Наконец необходимо отметить значение нового устройства финансового управления. Финансовая реформа имела одну основную цель: обеспечить национальное правительство денежными средствами. Дело в том, что нормальное налоговое обложение стало уже недостаточным для покрытия чрезвычайных расходов страны, находившейся в состоянии войны и блокады. Основным источником денежных ресурсов страны был выпуск бумажных денег. На определенном этапе борьбы последние оказались единственными денежными знаками, находящимися в обращении. Серебро и золото совершенно исчезли, так же как и банкноты венского банка. С началом русской интервенции они сильно пали в цене. Ценность их постепенно снизилась до $\frac{1}{5}$ и $\frac{1}{10}$ курса банкнот венского банка. Дело дошло до того, что купцы отказывались принимать бумажные деньги, и нужно было прибегнуть к чрезвычайным мерам, для того чтобы обеспечить их обращение.

Национальное правительство, будучи еще в Дебрецене, провело ряд законопроектов о чрезвычайном налоге. Был издан закон об увеличении подоходного налога. Служащие должны были платить по размеру своего жалованья. Доходы купцов облагались по окончательному проекту до 7,5%. Был установлен налог на спиртные напитки. Были обложены налогом также и все свободные профессии, их представители должны были платить соразмерно своим доходам до 10%.

Финансовый закон был одобрен 26 мая и принят единогласно².

Таковы были важнейшие мероприятия национального правительства, действовавшего в обстановке войны и приближающейся русской интервенции.

VII

Австрийская империя стояла на краю гибели. Рассчитывать на итальянскую армию австрийскому правительству было трудно, так как, несмотря на заключенное с сардинским королем перемирие, Италия была еще далека от замирения,

¹ *Horvath*, op. cit., p. 98.

² *D. Irányi et Ch.-L. Chassin*, op. cit., p. 428—429.

и это было вскоре доказано выступлением сардинского короля.

Упорная австро-прусская вражда приводила к тому, что австрийское правительство не могло рассчитывать на помощь Пруссии.

Недаром Франц-Иосиф позже признавал исключительное значение русской интервенции. По его словам, «возможность объединения с Пруссией становилась все более и более затруднительной», ибо «Пруссия идет по демократическому пути, в то время как необходим путь твердой и решительной политики»¹.

Неустойчивость австрийской империи в значительной степени создавалась и известной переменой политических настроений славянских народностей. В этом отношении любопытны корреспонденции Энгельса в «*Neue Rheinische Zeitung*». Энгельс, используя славянскую прессу, рисует недовольство сербов австрийским правительством. Сербы возмущены австрийской политикой в сербских областях, смещением всех местных властей, избранных сербским населением, и восстановлением старой королевской администрации. Недовольны сербы и роспуском кремзирского рейхстага. «Камарилья, по заключению славянского органа, не может рассчитывать ни на сербов, ни на южных славян»². Национальное движение в южнославянских землях также не способствовало росту лояльности этих народов по отношению к центральному правительству. Кроаты распространяли идеи кроато-славянско-далматинского государства. Объединение славянских народностей противопоставлялось объединению немецкому. Ненависть к венгерцам подчас сменялась ненавистью к немцам³.

Между тем венцы уже готовились к приему венгерских войск. В столице Австрии совершенно по-разному восприняли вест о победе венгерцев. Венская буржуазия, радовавшаяся поражению революции, была обеспокоена победой венгерского восстания. Но радикальная демократическая Вена была охвачена надеждой.

«На улицах, — сообщают венские газеты, цитируемые Энгельсом, — такое же возбуждение, как в разгар баррикадных боев в прошедшие годы. Иностранец должен был бы удивить-

¹ Донесения Мадема 21 мая (2 июня) 1849 г., Вена. Папка № 107.

² *Neue Rheinische Zeitung* № 249, 20 März 1849.

³ *Ibid.*, № 278, 24 April 1849.

ся, видя большие толпы людей, выбравшихся из своих домов, пользуясь ярким весенним днем. Внешний вид столицы говорит о том, что какой-то мощный толчок привел в движение любопытство, надежду, лихорадочное напряжение. Но повсюду видневшиеся штыки и значительная охрана допускали только скрытое сопротивление. Тем не менее оно проявляется во всем — в тихих беседах по углам, в открытых разговорах о политике и в тысяче других вещей. По улицам Вены маршируют регулярные войска по 5 человек в ряд. Национальные гвардейцы возмущаются при виде этих легионов, тайно спрашивая себя: когда же все это кончится? Благонмеренные люди охвачены тяжелым предчувствием. Это уже выяснилось вчера совершенно ясно и отчетливо, а между тем на улицах и в кафе посылают благословения Кошуту. «Я жду своего времени и оно должно притти», — говорит Парсифаль королеве. Сегодня же возбуждение как будто несколько стихло. Меньше движения и разговоров гораздо меньше, чем вчера»¹.

Но если вся демократическая Вена «благословляла Кошута», с нетерпением ожидая, как освобождения, его прихода в Вену, то буржуазная часть Вены была испугана его приближением. Из Вены сообщают: «Венгерские события произвели значительное впечатление на буржуазию. Часть жителей охвачена неопишущим отчаянием. Многочисленные беженцы из Пешта, которые прибывают сюда, увеличивают беспокойство и направляют общее возбуждение против Виндишгреца. Громко говорят о предательстве. Город между тем спокоен. Вчера и сегодня идут подкрепления отсюда на фронт. Ждут прихода еще части свежих войск. Вчера уже прибыли два батальона. Сегодня прибыл курьерский поезд с почтой из Пешта. Можно думать, что Кошут не замедлит возобновить осаду»².

Некоторые источники говорят о министерском кризисе; утверждают, что «Шварценберг и Виндишгрец должны быть смещены, что общественное мнение требует этих жертв», однако фактически дело конечно шло о вещах гораздо более серьезных, чем министерский кризис.

Венгерское восстание угрожает Вене, и австрийская монархия — одна из опор европейской контрреволюции — в ближайшее время должна была погибнуть.

¹ «Neue Rheinische Zeitung» № 285, 29 April; Köln, 28 April. Fortschritte der Madyaren.

² Ibid.

Для австрийского правительства оставался один выход — снова обратиться за помощью к России и просить, чтобы русское правительство направило свой отряд прямо в Вену.

В октябре 1848 г. вопрос об интервенции в Венгрии был решен. Ярким свидетельством близких отношений Николая с венскими реакционными кругами является донесение русского посла в Вене Фонтана о его переговорах с Виндишгрецом в середине октября 1848 г.¹.

Принц Виндишгрец принял Фонтана с необычайной приветливостью. «Вид его был чрезвычайно серьезен, — пишет Фонтон, — он не пытался даже скрыть ту глубокую печаль, которая омрачала его лицо, печаль вследствие тяжелых несчастий, гражданской войны, раздирающей монархию. Очень часто в течение нашего разговора он с трудом сдерживал слезы, но эта чувствительность только возвышала ясность и необычайное спокойствие, с которыми он выполнял свои обязанности должностного лица. У меня, говорит он, задачи необычайной трудности: необходимо подавить анархию не только физически, но и морально. Не было еще в истории примера, когда страна в столь непродолжительный срок до того была бы деморализована, как наша. Революционный дух охватил и увлек массы, подобно глыбе снега. Если не желать идти к полному разрушению, пришел момент оказать противодействие. Для этого нет недостатка в средствах». Зашел разговор о том, насколько император Николай готов поддержать тех, которые стремятся восстановить монархию в Австрии. «Я никогда не сомневался, — сказал Виндишгрец, — в симпатиях императора к тем целям, которые я защищаю. Его величество сам мне их открыл, и я имел возможность с полной откровенностью и прямотою сообщать мои идеи. Когда вы будете писать Нессельроде, скажите ему, что все, что я предвидел, случилось, что вы меня видели, что я нахожусь здесь во главе военных сил, которые, как я надеюсь, в состоянии положить конец анархии... Если мои усилия не будут иметь успеха, мы обратимся к благородному сердцу императора Николая». На депеше рукой Николая написано: «И я отвечаю».

При прощании Виндишгрец снова высказал свое заветное желание: «У нас господствует анархия, но мы имеем достаточно средств, для того чтобы выйти из нее, настоящий

¹ Донесение Фонтана 14 (26) октября. — АМИД, Vienne 1848. Папка № 182.

момент является в этом смысле благоприятным. Как только вопрос с Веной будет покончен, а это самое главное, мы подумаем о венгерцах. Я надеюсь, что дела пойдут хорошо, в противном случае мы рассчитываем на благородное сердце императора». На полях депеши мы опять находим надпись рукой Николая: «И они не ошибутся». Дешеша кончается выспренними словами русского посла Фонтона по адресу Виндизгреца: «Пусть его усилия будут увенчаны успехом, пусть провидение сохранит его для монархии, так как в нем одном объединено в одно целое необходимое достоинство спасителя монархии в настоящий критический момент». Рукой Николая на этом написано: «Аминь. Николай».

Недвусмысленные пометы Николая говорят за то, что для Николая вопрос о необходимости вмешательства в австрийские дела был окончательно решен¹.

Николай сдерживает свои интервенционистские замыслы ввиду того, что еще недостаточно подготовлен нейтралитет западноевропейских держав, главным образом Англии и Франции. Обеспечение нейтралитета было дальнейшей задачей русской дипломатии в данный период.

Если для Николая вопрос об интервенции был решенным делом, то для австрийского правительства вопрос о вступлении русских войск в австрийские земли, как это видно из переговоров Фонтона с Виндизгрецом, был гораздо сложнее.

Только тяжелые поражения на австро-венгерском фронте заставили австрийцев обратиться к русской «помощи».

Еще в январе 1849 г. министерство Шварценберга заявляло русскому послу Медему, что «действия русских войск в пределах австрийской империи оно считало бы более вредными, чем полезными, ибо они могли бы произвести невыгодное впечатление на провинции»².

Две депеши Медема чрезвычайно красноречиво говорят о том же. В сообщении от 30 января говорится, что «Шварценберг желает, чтобы Буковина была усмирена, но помимо помощи нашего августейшего императора»³.

Даже опасность восстания в Трансильвании не изменяет позиции австрийцев.

¹ Донесение Фонтона ст 14 (26) октября. АМИД, Vienne. 1848. Папка № 182.

² Шербатов, Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т. VI, стр. 270. Письмо Николая Паскевичу от 18 января 1849 г.

³ Донесение Медема 30 января 1849 г. АМИД, Vienne 1849.

4 февраля Медем сообщает, «что австрийское министерство считает необходимым вступление русских войск в Трансильванию, однако полагает, что это вступление нужно пространственно и во времени ограничить. Можно допустить оккупацию только до Кронштадта и Германштадта, и только на самое короткое время»¹.

Россия уже в это время находилась в полной боевой готовности, но также воздерживалась от решительных действий. Николай не хотел оказывать помощи Австрии до тех пор, пока не убедится в том, что Австрия идет по «правильному» пути, т. е., что в Австрии побеждают контрреволюционные силы.

31 января 1848 г. Николай пишет Паскевичу: «Нам нечего изменять в положении нашем. Нас бояться. Мы ни во что не вмешиваемся, а следим и выжидаем. Будем так продолжать. Буде воля божия»².

Но уже в конце января и в начале февраля события заставили австрийское правительство обратиться к Николаю за помощью. С другой стороны, русское правительство все более убеждалось, что люди, стоящие во главе Австрии, заслуживают с его стороны полного доверия.

В начале 1849 г. реакция в самой Австрии торжествовала полную победу. Кровавое подавление венского восстания, отречение Фердинанда в целях восстановления «железной, хотя и справедливой строгости» и «сохранения военного режима» до полного уничтожения всякого сопротивления³, создание нового министерства с Шварценбергом во главе, — все это укрепляло доверие царского правительства.

В словах Нессельроде уже чувствуется полное убеждение в том, что Австрия идет по «правильному» пути.

«Мы не можем позволить пасть австрийской монархии, — пишет в одном из своих писем Нессельроде, — это вопрос чрезвычайно жизненный для нас. В настоящий момент, когда она идет по пути восстановления и когда мы видим у руля правления людей ума и сердца, принципы которых нам внушают полное доверие, — в наших интересах помочь ей в той

¹ Донесения Медема от 4 февраля 1849 г. АМИД, Vienne 1849.

² Щербатов, цит. соч., т. VI, стр. 272. Письмо Николая Паскевичу от 31 января (12 февраля) 1849 г.

³ Так была сформулирована бывшим министром Кюбеком цель отречения Фердинанда в докладной записке императору. Цит. по М. Базу, Австрия в первой половине XIX в., стр. 613.

трудной задаче, которую она еще должна выполнить... До сих пор Шварценберг управляет делами наилучшим образом. Все, что исходит из австрийского кабинета, стоит на твердых ногах... все идет к лучшему в этом лучшем из миров. Провидение, во-первых, выдвинуло задачу спасти австрийскую монархию и, во-вторых, предоставило это сделать Петербургу»¹.

Тем важнее было для русских крепостников отстоять австрийскую монархию от усиливающейся угрозы венгерской революции.

Между тем одна депеша тревожнее другой направляются по адресу русского кабинета. Шварценберг просит помощи, особенно помощи для Трансильвании. Одно конфиденциальное сообщение Медема особенно ярко.

В этом сообщении о переговорах с Шварценбергом выясняется действительное положение в Трансильвании.

«Трансильвания сделалась очагом революционного движения, руководимого поляками, к которым присоединились итальянцы, французы, немцы и даже англичане. Они сделались господами страны, начинают выступать в соседних областях, особенно в «княжествах» (Валахия и Молдавия. — Р. А.), где они действуют необычайно энергично и находят большое количество сторонников... Необходима помощь в 25 или 30 тыс. чел. Войска австрийские заняты подавлением мятежа в Венгрии и не смогут действовать с успехом, если другой очаг восстания — Трансильвания — не будет занят русской армией. Имеются сведения, что Бэм по прибытии в Германштадт не преминул завязать связь с одним английским консульским агентом в Бухаресте»².

«Ангел мира и устройства», как себя называл Николай, кажется должен был бы немедленно откликнуться на призыв. Однако у Николая — свой план, и на депеше — твердая надпись царя: «Мы займем Буковину и Галицию или я не тронусь с места».

Этой резолюцией Николай показал, что в своих действиях он руководствуется не только интересами Австрии, а и своими собственными и потому вовсе не спешит направить свои войска в пункты, наиболее важные для австрийцев.

¹ *Nesselrode*, op. cit., v. IX, p. 212 — 213.

² Донесения Медема от 23 марта 1849 г. АМИД, Vienne 1849. Папка № 186.

Исчерпывающий материал по этому вопросу дают письма Паскевича, Николая, а также Нессельроде.

«Занять (Венгрию. — Р. А.) — это значило бы войти в такое место, где нет никакого препятствия, а тут до 80 тыс. вооруженных венгерцев и весь край в бунте. Итак, они хотят, чтобы ваше величество изволили всю тяжесть войны взять на себя», — писал Паскевич¹.

Того же мнения и сам Николай: «Австрийцы, не сладив сами, хотят теперь чужими руками жар загребать. Оно легко и приятно. Но я того не хочу. Занять Галицию согласен. Если мятежники и ворвутся, тогда их уничтожить там или в Буковине будет наше дело, как и наше дело — совместно с турками защищать княжества»².

В 20-х числах апреля Шварценберг посылает Паскевичу настойчивую просьбу, о присылке отряда для отражения натиска венгерцев.

«Если наша армия, — писал Шварценберг, — потерпит поражение и должна будет отступить, столица будет в руках мятежников. Нет нужды изображать вам, как неисчислимы будут последствия подобного положения. Центр монархии — местонахождение всех наших центральных учреждений, банков — будет занят революционными бандами, и это свергнет всю монархию в неисчислимые бедствия»³.

С той же просьбой о помощи и с изложением тех же обстоятельств обращается генерал Берг к Нессельроде.

«Революция, — пишет Шварценберг в одной из последующих депеш, — развивается с необычайной быстротой, нарушая европейский мир. Венгрия представляет сейчас главную арену борьбы. Если анархия одержит победу, то социальный строй в целом будет глубоко потрясен»⁴.

Дело шло действительно о спасении австрийской монархии, и царское правительство не могло оставаться в стороне. Остановка была за небольшим: Николай не хотел играть «не главную роль австрийского тофскриграта», как выражается он в одном из писем Паскевичу.

¹ Шербаков, цит. соч., т. VI, стр. 52.

² Там же, стр. 279.

³ Депеша Шварценберга генералу Кябога 22 апреля (4 мая) 1849 г. Военно-исторический архив, дело № 5340. Из бумаг Менькова.

⁴ Из писем Шварценберга к Паскевичу. Канцелярия военного министерства. Цит. Ореус, Описание венгерской войны. 1880. Приложение, стр. 8.

Посылка отдельного отряда, подчиненного австрийскому командованию, не входила в план русского правительства, которое неоднократно в своих инструкциях и распоряжениях говорило, что нужно действовать «массой, могущей решить дело».

Паскевич был в крайне затруднительном положении. Ждать распоряжения было долго. Между Варшавой и Москвой — 1 200 верст. Паскевич мог рассчитывать получить ответ не ранее, как через 12—15 дней. И вот Паскевич на свой страх и риск посылает по железной дороге отряд под начальством Панютина в составе 10 тыс. пехоты при 48 орудиях.

Отряд получил следующие инструкции: «Русский отряд должен действовать под Веной и направлен со специальной целью ее защиты и представляет резерв австрийских войск в столице. Если будет необходимость идти от Вены к Пресбургу, он также должен быть употреблен как резервный и не должен быть использован ни в каких других фланговых действиях»¹.

Николай, в основном признавая правильными действия Паскевича, все же считал, что нужно не считаться с просьбами австрийцев, а «действовать по-русски».

«Не щади каналий, — писал Николай, — ежели Вена и потеряна, дело ты исправишь, уничтожа гнездо бунта»².

Николай в данный момент совершенно не считает нужным согласовывать свои действия с интересами австрийцев. Он ведет свою собственную войну по своему плану, один из основных принципов которого — решительное, уничтожающее врага вмешательство, а не частичная поддержка австрийской обороны. И поэтому Николай выставил требование, чтобы русская армия была концентрирована и действовала как особая самостоятельная армия, а не как вспомогательная часть в составе австрийской. В австрийцах он начинает видеть не союзника, нуждающегося в помощи, а скорее помеху для ведения настоящей войны.

«На австрийцев нет никакой надежды. Дай бог, чтобы они хоть Вену отстояли, — писал Николай. — Мы будем иметь дело с главными силами венгров, усиленных канальями поляками и припельцами со всех сторон».

¹ Инструкция генерала Кабога. Военно-исторический архив. Дело № 5340. Из бумаг Менькова.

² Щербатов, цит. соч., т. VI, стр. 288. Николай — Паскевичу. Письмо от 23 апреля 1849 г.

Русскому отряду, посланному под Вену, в данный момент действовать не пришлось. Венгерцы по целому ряду причин направили все свои силы к Офену, и удар от Вены был отведен.

Отсутствие единства руководства, борьба между вождями сыграли в этом деле определяющую роль. Гёргей, боровшийся с Кошутом, не хотел удаляться из Венгрии, боясь, чтобы его отсутствие не ослабило его влияния. Непрерывная борьба буржуазных группировок тормозила дело освобождения Венгрии.

Между тем наступление в этот момент, когда Австрия, находившаяся на краю гибели, не успела еще столкнуться относительно русской помощи, обеспечивало Венгрии явный перевес сил и возможность победы.

Вена была «спасена» вследствие ошибки венгерского правительства, русское же командование «спасение Вены» не преминуло объявить своей заслугой.

Паскевич по этому поводу писал, что в Европе в 1849 г. «дух так был дурен, что, если бы не послал дивизии в Вену, в Вене была бы революция и возмущение».

Между тем эпизод с посылкой русского отряда в Вену говорит уже о полной готовности России непосредственно вмешаться в австрийские дела, Россия готова «спасти» Австрию. Все условия для интервенции были уже налицо. Оставалось только сговориться о деталях.

Сговор относительно условий «спасения» происходит в марте-апреле. Николай поставил следующие условия, касающиеся характера действий русских войск: их корпуса должны быть достаточно многочисленны для самостоятельного выполнения поставленной перед ними задачи; они не присоединяются к австрийским войскам и составляют самостоятельную армию. Только таким образом мог быть, по мнению русского правительства, обеспечен успех военных операций¹.

Эти условия были приняты австрийским правительством. Австрия затребовала 40 тыс. чел., и русским войскам была предоставлена полная свобода и независимость в действиях.

Для ведения переговоров о характере предполагаемых военных действий и об условиях русской помощи император

¹ См. опубликованные мною документы. «Красный архив», № 48—49. Проект депеши гр. Медема. Делегация гр. Медема к гр. Нессельроде. Вена 1 (13) апреля 1849.

решил отправить в Ольмюц генерал-адъютанта Берга¹, который затем оставался во все время кампании русским послом при австрийском императоре. Он жил в главной австрийской квартире и находился в постоянных письменных сношениях с Паскевичем. Прежде чем выехать в Ольмюц, генерал Берг побывал в Варшаве, где получил распоряжения князя Паскевича, и приехал к месту назначения уже снабженный всеми сведениями и инструкциями, которые Паскевич считал нужным ему дать.

В Варшаву генерала Берга сопровождал заслуженный австрийский офицер — доверенное лицо австрийского правительства, уполномоченное оставаться при фельдмаршале с целью установить подробности сотрудничества русских и австрийцев на территории Венгрии.

Официальной просьбе австрийцев предшествовали две депеши Медема. Из депеши от 25 марта мы узнаем о «пожелании австрийского кабинета относительно усиления наших войск в наиболее угрожаемых пунктах галицийской границы»². Русские войска должны были вступить в эту провинцию и действовать заодно с австрийскими войсками, для того чтобы быстро подавить всякую могущую возникнуть попытку к восстанию, которая была бы поддержана Бэмом и другими вождями венгерской революции.

Русское правительство ответило, что военные корпуса уже размещены на австрийской границе.

Официальная нота с просьбой о немедленной помощи была послана 21 апреля. Эта помощь должна была быть оказана не только на территории Галиции и Трансильвании, но и в самой Венгрии.

Русское правительство не менее официально объявило о своем решении прийти на помощь Австрии манифестом 28 апреля.

В напыщенном и лживом стиле высочайших манифестов здесь указывалось на те политические опасности, которые поставили русское правительство двинуть свои войска. Здесь говорилось о «преступных обольщениях, увлекающих легкомысленную толпу обманчивым призраком благоденствия» и уже проложивших себе пути на восток, в княжества Молдавское и Валахское.

¹ Щербатов, цит. соч., т. VI, стр. 60, 282.

² Дешеша гр. Медема графу Нессельроде. Взна 1 (13) апреля 1849 г. Публикация документов (Р. Авербух), «Красный архив» 1930, № 47—48, «Николай I и европейская реакция», стр. 34.

Упоминалось далее о роли русских войск в «умиротворении» княжеств и наконец говорилось о безвыходном положении Австрии, вынужденной просить о помощи против мятежников. «Усилия австрийского правительства, — говорил манифест, — разоренного другой войной с врагами внешними и внутренними в Италии, не могли восторжествовать над мятежом. Бунт развился там в самых грозных размерах. Император австрийский обратился к нам с желанием нашего содействия против общих наших врагов. Мы в нем не откажем»¹.

Свидание обоих императоров в Варшаве должно было закрепить русско-австрийское соглашение.

Это свидание состоялось 21 мая. Здесь было повторено требование Николая о том, чтобы русские действовали большой объединенной силой, способной как можно скорее, одним ударом покончить с венгерской революцией. Было также установлено количество войск, потребное для этой цели: 240 тыс. чел., из которых 140 тыс. чел. должны были перейти венгерскую границу, 60 тыс. чел. должны были быть направлены в Галицию и 40 тыс. чел. оставались в придунайских княжествах в качестве резерва².

Для определения порядка продовольственного и военного снабжения русских войск был выделен полковник Шобельн, посланный к Паскевичу князем Шварценбергом.

Паскевич решил направить войска через Галицию в город Дуклу. «Я думаю, что лучшее место для перехода гор, — пишет Паскевич, — будет в Дукле, ибо тут одно расстояние как войскам, идущим с востока, так и тем, которые идут с запада»³.

Но это движение в Галицию было затруднено тем, что не было ни фуража, ни провианта для войск; поэтому русское правительство спешило как можно скорее разрешить вопрос о снабжении и продовольствии. 29 мая была подписана конвенция относительно содержания русских войск в Австрии. Россия обязывалась на свой счет выдать снабжение войскам при их выступлении в поход. В свою очередь император австрийский брал на себя обязательство доставлять в дальнейшем без всякого вознаграждения все необходимое продовольствие, фураж и подводы и сверх того — возместить

¹ Ореус, цит. соч., Петербург 1880, стр. 106.

² Там же, стр. 110.

³ Щербатов, цит. соч., стр. 60.

русскому правительству все издержки, которые оно понесет при походе в случае недостатка различных поставок натуры (ст. III конвенции)¹.

Австрийское правительство обязалось далее предоставить помещение для русских войск, брало на себя содержание больных, обеспечивало перевозку по железным дорогам войск и военных припасов (ст. VII, XII).

Военным снаряжением войска снабжались на паритетных началах русской и австрийской сторонами.

Конвенция оговаривала сроки и условия выплаты всех тех издержек, которые понесет Россия в эту войну: представленные немедленно после окончания кампании счета должны были быть проверены и оплачены не позже, чем через три месяца.

Конвенция оговаривала особо обмен пленными. «Если в число мятежников, взятых в плен, — гласила конвенция, — окажутся подданные обеих держав, заключающих сию конвенцию, то таковые будут выдаваемы по принадлежности». Эта мера распространялась и на военных дезертиров.

Общая ненависть к революции и боязнь ее заставили объединиться все контрреволюционные силы и на время забыть взаимную вражду. Прусское правительство со своей стороны, несмотря на целый ряд разногласий с Австрией и Россией, способствовало вторжению русских в Венгрию. Оно сочло необходимым, по выражению Энгельса, сыграть роль «третьего в союзе». Как сообщает Энгельс в той же корреспонденции в «Новую рейнскую газету», уже в начале мая прусское министерство за подписью министра Мантейфеля издало приказ о пропуске 30 тыс. русских солдат из Кракова в Австрию по Верхнесилезской железной дороге².

Начинался поход «жандарма Европы» против революционной Венгрии.

¹ Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. IV, ч. 1. Конвенция относительно содержания русских войск в Австрии, стр. 580.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. VII, стр. 350.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЦАРСКИЕ ВОЙСКА В ВЕНГРИИ

I

В одном из своих писем Нессельроде с большим самодовольством рисует картину мощного военного выступления России:

«Ну, вот и мы на сцене. Кардинал Ришелье говаривал: чтобы быть хорошо подготовленным к войне, нужно быть чрезвычайно к ней готовым. Вот почему мы приводим в боевую готовность всю армию, даже гвардию.

«27 этого месяца армия в 80 тыс. чел. вступила в Венгрию. Во главе ее сам Паскевич. Одна дивизия уже направлена по железной дороге на помощь Вене. Я надеюсь, что, прибегнув к столь сильным средствам, мы приведем к концу этот польско-венгерский мятеж; военные ошибки здесь могут создать положение столь же опасное для России, как и для самой австрийской монархии»¹.

Но Нессельроде даже несколько преуменьшил силы русской армии. В действительности они были значительно больше. Главная колонна русской армии во главе с Паскевичем, начав поход от г. Дуклы, в Галиции, взяла направление на Эперизьш и Кашау. В одной этой армии было свыше 70 тыс. чел. Но помимо главной колонны наступал под начальством графа Ридигера и другой отряд, который состоял из 32 тыс. чел. Таким образом более чем стотысячная армия направлялась непосредственно в самую Венгрию. Одновременно значительные силы были двинуты в Трансильванию. Здесь действовали объединенные силы Лидерса и Гротенгельма в составе 38 тыс. чел.².

¹ *Nesselrode, Lettres et papiers, t. IX, p. 235.*

² План кампании см. у *Щербатова*, цит. соч., стр. 357. *Ореус*, цит. соч., Петербург 1880, стр. 115.

И. Ф. ПАСКЕВИЧ
(1782—1856)

Фельдмаршал русской армии, пользовался особым благоволением Николая I. В 1830—1831 гг. подавлял польское восстание; был наместником Царства Польского; в 1849 г. командовал царской интервенционной армией в Венгрии (гравюра на стали 40-х годов, из коллекции ИМЭЛ)

Действуя большими массами, русское командование осуществляло прямую волю Николая. «Необходимо, чтобы с первого удара нашего дело было переломлено, — говорил он, — в пользу правого дела. Надо, чтоб как громом грянуло и все было кончено»¹. Подобные заявления встречаются в письмах Николая неоднократно. Наступление русских войск сопровождалось самыми решительными действиями, направленными на то, чтобы устранить всякую опасность для тыла армии. В чрезвычайно категорической, почти ультимативной форме австрийскому правительству было предложено изгнать из Галиции всех эмигрантов польского происхождения. «Наши колонны, — заявлял Николай, — не тронутся ни на шаг вперед буде австрийское правительство не исполнит справедливого требования... Нет приличия, нет и благоразумия двигать российскую армию на борьбу с возмутителями, тогда как в тылу армии, в Галиции, свободно до сих пор проживают среди войск наши изменники, возмутители, изгнанники и пришельцы со всех концов Европы»².

Помимо очищения Галиции от революционных элементов правительство Николая потребовало от австрийцев беспрекословного выполнения заранее начертанных русским командованием планов ведения войны: австрийское правительство не имело права сделать от него ни малейшего отступления без ведома русских и без согласия царя или Паскевича. Непосредственно самому царю надо было доносить: 1) обо всех военных действиях австрийских войск на всех театрах войны, 2) о числе и составе войск, 3) о намерениях императора Франца-Иосифа и распоряжениях его по австрийской армии³.

Много беспокойства доставляло русскому командованию обеспечение войск продовольствием. Красной нитью через все наши источники — письма Николая, записки Паскевича и т. д. — проходит забота о продовольствии и снабжении войск. Заключив соответствующую конвенцию с австрийцами, русское правительство однако очень мало верило в то, что они выполняют свои обязательства. «Соглашение между

¹ Шербаков, цит. соч., стр. 286. Письмо от 18 (30) апреля 1849 г., стр. 28; 18 (30) апреля 1849 г.

² Там же, приложения VII, стр. 366, «Копия с бумаги, писанной высочайшей рукой господину генерал-адъютанту Бергу».

³ Там же, дополнение IV, копия с секретного отношения генерал-адъютанта графа Адлерберга к ген. Бергу от 12 мая 1849 г., стр. 356.

мной и главнокомандующим — дело сомнительное, — писал Паскевич. — Соглашение — не приказание; сегодня согласился, а завтра — не исполнил, а я об этом и знать не буду, потому что могу находиться от него за сотни верст; в мои расчеты будет всегда путаться австрийская армия, в действиях которой я никогда не могу быть уверен. Вообще обещаний много, но верить им трудно, так же как по продовольствию»¹.

Необеспеченность армии продовольствием долгое время была главным препятствием к началу серьезных наступательных действий. Армия, по словам Паскевича, должна, пока не изменятся обстоятельства, ограничиваться одними демонстрациями: «Армия (русская) не может поддержать по важным причинам, т. е. что магазинов нет»².

В ответ на настойчивое требование, чтобы с проволочками было покончено, чтобы русские войска наконец приступили к действию, Паскевич неизменно ссылаясь на недостаточность продовольствия, указывая Бергу, что в две недели нельзя запасти для части армии, состоящей из 60 тыс. чел. и 25 тыс. лошадей, продовольствием на 20 дней. «Если он (т. е. Берг) не знает, то г. Бергу надобно удивляться в его чине», — отмечает Паскевич³.

Многочисленные донесения Берга, сохранившиеся в царских архивах, говорят о том, что австрийское правительство предпринимало кое-какие меры для снабжения русских войск. Так, в одном из донесений сообщается о том, что для армии Ридигера в пунктах Тешек, Градиш и Тирнау заготовлено продовольствия на 60 тыс. чел. и 20 тыс. лошадей и что большое количество продовольствия заготовлено в Пресбурге и других пунктах следования Ридигера⁴. Однако все эти действия австрийского правительства неорганизованы и случайны.

Вопрос о снабжении оставался слабым местом контрреволюционных войск.

Австрийское правительство к моменту вступления русских войск на венгерскую территорию со своей стороны сконцентрировало для действия против венгерцев до 80 тыс. чел.

¹ Щербатов, цит. соч., стр. 76.

² Личный архив Паскевича. Записка Паскевича «о нерасположении австрийцев относительно заготовки провианта для русской армии».

³ ЛАП. Записки о доставке провианта для армии, № 6. Без даты.

⁴ Донесение Берга Паскевичу. Vienne, 19 (31) Mai 1849, № 35. Военно исторический архив, дело № 5341. Из бумаг генерала Менькова.

под командой Гайнау, причем в качестве резервного отряда ему было придано 12 тыс. русских — отряд Панютина. Из Галиции наступали войска кн. Паскевича численностью около 100 тыс. чел. В Трансильвании действовали 20 тыс. австрийцев под начальством Пухнера и 40 тыс. русских под начальством Лидерса и Гротенгельма. В Кroatии находились 20 тыс. австрийцев под командой Елачича и значительные силы ополчения.

Венгерские силы уступали объединенным австро-русским силам. Армия Гёргея вместе с гарнизоном крепости Коморн состояла из 50 тыс. чел. Трансильванская армия Бема имела в своих рядах 40 тыс. чел. Южная армия Фегтера и Гюйона насчитывала 36 тыс. чел., армия на Тиссе — Перцеля и Касинци — состояла из 26 тыс. чел., верхневенгерская армия — Дежефи — из 18 тыс. чел. Состав полевой, вполне боеспособной армии насчитывал не менее 170 тыс. чел., не считая резервов и ополчения, не считая также тех сил, которые составляли гарнизон крепостей Петервардейна (Петерварод), Арада и Мункача (всего около 15 тыс. чел.)¹.

Что касается качества армии инсургентов, то русские дипломаты сообщают мало нового. Они указывают на плохое состояние инфантерии, на молодой, слабо обученный состав офицерства в батальонах гонведов. Наиболее боевой частью армии они считают польские легионы: хорошо вооруженные и дисциплинированные, они борются в первых рядах и чрезвычайно сильны в атаках. Донесения говорят также о превосходном состоянии венгерской кавалерии и ее необычайной стойкости в бою и о хорошей организации артиллерии².

Ко времени вступления русских войск вся Венгрия и Трансильвания были в руках венгерцев. На верхнем Дунае опорным пунктом был Коморн, одна из крупнейших крепостей Венгрии, на нижнем Дунае — Петервардейн. Обладание Офеном обеспечивало наилучшую переправу через Дунай. Только крепость Карлсбург в Трансильвании да Темешвар оставались в руках австрийцев.

¹ В основном данные о числе войск борющихся сторон берутся в книге по венгерским источникам из книги *Theophil Lapinski, Feldzug der ungarischen Hauptarmee, Hamburg 1850, S. 112—113.*

² Приложение к донесению Медема за № 70 от 13 (25) апреля. Папка № 186, Вена 1849.

Главная русская армия двигалась из Галиции по направлению к Бартфельду (Бартфа)¹. Вступление войск в Венгрию совершалось при чрезвычайно торжественной обстановке, в присутствии самого царя.

В начале июня огромная стотысячная армия двинулась к Эперизш и Кашау. Дальнейшими этапами наступления главной армии были Мишколц и Токай и отсюда — верхнее течение Дуная.

Первое время русские войска почти не встречали сопротивления со стороны венгерцев. Северная венгерская армия, руководство которой принадлежало Высоцкому, состояла всего из 8 или 10 тыс. чел. Она не могла воспрепятствовать движению русской армии, каждая из трех колонн которой была гораздо сильнее ничтожной армии Высоцкого. Отпор русским со стороны венгерцев был совершенно недостаточным. Были незначительные стычки у Бартфельда, но обычно венгерцы, теснимые массами русских войск, под угрозой обходного движения казаков быстро отступали. Русские прошли Бартфельд, Эперизш и достигли Кашау, Мишкольца и Токая, почти не встретив сопротивления. Недаром Николай, после того как русские миновали Бартфельд, отметил, что «первый акт кампании и может быть один из самых трудных совершен без выстрела»².

По составленному русским штабом плану ведения войны Токай должен был сделаться основным операционным базисом ведения войны.

Следующим важнейшим пунктом операций должен был стать Пешт, столица Венгрии, где Паскевич предполагал «встретить» отступающую от Коморна верхнедунайскую армию Гёргей.

Царь одобрил все распоряжения Паскевича в отношении выбора операционных пунктов, считая их «залогом успеха». Особенно одобрительно отнесся к занятию Токая «в качестве операционного базиса» и укреплению «всех главных точек операционного пути». «Если en désespoir de cause венгры обратятся к партизанской войне на сем пространстве,

¹ Наступление велось тремя колоннами, которые вступили в Венгрию в конце мая; четвертая колонна была двинута несколько позже, 5 (17) июня, из окрестностей Дуклы и, перейдя Карпаты, остановилась около д. Барвинки. 5 июня резерв под начальством Чегодаева расположился у Змиграза (*Орус*, цит. соч., стр. 140).

² *Щербатов*, цит. соч., Письмо Николая Паскевичу 10 (21) июня 1849 г., стр. 291.

и на это мы готовы. Право, не догадываюсь, что венгры предпримут», — писал Николай¹.

II

Предварительный план кампании предусматривал следующее распределение ролей между обеими союзными армиями. Австрийская армия Гайнау должна была действовать в тылу у неприятеля и охранять пути к Вене. Предполагалось, что она воздержится от всяких активных действий впредь до того момента, когда русская армия пройдет весь путь от Дуклы до Токая и Мишкольца и настигнет неприятеля, занимавшего позиции у Пресбурга и Коморна. Только тогда австрийской армии разрешалось идти в наступление².

Для связи двух командований, а также для пополнения резервов австрийской армии к Вене был направлен отряд Панютина. Однако ходом военных операций все первоначальные планы были разрушены. Каждая из союзных армий действовала на свой страх и риск и стремилась добиться решающих войну результатов своими собственными усилиями, совершенно не считаясь с союзником. Это создавало почву для постоянных препирательств и таким образом давало лишние шансы восставшим венгерцам. Русские были еще только у Бартфельда и готовились выйти к Эперьёшу, когда Гайнау уже перешел в наступление и, поддержанный Бергом, настойчиво требовал высылки ему отряда Граббе, который предназначался для охраны Западной Галиции. Паскевич наотрез отказал в этом требовании.

В течение кампании в помощь австрийской армии действовали только русские резервы. При наступлении русские отряды превращались из резервных частей в штурмовые колонны. В начале июня австрийская армия занимала линию около 165 км по обеим сторонам верхнего течения Дуная от Нейзидлеровского озера до Фрейшталя. Главные силы находились в Эденбурге (Шопрон). 7 июня произошло столкновение у с. Перед на левом берегу Ваага.

¹ Щербатов, цит. соч., Письмо Николая Паскевичу от 19 июня (1 июля) 1849 г., стр. 297.

² План кампании (на французском языке). Щербатов, цит. соч., т. VI, стр. 350.

Участник похода, венгерский полковник Лапинский¹, выпустивший в дальнейшем описание австро-венгерской и русско-венгерской борьбы, сообщает об этом сражении ряд ценных подробностей.

Объединенная армия русских и австрийцев обрушилась на венгерцев превосходными силами. Несмотря на значительную силу сопротивления, обнаруженную венгерцами, они принуждены были отступить.

Во главе венгерских войск уже не было тех талантливых боевых руководителей, которые возглавляли зимнюю кампанию. Дамьянич был болен и отправился позже в Арад, где принял на себя руководство обороной крепости. Аулих был военным министром и передал командование своим отрядом некоему Ашботу, храброму, но не очень способному офицеру. 8(20) июня венгерские войска направились к левому берегу Ваага и заняли укрепления последнего. Главные столкновения произошли именно здесь. Венгерцам удалось потеснить неприятеля, но затем, когда австрийцы пустили в ход резерв и в частности, как это нам известно из других источников, русский отряд Панютина, венгерцы были побеждены². 16 (28) июня происходит второе крупное сражение на австро-венгерском фронте у Рааба, вызванное новым наступлением Гайнау.

Силы последнего далеко превосходили силы венгерцев (50 тыс. против 12 тыс.). Венгерскому отряду угрожало полное уничтожение; спасло его своевременное появление Гёргея с тремя эскадронами гусаров, остановивших бегство разбитых частей³. Между тем Гёргей сосредоточивал свои войска у Коморна, придавая будущим операциям в этом пункте решающее значение. Как мы увидим из дальнейшего изложения, операции у Коморна должны были осуществлять как политические, так и стратегические планы Гёргея. Со-

¹ Лапинский написал ценную брошюру «Feldzug der ungarischen Hauptarmee im Jahre 1849, Hamburg» 1850, S. 121, которую Маркс цитирует в своей работе «Господин Фогт» (*Маркс и Энгельс*, Соч., т. XII). В дальнейшем, в 60-х годах, Маркс с похвалой отзывался о Лапинском. «Это безусловно самый умный поляк — и притом homme d'action — из всех, которых я знаю». — писал Маркс в 1863 г. в письме Энгельсу (*Маркс и Энгельс*, Соч., т. XXIII, стр. 164). Позднее, будучи на Кавказе, Лапинский сильно скомпрометировал себя сношениями с русским правительством.

² *Lapinski*, op. cit. На участие отряда Панютина в этой битве указывает письмо Николая Паскевичу 14 (26) июня 1849 г. *Щербатов*, цит. соч., стр. 294.

³ *Lapinski*, op. cit.

средоточение всех сил верхнедунайской армии у Коморна Гёргей мотивировал тем, что коморняские укрепления давали ему возможность держать под шахом Вену, а вместе с ней судьбы австрийской империи. Поэтому главнокомандующий венгерской армией употребил все усилия, для того чтобы сделать Коморн неприступным¹.

2 и 11 июля у Коморна произошли сражения между главными силами противников. Русская артиллерия участвовала в бою 2 июля и спасла австрийского генерала Шлика, которого теснили венгерцы².

После операции у Коморна австрийская армия заняла Офен (Буда). Прямым последствием этих сражений было то, что Гёргей отказался от мысли прорваться через австрийскую армию и решил идти к Пешту левым берегом Дуная для соединения с южной армией. Гёргей рассчитывал при этом миновать Вейцен и Гёдёллэ до прихода туда русских войск³.

III

Тем временем в Венгрии нарастал уже внутренний кризис, выявившийся в борьбе отдельных партийных группировок.

Старая феодальная знать, крупные магнаты, владельцы крупных латифундий стояли за союз с Габсбургами, они были против всяких реформ; часть их с самого начала революции стала на путь решительной борьбы с революцион-

¹ Боевые силы венгерцев состояли из 40 тыс. чел. и 132 орудий. Союзная армия насчитывала 60 тыс. чел. и 200 пушек.

² В бою под Коморном 2 июля был ранен Гёргей. По поводу этого ранения Гёргея существует много различных версий. В дальнейшем из политических соображений хотели сделать Гёргея героем, сравнивали с Наполеоном при Маренго; последнее мнение проникло и в историческую литературу; говорили о вражеской сабле, которая ранила Гёргея в голову. Нам кажется очень убедительным утверждение по этому поводу Лапинского. Он указывает, что вряд ли Гёргей был ранен неприятельским всадником, он был ранен легко и скорее всего гусаром своего же отряда. Последнее предположение очень вероятно потому, что Гёргея не любили простые рядовые солдаты, он часто допускал по отношению к ним грубое обращение. На это указывает *Lapinski*, *op. cit.*, S. 122.

³ Николай в одном из своих писем Паскевичу пишет о новом прекрасном деле под Коморном, в «котором опять наша артиллерия поработала». По его предположению венгерцы не смогут долго оставаться под Коморном и скорее всего «будут искать пройти мимо Граббе и твоего (т. е. Паскевича.—Р. А.) правого фланга; но это движение может решить их уничтожение, чего вполне надеюсь». Письмо от 6 (18) июля 1849 г. *Щербатов*, *цит. соч.*, стр. 306.

ным движением; другая часть, наиболее либеральная, заседала в верхней палате рейхстага. Их пожелания сводились к восстановлению старых прерогатив, утвержденных прагматической санкцией. На этой базе с их точки зрения можно было установить мирные отношения с Австрией, а затем добиться постепенного улучшения политического строя Венгрии. Магнаты желали гибели революции и партии Кошута; скоро они вступили на путь открытого предательства. Во время русской интервенции они играли роль политических руководителей интервентов, выдавая наиболее активных революционеров-венгерцев, организуя надзор даже за поведением русского офицерства, донося на них «по начальству» в случае, если офицеры проявляли чересчур милостивое отношение к пленным венгерцам. Обычным местом венгерских магнатов были русские штабы, где они занимали определенные должности, оказывая всяческие услуги русским войскам. Типичными представителями магнатов были несколько представителей фамилии Зичи. О роли венгерских магнатов при русских штабах придется еще говорить позднее.

Революция 1848 г. и последующие события в Венгрии в 1849 г. отбросили в лагерь контрреволюции не только венгерских магнатов, но также средних землевладельцев и верхушку крупной буржуазии; их представителем был в 1848 г. Деак. Последний немедленно вступил в союз с магнатами, как только появилась угроза рабочего и крестьянского движения в Венгрии. Эта партия, желавшая буржуазного преобразования Венгрии при помощи реформ и союза с монархией, была сметена ходом революционных событий в 1849 г.; в момент объявления независимости ее нет в собрании.

Особое место заняла «партия мира», более левая, чем партия Деака, но вместе с тем решительно выступавшая против Кошута и против декларации независимости. Вождем «партии мира» был Кемень. «Партия мира» стояла за буржуазное преобразование Венгрии, за искоренение феодальных остатков, но ориентировалась на сближение с Австрией. В отличие от Деака она считала, что необходимо бороться за конституцию 1848 г. и поэтому вместе с Кошутым переехала в Дебрецен, считая необходимым продолжение борьбы с Габсбургами, борьбы с деспотизмом за независимость Венгрии. Однако пути «партии мира» и Кошута разошлись, как только Кошут стал на позиции революционного разрыва с Габсбургами и лишения династии венгерского престола.

События 14 апреля отбросили «партию мира» в лагерь противников Кошута. Партия стала на путь контрреволюции. Она за мир, а не за войну. Объявление независимости с точки зрения идеологов «партии мира» должно принести гибель Венгрии. Партия мира всячески добивалась соглашения с Габсбургами на основе укрепления принципов конституции 1848 г.¹

«Партия мира» была в меньшинстве — всего $\frac{1}{4}$ собрания, но имела большую силу. В первых своих выступлениях она пыталась вывести Кошута из парламента на том основании, что Кошут был одновременно и депутатом и занимал должность губернатора. Ковач, один из видных членов «партии мира», выступил с этим предложением. Однако предложение «партии мира» не было принято, ибо большинство парламента стало на точку зрения, защищаемую министром Вуковичем, заявив, что полномочия Кошута как административного лица и как члена парламента четко определены и вопрос согласован с министерством. Предложение «партии мира» было снято². Гёрге́й после 14 апреля объявил себя противником декларации и тех методов борьбы, которые применяет Кошут.

Объявление независимости, по словам Гёрге́я, удовлетворило его национальное чувство, ибо Кошут боролся с Габсбургами, которые навязали Венгрии Елачича, навязали Венгрии войну. Тем не менее Гёрге́й не считает для себя возможным признать декларацию потому, что декларация должна посеять партийную рознь; во-вторых, декларация расходилась с политическими взглядами определенной части армии, главным образом старого офицерства, следовательно неизбежно должна посеять партийную рознь в самой армии³. С точки зрения Гёрге́я, объявив декларацию, национальное правительство не может рассчитывать на помощь европейских государств на случай интервенции. Гёрге́й высмеивает тех оптимистов, которые думают, что достаточно русским поднять оружие против венгерцев, как Европа и Америка выступят на защиту Венгрии. Такая точка зрения, как думает Гёрге́й, имела мало оснований до 14 апреля, отстаивать же ее после объявления независимости является

¹ *Görgei, Mein Leben und Wirken in Ungarn.*

² *Horváth Mihály, Magyarország függetlenségi harezának története 1848—1849 ben Genf, 1865.*

³ *Görgei, op. cit., Bd. II, Zürich 1852, S. 24.*

⁹ Р. А в е р б у х, Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией.

не чем иным, как политическим шарлатанством¹. 14 апреля обрело Венгрия на погибель.

Короче говоря, Гёргей считал, что с момента объявления декларации Венгрия идет по пути углубления революции и обострения классовой борьбы, и это делало его противником «законодателей из Дебрецена».

Против всех этих группировок выступает партия Кошута и Семере, те самые, которых Гёргей иронически называет «законодателями». Кошут, подталкиваемый массами, становился на более левые позиции, он несколько сблизился с левыми группировками и, несмотря на разногласия, выступал совместно с более левой группой Семере. Непосредственно после объявления декларации Кошут и Семере выступают вместе, борясь с «партией мира», с одной стороны, и с радикалами — с другой. Кошут считал, что декларация означала отказ от соглашения с правыми элементами собрания и отказ от соглашения с Австрией. Левую часть собрания составляла небольшая группа республиканцев, представителей мелкой буржуазии, которые подчеркивают необходимость не только всячески укреплять новый строй, но объявить этот строй республиканским и тем самым раз навсегда порвать всякую связь со старым строем.

Основные разногласия между Кошутом и радикальной группой Мадараса шли по ряду вопросов революционной политики. Группировка Мадараса стояла за немедленное объявление Венгрии республикой, Кошут считал необходимым с этим повременить.

После объявления декларации группа Мадараса, к которой примыкали также Сачваи и Мольнар, направила Кошуту петицию, покрытую многочисленными подписями, с требованием объявления республики. Кошут ответил делегатам республиканской партии так, как должен был ответить представитель умеренной буржуазии, который боялся республики и потому считал, что решение вопроса о будущем строе Венгрии должно быть временно отложено до полной победы венгерцев на фронте. Во всяком случае ответ Кошута депутатам означал его желание уклониться от всякого вмешательства в борьбу за создание республиканского строя в Венгрии.

«Вы знаете, — говорил Кошут, — что я никогда не был поклонником монархии, но в настоящий момент, когда мы

¹ Gőrgői, op. cit., B. II, Zürich 1952, S. 50.

находимся в положении осады, когда мы изолированы от всего света, я чрезвычайно мало осведомлен о том, что сейчас делается в Западной Европе.

«Декларация независимости была необходима, так как это было не что иное, как открытое признание и подтверждение перед лицом всех наций уже существующего положения вещей, но мне неизвестно, как будет принято объявление Венгерской республики. Я считаю необходимым отложить этот вопрос до того момента, когда можно будет действовать с полной решительностью. Направленные нами в Париж и Лондон послы должны нас осведомить об этом. Впрочем если собрание сможет решить немедленно этот вопрос, то я не буду возражать против его решения»¹.

Радикалы расходились с Кошутом также в методах борьбы как с контрреволюцией вообще, так и с «партией мира» в частности. Они требовали самых решительных мер, вплоть до применения террора, в отношении всех контрреволюционеров, в то время как Кошут проявлял чрезвычайную нерешительность и непоследовательность в борьбе с контрреволюцией и с «партией мира».

Подлинно революционную позицию занимал в парламенте Танчич; он играл чрезвычайно важную роль в 1848 г., выступая как руководитель рабочего и крестьянского движения, которое было довольно значительным. Танчич считал необходимым углубление революции и выступление городского и деревенского плебса.

Орган, редактируемый Танчичем, «Газета рабочих» печатал письма крестьян и рабочих, в которых отражались их требования, разделяемые самим Танчичем. Характерно для деятельности Танчича в 1848 г., что он связан с крестьянским движением².

Рабочее движение, которое происходит в Будапеште, а также крестьянское движение, направлявшееся против по-

¹ *Daniel Irányi et Ch.-L. Chassin, op. cit., 2-e partie, 1860, p. 399.*

² Приводим для примера выдержки из таких крестьянских писем. Крестьяне (области Шиклош) выражают жалобу на то, что они ничего не получили от революции.

Говорят, писали крестьяне, что отечество в опасности, но кому принадлежит это отечество? — что оно принадлежит нам, венгерскому народу, об этом вы нам не говорите.

Одно письмо в газету Танчича ярко рисует настроение крестьян во время организации обороны. «Дорогой друг Танчич, — пишут крестьяне, — к нам поступает со всех сторон так много призывов к восстанию, что мы

мещиков и правительства в 1848 г., тесно связано с агитацией Танчича. Правительство почувствовало опасность в агитации Танчича и подняло против нее борьбу. Была организована газета «Nép Barátja» («Друг народа»), главной задачей которой была борьба против газеты Танчича и попытка привлечь крестьянство на сторону правительства. Газета «Друг народа» широко субсидировалась правительством и оборонными комиссиями. Однако эти мероприятия не помогли и, когда в конце 1848 г. особенно широкой волной поднялось крестьянское движение, орган Танчича был закрыт¹.

В апреле 1849 г., когда организовалось национальное правительство в Дебрецене, Танчич, избранный несколькими округами, стал депутатом парламента. Он выявил в ряде листовок под заглавием «Forradalom» («Революция») свою антиправительственную точку зрения.

Танчич требовал самых радикальных аграрных реформ, уничтожения всех феодальных повинностей и имущественных прерогатив знати без всякого выкупа, конфискации латифундий и законодательных мероприятий по установлению максимума владений размером в 100 кв. га. Самые радикальные взгляды развивал Танчич и в отношении дру-

их не успеваем прочитывать. Но мы должны сказать вам как своему другу, что до сих пор мы не чувствовали особой охоты к восстанию... Если даже сам Кошут пришел бы к нам со своим красноречием, вряд ли он сумел бы собрать у нас столько народу в местностях Сегед, Кереш, Кечкенет. Вы конечно на это скажете: у нас нет чувства долга, мы плохие патриоты, мы с этим согласны. Действительно, до сих пор мы ничего хорошего от свободы не имеем... Так как отечества у нас еще не было, мы были венграми, но нации не было». Далее крестьяне указывают на то, что их основной враг — помещики, что последние гораздо больше враги, чем венский двор. Если венскую камарилью, как вы там в Пеште называете, следует считать своим врагом за то, что она хочет восстановить старое, то как же не считать врагами тех, которые среди нас. Крестьяне заявляют, что армию хорват они не могут считать своими врагами. «Ее солдат под угрозой виселицы заставляют идти на нас», — пишут крестьяне. Письмо это заканчивается следующим заявлением: «Мы восстали, но не по вашему призыву, а для того, чтобы не дать уничтожить народ венгерский, и если бог даст нам победу, то рассчитаемся по совету Кошута» (цит. по книге Szabó Erwin, Társadalmi és Pártharcok d 1848—1849-es Magyar Forradalomban, p. 280 и сл.). Все эти письма говорят о росте классового сознания крестьянства, а также о недоверии к народным представителям. Эти письма выражают полное сочувствие к движению других национальностей и классовую солидарность с крестьянскими движениями национальных меньшинств.

¹ Газета существовала со 2 апреля по 29 декабря 1848 г.

гих вопросов, требуя например наибольшего расширения автономии городов. Свои требования Танчич защищал с необычайной горячностью, угрожая новой революцией, если требования не будут выполнены¹. Он пропагандировал необходимость крестьянской революции против помещиков, а вместе с тем и борьбу с правительством Семере и Кошута, которые слабо борются с этими помещиками. Популярность Танчича была чрезвычайно велика, недаром несколько округов соревновались в предоставлении ему места в парламенте.

В начале июня в Дебрецене на заседании «партии мира», на котором присутствовал Гёргей, велись разговоры по поводу настроения в армии. Гёргею задали вопрос, правда ли, что в армии имеется недовольство законом 14 апреля, на что Гёргей ответил утвердительно, указывая, что если в начале мая недовольство было распространено только в 7-м корпусе, то в дальнейшем вследствие пропаганды бывших офицеров австрийской армии оно охватило большинство солдат.

Гёргей говорил, что большим заблуждением было бы считать, что армия желает объявления независимости, как это пытался доказать Кошут². Эти слова Гёргея были явной ложью. Значительная часть командного состава (Перцель, Бэм, Дембинский, Гюйон) была заодно с Кошутот. Выборы в национальное собрание показали, что огромная масса населения городов и сел стоит не на стороне «партии мира».

Однако «партия мира», используя заявление Гёргея, обвинила Кошута в мистификации. Гёргей предложил отменить закон 14 апреля при помощи военного переворота, и тогда Венгрия, по его утверждению, будет освобождена от русской интервенции.

Однако это предложение Гёргея не встретило сочувствия и было прервано возгласами: «Долой военную революцию! Долой режим сабли!».

«Отрицательный результат в итоге моих отношений с «партией мира», — пишет Гёргей, — был уже налицо. Что же касается положительных решений, то мне еще долго пришлось их ждать... Полный радужных надежд, напри-

¹ Об этом *Czóbel Ernő*, Arany János tervezette néplapja A Népszabadság О предполагаемом выпуске Яношем Арани газеты «Народная свобода»).

² *Görgei*, op. cit., Bd. II, Zürich 1852, S. 116.

вился я на это заседание, но покинул его с большим разочарованием»¹.

На этом заседании выявилось полное единодушие относительно необходимости уничтожения декларации независимости. Расхождение было только в средствах. Гёргей считал необходимым путь военного переворота. «Партия мира» отклонила эту тактику. Тогда Гёргей, приспособляясь к обстоятельствам, изменил методы своей борьбы.

Значение этого заседания огромно. На нем Гёргей выступил с предложением разогнать оружием правительство и вел переговоры в этом направлении с «партией мира». Переезд правительства из Дебрецена во вновь завоеванный Будапешт, находившийся в отдалении от дунайской армии, был по существу разрушением всех планов Гёргея². Тогда Гёргей задумал перейти к иным тактическим приемам борьбы, попытавшись отрешить всех видных генералов от их должностей.

Выработанный им план действий заключался в следующем: с одной стороны, усилить в парламенте партию, враждебно настроенную по отношению к Кошуту, и, с другой стороны, убрать из армии наиболее видных сторонников последнего.

«Сознание необходимости таких мероприятий заставило меня заглушить моральное отвращение к такого рода ведению дел. Я стремился к уничтожению закона, считая это необходимым для спасения Венгрии»³, — говорит Гёргей.

С этого момента начались интриги Гёргея против наиболее популярных генералов армии — Бэма, Перцеля, Дембинского и Гюйона.

Интриги против Бэма не могли привести к чему-нибудь существенному. Освободитель Трансильвании был настолько силен, что никакие козни не были ему страшны.

Под шумок Гёргею удалось перевести Гюйона с командной должности на должность начальника комплектования резервов, выдвинув одновременно Клалку, который должен был занять пост командующего армией, тогда как сам Гёргей готовился стать военным министром.

В своих интригах против Дембинского и Перцеля Гёргей использовал все возможности для того, чтобы опорочить их деятельность в глазах правительства.

¹ *Görgei*, op. cit., S. 118—120.

² *Steier*, Haynau és Paskievicz, p. 62.

³ *Görgei*, op. cit., S. 120.

А. ГЁРГЕЙ
(1818—1916)

Офицер венгерской лейб-гвардии, был главнокомандующим венгерской революционной армии; предал армию при Виллагоше, сдал ее русским. Помилованный по ходатайству Николая I, был интернирован в Клагенфурге. С 1867 г. жил в Венгрии и занимался литературной деятельностью. Пользовался особым благоволением венгерской буржуазии.

В дальнейшем Гёргею важно было подчеркнуть свою лояльность, и он приносит присягу верности правительству.

2 июня Гёргей становится военным министром.

В конце июня и в начале июля все больше и больше обостряются взаимоотношения между национальным правительством и Гёргеем. Последний, не считаясь с распоряжениями правительства, ведет войну по своему усмотрению. С другой стороны, он всячески пытается не порывать официально с австрийским правительством, не отвечая репрессивными мерами на расстрелы, производимые Гайнау. Но особенно важно было неповиновение Гёргея распоряжениям правительства в части ведения войны.

Дальнейший план Гёргея сводился к тому, чтобы оттянуть решительное столкновение с русскими войсками ссылкой на необходимость нанести поражение австрийцам до прибытия русских. В случае удачи Гёргей считал возможным направить все свои силы против царской армии.

Выбрав Коморн как наилучший стратегический пункт действий против австрийской армии, он сосредоточивает здесь все свои силы.

Армия князя Паскевича находилась всего в 7 переходах от Дуная. Каждый день промедления в Коморне увеличивал для венгерских войск опасность быть запертыми в крепости.

Кошут со своей стороны совершенно не сочувствовал намерению Гёргея оставаться под Коморном. На совете министров было решено, что верхнедунайская армия должна отступить к Офену и соединиться с войсками, находящимися на юге.

Гёргей воспротивился не только этому приказу, но также и приказу Кошута опустошать те области, по которым приходилось отступать от австрийцев.

На последнее распоряжение Гёргей ответил письмом, что ведет борьбу не за правительство, а за интересы народа и ни на минуту не задумался бы даже сложить оружие, если интересы народа того потребуют. Это привело к разрыву Гёргея с национальным правительством.

В своих воспоминаниях Гёргей говорит, что не пытался организовать своих сторонников в сплоченную группировку, и только действия Кошута привели к тому, что такая группировка впоследствии создалась¹.

¹Görgei, op. cit., S. 203.

Это утверждение опровергается Лапинским, который подчеркивает длительную обработку Гёргеем и его сторонниками командного состава армии. И, когда пришел приказ об отстранении Гёргея от должности главнокомандующего, он оказался к этому вполне подготовленным.

Гёргей сделал все, чтобы создать обстановку, которая дала бы ему возможность узурпировать верховное командование венгерской армией вопреки приказу.

Лапинский подробно описывает, какая работа велась штабными офицерами Гёргея по обработке общественного мнения армии и подготовке ее к выступлению против правительства¹. Сторонники Гёргея деятельно агитировали среди офицеров армии, стоявшей в Коморне. Они распространяли в армии версию, что якобы враждебная Гёргею партия очернила его в глазах Кошута и, используя слабость последнего, настояла на смещении Гёргея; последний, повинаясь этому распоряжению, должен передать командование Мессарошу.

«Только в том случае, — говорили сторонники Гёргея, — если армия единогласно потребует его оставления, он станет во главе ее и поведет ее к блестящим победам».

Офицеры, изображая тяжелое положение своего отечества, говорили о том, что только Гёргей может победить, что Мессарош, который должен был сменить Гёргея, совершенно бездарный и неудачливый генерал.

Лапинский указывает, что только благодаря деятельности сторонников Гёргея и благодаря той подготовке, которую он провел для узурпации верховного командования, и получилось так, что якобы вся армия обратилась к правительству с просьбой не посылать ей других командующих, так как она доверяет только одному Гёргею².

Подписавшиеся под этим обращением офицеры добавляли, что они лучше бросят свою службу, чем останутся служить под руководством другого полководца.

Первыми, в количестве больше 40 чел., подписались офицеры из штаба Гёргея во главе с генералами Пельтенбергом и Лейнингеном. Их примеру последовали сотни офицеров. Генерал Надь Шандор не принимал в этом деле никакого участия, и ни один из офицеров его отряда не подписывался под этим обращением.

¹ *Lapinski. op. cit., S. 124.*

² *Ibid., S. 124.*

Так как распоряжение правительства предписывало немедленный уход из Коморна, то этот первый отряд выступил 24 июня (6 июля) из крепости.

«Если бы во главе правительства стоял энергичный человек, — пишет Лапинский, сторонник Кошута, — то уже тогда был бы положен конец всем интригам Гёргея. Стоило бы только Кошуту явиться в лагерь и сказать армии несколько слов, — и вся популярность Гёргея не спасла бы его от падения... Но Кошут не явился. У него нехватило сил выступить открыто против Гёргея, и, тайком интригуя против генерала, он публично пытался оправдать его поступки»¹.

«Кошут, — продолжает Лапинский, — правду сказал в одной прекрасной речи в Сегеде, что, если бы он знал о каком-нибудь предателе, то убил бы его собственными руками, причем он может быть имел в виду Гёргея. Но он не только не исполнил этой несколько театральной угрозы, но ни одному из своих министров не назвал даже ни разу человека, которого он подозревал, и в то время как с некоторыми из них он строил жалкие планы против Гёргея, он всегда с величайшим уважением говорил о нем и даже писал ему нежнейшие письма. Пусть поймет, кто хочет, но я не понимаю, как можно, видя спасение отечества в падении только одного опасного человека, пытаться дрожащей рукой убрать его, в то же время поддерживать его другой рукой, создавая ему своим доверием приверженцев и почитателей, передавая таким путем в его руки всю власть. В то время как Кошут был таким жалким, действуя то в пользу Гёргея, то против него, Гёргей, более последовательный и твердый, выполнял свой черный план»².

В итоге всей этой борьбы Гёргею удастся узурпировать верховное командование. Выступление забывших свой долг офицеров так испугало правительство, что, вместо того чтобы наказать их по заслугам, оно ничего не предприняло против Гёргея.

Приятели Гёргея повлияли и на неустойчивого Надь Шандора, который, возвратившись 9 июля к своему отряду в Коморне, стал под знамя Гёргея.

Факт узурпации командования Гёргеем был изменой своему правительству, и с этого момента начинается его под-

¹ *Lapinski*, op. cit., S. 126.

² *Ibid.*, стр. 163—164.

готовка к капитуляции русским — целая серия предательств, приведших его к окончательной измене.

{ IV

Чувство разочарования и недовольства охватывало русские правительственные круги по поводу затяжного хода войны. Было уже начало июля, а конца войны еще не предвиделось. В письмах Нессельроде мы слышим жалобы на то, что справиться с венгерцами оказалось не таким простым делом, как это предполагалось. Нессельроде в письме от 15 июня признается с огорчением:

«Если говорить о прошлом, то оно драматично, будущее — неизвестно, а настоящее — тревожно. Несмотря на те силы, которые направлены против венгерских инсургентов, я неспокоен. Я боюсь всяких неожиданностей и болезней. Очевидно венгерцы избегают сражений. А если бы эти сражения были, то мы бы не упустили решительного момента. Граф Фикельмон рассказал мне о событиях, которых он сам был свидетелем, о перипетиях, которые происходили на его глазах. Это — неслыханные вещи»¹.

А после сражения у Коморна Нессельроде меланхолично замечает:

«Сегодня нас извещают о победе у Коморна. Если бы восставшие имели благоразумие сдаться, какое было бы это счастье. Это — война губительная»².

И очень скоро еще одно подобного же рода замечание:

«Восставшие упорны. Есть от чего притти в уныние, и это уныние передается мне»³.

И действительно, несмотря на превосходство русских сил, положение восставших было вовсе не безнадежным; в их пользу говорило многое и прежде всего то, что происходило в лагере русских. Русские войска очень много терпели от недостатка продовольствия. Австрийцы, наоборот, очень много, и не подумали выполнить своих обещаний. Более того, если где и было какое-либо продовольствие, то оно использовалось для австрийских войск, а не для русских. Достаточно указать на несколько фактов.

Выйдя из Галиции и Буковины, царские войска должны

¹ *Nesselrode, Lettres et papiers*, p. 256. Письмо от 15 июня (2 июля) 1849 г.

² *Ibid.*, p. 265. Письмо от 15 июля 1849 г.

³ *Ibid.*, p. 273. Письмо от 27 июля 1849 г.

были приостановить свое движение, потому что не было продовольствия. По этому поводу Паскевич жаловался, что нехватает хлеба, что транспорты вследствие быстрого движения войск отстали, что муки совсем не закуплено, что австрийцы платят не австрийскими деньгами, а новыми, которые выпустило правительство Виндишгреца, будучи в Венгрии. Эти деньги называются виндишгрецкими, и их никто не знает и никто не берет. А австрийские деньги, имеющие ценность, придерживаются австрийцами. От этого терпела вся армия и замедлялось ее продвижение вперед. «Австрийцы только в настоящий момент запрашивают меня, на сколько людей заготавливать провианта. Генерал Берг, вместо того чтобы объяснить им численность армии, у меня спрашивает»¹.

Русским войскам приходилось или дожидаться транспортов или реквизировать хлеб небольшими количествами и немолотым зерном.

Подобные факты продолжались и дальше. Когда русские приблизились к Вайцену, Паскевич направил в Пешт находившегося при нем в качестве австрийского комиссара венгерского магната Зичи и полковника Затлера для заготовки продовольствия. Продовольствие было заготовлено. Генерал Берг, хотя это и не входило в его обязанности, запросил о количестве собранного ими для русской армии провианта. Граф Зичи дал ему соответствующие сведения, а затем Зичи и Затлер узнали, что генерал Гайнау приказал забрать весь испеченный для русских войск хлеб, а также и все перевозочные средства. Когда полковник Затлер и Зичи протестовали против этого распоряжения, то Гайнау отвечал им и интенданту Обермейеру: «Прежде всего надлежит заботиться об обеспечении моей армии, а потом уже — русской»².

Паскевичу приходилось собственными силами изыскивать средства для снабжения войск, и русское командование не гнушалось никакими реквизициями. При занятии городов их жители облагались определенной данью. Не редки в русской армии были и случаи прямых грабежей.

Еще более страшным бичом царской армии были болезни, особенно холера.

Первые признаки холеры появились в войсках еще в Бартфельде, но на Тиссе во всей армии, особенно в 4-м

¹ Щербатов, цит. соч., т. VI, стр. 115.

² Там же, стр. 116.

пехотном корпусе, она разразилась в ужасающей степени. По рассказу одного из офицеров царской армии, от бивуаков беспрестанно шли к походным лазаретам, находившимся позади полков, больные солдаты, из которых некоторые падали и умирали, не дойдя до места. Медики не успевали оказывать помощь. Кругом каждого походного лазарета умершие валялись десятками. Больных не успевали отвозить в госпиталь, устроенный в городе, а умерших — хоронить¹. Николай должен был признать, что свирепствовавшая в армии холера стоит сражений. Во время пребывания русской армии на Тиссе за 5 дней зарегистрировали 15 тыс. больных².

Наряду с вышеуказанными трудностями проявлялось недовольство внутри самой русской армии.

Обследование военно-судных дел, прошедших через полевой аудиториат действующей армии за 1848—1849 гг., дало очень любопытный материал, характеризующий настроения русских солдат во время венгерского похода. Оно вскрыло большое количество дел о побегах. Мотивировки, приводимые в этих военно-судных делах, говорят о тяжелом положении солдат русской армии, о побоях, в результате чего дезертирство было частым явлением. Русские солдаты бежали в Австрию, Пруссию, а подчас перебежали и к венгерцам и даже сражались в их рядах.

Рядовой Абсамиков бежит к «мятежным венграм», судится за нахождение с оружием в их рядах и приговаривается к смертной казни³.

Другой рядовой Корней Журомский, будучи оставлен по болезни в одном из венгерских городов, пытается навсегда остаться в Венгрии⁴.

Но особенно любопытно одно дело, свидетельствующее о популярности венгерского восстания даже среди солдат, которые не были в самой Венгрии. Это «дело о поселянах Августовской губ. — Викентии Юшкевиче за намерение отбить конскриптов и, бежав с ними за границу, принять участие в венгерском мятеже, Шимоне Мазурайтисе за участие в этом преступлении и Казимире Юшкевиче за подговор первого к ложному показанию о преступлении»⁵.

¹ Лизутин, Записки, стр. 110.

² Щербатов, цит. соч., т. VI, стр. 99

³ ЛОУША, Военно-судное дело. Связка 697, № 111.

⁴ Там же, связка 698, № 119.

⁵ Там же, связка 699, № 141.

На допросах в сентябре 1849 г. Казимир Юшкевич показал следующее.

Наслушавшись рассказов о том, как хорошо живет в Венгрии, он решил туда бежать, но считал, что неплохо захватить с собой некоторое количество вооруженных людей, и, прибегая к целому ряду махинаций, переодевшись даже в офицерскую форму, он пыгался освободить рекрутов и увести их с собою. Ему удалось раздобыть оружие (7 ружей, 2 пистолета, 3 палаша, пушку, порох, патроны и пистоны).

Интересно, что Юшкевич высказывал всегда твердую уверенность в том, что у венгерцев ему и его сообщникам будет хорошо.

Все они были задержаны, причем во время ареста Казимир Юшкевич оказал вооруженное сопротивление. Военно-полевой суд приговорил их к расстрелу.

Русская армия, по признанию многих офицеров, действовала по приказанию свыше, совершенно не симпатизируя австрийцам.

Об этом говорит и офицер Лихутин, утверждавший, что война не вызывала никакого энтузиазма в русской армии. «Мы пришли помогать австрийцам, — пишет он, — и помогли им, и вдруг наши симпатии оказались повидимому на стороне тех, во вред которых мы действовали». По утверждению Лихутина, симпатия к венгерцам была молчаливым протестом против того, что было исполнено русской армией по приказанию царя.

В некоторых записках русские офицеры выражали надежду на окончание этой «кровавой и бесполезной» войны.

Часть офицерства пыталась даже остаться в Венгрии, и венгерские магнаты услужливо доносили царскому правительству об этих намерениях.

Венгерцы могли также с полным основанием рассчитывать на несогласие между союзниками, на бесконечные препирательства между военными командованиями — русским и австрийским.

Царское правительство приветствовало вступление Гайнау на пост австрийского главнокомандующего и возлагало на него большие надежды. Нессельроде очень неодобрительно отзывался о Вельдене и хвалил Гайнау. Вельден, по мнению Нессельроде, не смог справиться с задачей командования. В его ведении войны было много желчности и раздраженности. Гайнау же вышел из блестящей школы Радец-

кого, который первый отошел от старых принципов, столь укрепившихся в австрийской армии¹.

Паскевич же с самых первых шагов Гайнау в качестве главнокомандующего был недоволен им.

Одна записка Паскевича в этом отношении чрезвычайно характерна: «Как мне императору австрийскому сказать, что его главнокомандующий не годится не потому, что он до сих пор сделал, а потому, сколько я вижу, он не имеет никаких качеств, чтобы в коалиции быть, чтобы оную сохранить, чтобы все самолюбие в сторону и быть уважительным к тем, кто поможет»².

По мере развертывания войны взаимоотношения между обоими командованиями становились все более обостренными.

Большой материал, рисующий столкновения между обоими командованиями, дают нам записки самого Паскевича.

Основа вражды между Паскевичем и Гайнау заключалась в стремлении Паскевича вести войну совершенно самостоятельно и независимо от австрийцев. Гайнау при этом предназначалась очень скромная роль: он должен был оказывать известную помощь русским, но отнюдь не выступать в качестве самостоятельной силы. Проще говоря, Паскевич хотел, чтобы Гайнау действовал под его начальством. Русские крепостники хотели сами расправиться с венгерской революцией³.

Несмотря на успех операции, проведенной австрийцами у Коморна, Паскевич считал ее ненужной и чрезвычайно рискованной. Паскевич полагал, что движение войск Гёргея из Коморна можно было использовать для достижения гораздо большего успеха союзников. «Восьмидесятитысячная русская армия стала бы им наперерез в движении их к Пешту, между тем как австрийская армия преследовала бы их с тылу. Успех был рассчитан верно. Казалось, что, сделав план кампании, надобно согласно сему и действовать. Но вместо помощи мы встретили отступление от утвержденного плана и противодействия»⁴.

Австрийцы, утверждал Паскевич, не должны были поз-

¹ *Nesselrode*, op. cit. Comte Nesselrode au baron de Meyendorf, 6—12 Juin 1849.

² Личный архив Паскевича № 3 под заглавием «Собственноручная записка его светлости о генерале-бароне Гайнау». Подлинник. Без даты. Относится к июлю 1849 г.

³ *Steier*, Az 1849-iki trónfosztás előzményei. Ismeretlen adalékok az 1848—1849-iki Szabadságharc történetéhez, Budapest 1924.

⁴ *Щербатов*, цит. соч., т. VI, стр. 109.

волять себе развертывать широкие операции на обоих берегах Дуная, им следовало ожидать прибытия русской армии и пока защищать дорогу на Вену, наблюдая за неприятелем. Между тем Гайнау, рискуя потерять всю армию, рискуя Веной, а вместе с тем и существованием австрийской империи, начинает большое наступление у Коморна. После дела под с. Передом, где австрийский корпус погиб бы, если бы не поддержка дивизии Панютина, Гайнау делает совершенно бесполезное, по мнению Паскевича, нападение на Рааб, а в дальнейшем предпринимает еще более рискованные операции у Коморна. После двух первых ошибок он допускает третью: вместо того чтобы открыть дорогу Гёргею, не препятствуя ему идти к Пешту, он старался удержать его у Коморна. Гёргей, которому помешали идти из Коморна на Пешт, двинулся по левому берегу Дуная и переправился через реку. Гайнау не мешал ему выйти из крепости, не преследовал и не следил за ним. «40-тысячная австрийская армия была более двух недель в бездействии и не оказывала ни малейшего содействия армии русской», — заключает свою записку Паскевич¹. Армия Гёргея шла на соединение с южной армией, возглавляемой Пердцем. Столкновение между отступающей венгерской армией и русскими войсками произошло 3 (15) июня у Вайцена. Здесь русская армия встретила сильнейший отпор со стороны стянутых к месту сражения больших сил восставших². Их «фронт и правый фланг прикрывались насыпью железной дороги», «левый фланг стоял на высотах за рекой Рааба под прикрытием пехоты, в то время как артиллерия, находившаяся тут же, имела возможность обстреливать русские войска»³.

На помощь венгерцам пришла бездарность русских генералов. В задачу русских войск не входило задерживать движение венгров на юг, к Гёдёллэ, ибо на юге венгерцев ждала готовившаяся русскими засада. Между тем бездарный Засс бросил весь свой отряд на сильно укрепленную позицию венгерцев у Вайцена, вызвал их на бой и понес тяжелые потери: из 1 200 убитых и раненых $\frac{2}{3}$ составляли русские. Русскому командованию, надевавшемуся уничтожить у Гёдёллэ всю венгерскую армию, пришлось дробить свои силы. Но бой под Вайценом имел и другое последствие.

¹ Щербатов, цит. соч., т. VI, стр. 113.

² Там же, стр. 111.

³ Ph. Korn, Neueste Chronik der Magyaren, Bd. II, S. 59.

Гёргей после него отказался от движения на Гёдёлле и решил двинуться на соединение с южной армией через Лосонг, Мишколц и Токай; такое движение, как мы увидим ниже, совершенно не соответствовало планам русского командования.

На 3-й день боя, 5 июля, началась новая атака русских на Вайцен, но главных сил дунайской армии здесь уже не было. Русские отряды прошли в город, но бой продолжался на улицах Вайцена. Весь город покрылся баррикадами. Жители с исключительным мужеством защищали каждую улицу. Началась стрельба из окон домов, с крыш домов посыпался град тяжелых камней на головы русских. О дальнейшем венгерская хроника говорит очень глухо. Паскевичу, по ее словам, вместо того чтобы воевать с армией Гёргея, пришлось направить все свои силы против мужественных жителей Вайцена, чтобы принудить их к покорности¹.

Русским приходилось все больше и больше убеждаться в тщетности надежд кончить войну «одним ударом». Венгерцы были еще достаточно сильны; они ушли из-под удара целы и невредимы и могли причинить противнику много хлопот, действуя в пределах расположения русской армии. У них была полная возможность захватить дорогу к Мишколцу, переправиться через Тиссу у Токая, затем, объединившись с северной армией, занять сильную позицию за Тиссой, направиться к Кашау, чтобы захватить там продовольствие, заготовленное для русской армии, а затем повторить тот победоносный поход по верхней Венгрии, который так блестяще удался зимой.

Русское командование было чрезвычайно недовольно результатами операций у Вайцена. Армия Гёргея, которая должна была быть совершенно уничтожена, осталась невредимой и направилась на соединение с южной армией. Царь резко выражал свое недовольство: «Жаль очень, что Гёргея армию не было возможности уничтожить под Вайценом или после сего дела. Кажется, что, если бы генерал Гайнау продолжал начатую переправу на левый берег, он все-таки поспел бы в самую пору ударить венграм в тыл или по крайней мере в левый фланг. Вероятно тогда бы армия Гёргея была уничтожена. Причина, зачем Гайнау не поспел, по моему, совершенно вздорна и непонятна»².

¹ *Ph. Korn*, op. cit., Bd. II, S. 62.

² *Щербатов*, цит. соч., т. VI, стр. 311.

Паскевичу пришлось чрезвычайно длинно объяснять причину затяжной войны, почему русская армия не могла нанести того сокрушительного удара, который от нее ожидался. В своем письме Николаю Паскевич приписывает разрушение своих планов неумелости своих генералов, в частности генерала Засса и Ридигера, а также действиям Гайнау.

Упоминая об уже известных нам действиях Засса, результате которых явилась навязанная русским совершенно безрезультатная битва у Вайцена, Паскевич пишет:

«Я должен беспрестанно ошибки моих генералов поправлять. Под Вайценом не один Засс виноват, но и сам Ридигер... Я генералов своих не знал»¹.

Затем в своей неудаче под Вайценом Паскевич обвиняет австрийское командование, которое недостаточно интенсивно преследовало Гёргея, когда последний вышел из Коморна. Если бы не бездеятельность генерала Гайнау, то армия Гёргея, окруженная с двух сторон, была бы в руках неприятеля. Настроение Паскевича после кампании у Вайцена можно характеризовать как полную потерю надежд на быстрое окончание войны и даже некоторый страх перед стратегическим умением неприятеля².

После боя при Вайцене в инструкции Чегодаеву Паскевич отмечает необходимость большой осторожности в действиях с неприятелем: «Вы должны остановиться от Мишкольца верстах в 15 и наблюдать неприятеля так, чтобы не быть им разбитым»³.

В дальнейшем Паскевич уклоняется от решительного боя с Гёргеем и от настойчивого преследования дунайской армии. Он предпринимает стратегическое движение на север, оставив армию Гёргея до поры до времени в стороне.

В своем сочинении о венгерской войне Паскевич отмечает, что особенно вайценовское сражение убедило его в том, что венгерская война должна быть решена не батальями, а маневрами⁴.

¹ Личный архив Паскевича, № 39.

² В одной из своих записок Паскевич пишет: «Гёргея война необыкновенная. Он ставит свою артиллерию на начале дела, отчего все сии дела похожи на батарейные. И все сие к тому, чтобы застрашать слабых генералов; если найдется сильный неприятель, на завтра отойдет, оставив свой авангард на съединение неприятелю, который часто уходит по горному местоположению». (Личный архив Паскевича, № 39.)

³ Ореус, цит. соч.

⁴ Личный архив Паскевича. Папка XV, № 147 В, стр. 81. ЛОЦНА.

Однако эти маневры привели только к тому, что цели своей — преграждения венгерцам пути на юг — Паскевич не достиг. Гёргей успел перейти на левый берег Тиссы, в то время как его хотели атаковать на правом, а затем успел, хотя и пожертвовав частью своих войск, пробраться к югу.

Большое значение должно было сыграть дальнейшее движение главной армии, а также исход русско-венгерской борьбы в Трансильвании.

Трансильвания сыграла чрезвычайно значительную роль в русско-венгерской борьбе. Близость Трансильвании к дунайским княжествам, с одной стороны, и к Галиции — с другой, заставляла царское правительство с необычной бдительностью следить за тем, что происходило на данной территории. Целый ряд обстоятельств говорил за то, что Трансильвания должна была сделаться ареной развернутого восстания.

В Молдавии вновь вспыхнуло революционное движение, которое приводило в трепет русское чиновничество, сидевшее там и боявшееся за судьбу русского господства в дунайских княжествах и вместе с тем — за свое существование.

Наряду с дунайскими княжествами не меньшую опасность представляла собой в смысле подъема революционного восстания и Галиция — арена постоянных революционных вспышек. Донесения русских послов были проникнуты страхом, что восстание, руководимое Бэмом, не ограничится Трансильванией, а перекинется также и на Галицию.

Русское правительство ожидало вторжения Бэма со стороны восточной границы Галиции.

«Предприимчивость этого мятежника допускает предположение, — писало русское военное министерство ген. Лидерсу, — что, пользуясь временным ослаблением войск в Галиции, он сделает покушение вторгнуться в этот край»¹.

Не исключена была возможность вторжения Бэма в Галицию через Буковину. Русское правительство считало весьма вероятным, что Бэм попытается взволновать весь край — Буковину — и воздействовать там на тыл армии.

Приходилось пустить в ход все возможные средства, чтобы предотвратить появление Бэма в Буковине. Недаром на

¹ Военно-исторический архив, № 5350, л. 676—679. Копия с предписания г. военного министра командиру 5-го пехотного корпуса от 7 июля 1849 г., № 551.

донесении военного министерства, которое сообщало о направлении отряда Саккена, а также и значительной части драгунского корпуса в Восточную Галицию, имелась одобрительная пометка самого Николая: «Очень хорошо»¹.

Вспышки восстания в Трансильвании, воздействуя на соседние области, могли представлять непосредственную угрозу и для русских границ. Поэтому царское правительство предпринимает меры для охраны Галиции и соседних областей и направляет в Трансильванию — в этот наиболее угрожаемый пункт борьбы — две армии, из которых одна должна была двинуться с севера — из Буковины — под руководством Гроттенгельма, а другая — с юга, возглавляемая Лидерсом. Сюда же было направлено и значительное количество казачьих сил.

В начале июня Паскевич отдал все основные распоряжения по движению войск в Трансильвании. Отрывочная записка Паскевича излагала весь основной план кампании.

«Предположим поход на Кронштадт, Германштадт и Дебрецен. Занять Пухнером пеклеров. Если Пухнера не будет, то надобно оставить войско как для разорения военных заведений, так и для обезоруживания»².

Паскевич давал распоряжение о направлении из Буковины отряда Гроттенгельма, который должен был идти до Быстрицы. Австрийцы должны были направиться далее в глубь Трансильвании — до Марош-Вашаргели. Им предписывалось разорять пороховые магазины и все военные сооружения.

Паскевич предписывал завязать сношения с Елачичем, который должен был также действовать здесь:

«Тут еще есть обстоятельство, — писал Паскевич, — до какой степени Лидерс вошел в сношения с Елачичем, ибо если он ему дал слово быть в таком-то месте и не придет, то подвергнет его войска быть разбитыми»³.

Паскевич предписывал войти в Кронштадт 1 июня, шесть дней потратить на умирение трансильванских венгерцев,

¹ Министерство военное. Канцелярия министерства временного отделения 1849 г., № 2, часть 2. По всеподлиннейшему письму г-на главнокомандующего действующей армией о вторжении мятежника Бэма с венгерскими войсками в Буковину. Секретно. Проект предписания г. командиру 5-го пехотного корпуса. ЛОЦИА.

² Личный архив Паскевича. № 30. Собственноручная записка Паскевича о направлении военных отрядов к горам 19 мая (1 июня). ЛОЦИА.

³ Личный архив Паскевича, № 30.

а потом идти до Карлсбурга. Город Марош-Вашаргели должен был сделаться операционной линией.

Однако фактическое наступление русских войск началось только 18 июня; к этому моменту часть казачьих отрядов приблизилась к трансильванскому городу Предяль.

Интервенция русских вызвала Бэма из Баната. Он прибыл в Трансильванию со своим основным войском, причем к его силам присоединились также и вновь сформированные отряды, которые были организованы его ставленниками во время его отсутствия. В основном все же под его руководством действовало не больше чем 20 тыс. войск.

Значительным препятствием для защиты Трансильвании была, во-первых, малочисленность вооруженных сил, руководимых Бэмом, а также и очень большая разбросанность этих сил по территории Трансильвании. Бэму приходилось бороться с русским наступлением с востока и юга, и последнее еще более дробило его силы и затрудняло защиту Трансильвании. Сил Бэма, разбросанных по всей территории Трансильвании, было совершенно недостаточно для борьбы с объединенными австро-русскими войсками. Генерал Лидерс вступил в Трансильванию во главе 28 тыс. чел. Помимо этого в Трансильвании действовал австрийский отряд в 10 тыс. чел., руководимый Клямом. С севера двигался отряд генерала Гроттенгельма и отряд полковника Урбана, который состоял из 3 тыс. австрийцев и 10 тыс. русских.

В нашу задачу не входит подробное описание всех перипетий русско-венгерской борьбы в Трансильвании. Наметим только ее основные этапы.

В июне корпус Лидерса из дунайских княжеств вступил в Трансильванию и занял сильный опорный пункт — Кронштадт, откуда было обеспечено сообщение с Валахией через Темешское ущелье. В дальнейшем Лидерс намеревался занять Германштадт. В качестве вспомогательной силы, предназначенной для занятия и укрепления областей, уже занятых русскими, намечался австрийский отряд под руководством Кляма-Галаса. Последний должен был занять Кронштадт, для того чтобы освободить силы Лидерса.

Первые столкновения войск Бэма с русскими отрядами Гроттенгельма, двигавшимися с севера, произошли в районе Быстрицы и Чик-Середы. Несмотря на сильный натиск Гроттенгельма, Бэму удалось удержать свои позиции в Секлерланде. Он мобилизовал силы секлеров, используя их

готовые отряды, артиллерийские склады и военное снаряжение. Под его руководством боролись 10 тыс. ополченцев и 5 тыс. регулярных войск.

Русское правительство отлично учитывало силу сопротивления Бэма и считало, что до той поры, пока он не будет разбит, восстание трансильванских венгерцев не будет умирено.

Военное министерство указывало Лидерсу: «Покорение секлеров не может быть достигнуто одним лишь расположением войск на земле их. Для сего необходим решительный удар. В этом отношении удар, нанесенный Бэму, по всей вероятности отразился бы самым решительным образом между секлерами, составляющими большую часть его войск... Разбитие Бэма, в коем они видят главную опору возмущения, укротило бы это бурное племя и затем успокоение остальной части Трансильвании было бы делом незатруднительным»¹.

После битвы в районе Быстрицы Бэм выступил против австрийского отряда Кляма и заставил его приостановить наступление.

Победа в Трансильвании вдохновила Бэма на попытку привлечь население Молдавии на свою сторону и поднять его против русских. По расчетам Бэма лозунг борьбы за независимость должен был найти здесь благодарную почву.

Стоя во главе 4-тысячного войска, Бэм вошел в Молдавию, в два перехода разбил русский резерв, возглавляемый генералом Моллером, и достиг г. Окна.

Повсюду распространялись прокламации Бэма, в которых указывалось, что русские без всякого предварительного объявления войны напали на Трансильванию, что венгерцы являются единственным народом, поднявшим знамя борьбы против узурпаторских действий России. Венгрия обращается к соседним народам, страдающим от русского ига, с призывом выступить вместе с ней против России. Упоминалась также и возможность выступления Порты, которая заинтересована в том, чтобы освободиться от господства русских и укрепить свою политическую независимость².

Появление Бэма в Молдавии произвело очень сильное впечатление на население.

¹ Военно-исторический архив. Донесение Лидерса Паскевичу, Папка № 5351. 1 июля 1849 г.

² Прокламация Бэма от 19 июля 1849 г. Korn, op. cit., S. 94—95, Neueste Chronik d. Magyaren, B-I. II.

Сохранившееся в царских архивах обращение от 15 июля 1849 г., направленное в военное министерство одним русским чиновником, неким Туманским, описывает положение Молдавии в эту эпоху и говорит о том, что у Бэма были все основания рассчитывать на значительную поддержку населения Молдавии.

Письмо представляет исключительный интерес. Приводим его полностью:

«Когда я вам писал несколько дней тому назад, — писал Туманский, — я еще не знал о тех бедствиях, которые нас постигнут. 12 июля генерал Моллер получил известие о наступлении венгерцев в Молдавии в направлении Итуз, который находится недалеко от г. Окна. Небольшое количество войск в Молдавии разбросано на огромном расстоянии. Вражеский отряд в 5 тыс. чел., имеющий пять орудий, озлобленный стычками с нашими отрядами, принудил наши войска отступить. Генерал Моллер выступил в этот же самый день с двумя батальонами инфантерии, которые находились в Яссах, и пушками, и вчера мы уже получили сведения, что генерал Моллер, остановившийся недалеко от Ясс, столкнулся с отрядом венгерцев и должен был отступить к Бакео. Число вражеских сил растет с каждым днем. Этот отряд Бэма проник в Молдавию, в то время как генерал Лидерс со всеми своими силами находится чрезвычайно далеко. Уже 15 тыс. чел. наводнили Молдавию, а мы не имеем достаточного количества сил, для того чтобы им противостоять. Вы не можете себе представить, какая невероятная тревога охватила Яссы с того момента, как мы узнали, что приближается враг. Огромное большинство пытается бежать в Скуляны, который почти не защищен, ибо граница совершенно открыта. Сегодня австрийская агенция отправляет в Скуляны архив, депозиты и свои семейства. Я тоже хочу перевести депозиты и часть архива, — всего нет возможности поднять. Мы совершенно погибли, если Моллер не спасет нас, но бог весть — спасет ли он и сам себя? Лидерс берет Кронштадт и Германштадт, а между тем Молдавию оставляет без защиты, и даже границы империи с этой стороны открыты. Бэм может маршировать, куда ему угодно. Трудно описать вам страшное ощущение, кое мы испытываем со дня отправления Моллера из Ясс. Тут есть тысячи злодеев, которые только и ожидают, чтобы Бэм восторжествовал, и тогда они обратятся на нас же. Вот уже три ночи, как я не смыкаю глаз, и от бес-

прерывного волнения и страха приведен в такое состояние, что едва перо держу в руках. Остается молиться и ожидать судьбы своей. Прощайте, дорогой Яков Андреевич. Дай бог, чтобы это было не последнее прощание, чтобы я увидел еще свое отечество»¹.

Итак у Бэма были вполне основательные расчеты на то, что он встретит вполне сочувственное отношение к своим планам в Молдавии, тем более, что эмигранты из дунайских княжеств, находившиеся в Венгрии, начинали проявлять политическую активность. Из письма Кошута к Бэму мы узнаем, что два румынских эмигранта — Голеско и Болиак — сделали венгерскому правительству предложение организовать румынский отряд, который был бы направлен для борьбы в Трансильванию. Кошут согласился на это предложение главным образом на том основании, что если вступление венгерской армии будет возглавляться румынским отрядом, то оно будет воспринято не как интервенция, а как приход своих братьев, своих освободителей.

Кошут в своем письме к Бэму предлагает ему снестись с вышеназванными лицами для того, чтобы наилучшим образом использовать услуги румынских офицеров².

Однако пребывание Бэма в Молдавии было непродолжительным. Организация румынского отряда оказалась очевидно неосуществленной. Успех Бэма был кратковременным и осуществить свои задачи в Молдавии ему не удалось, тем более, что он должен был спешить обратно, так как получил известие о том, что отряд Кляма-Галаса движется к Ойтоскому ущелью, грозя отрезать Бэма от Трансильвании.

Между тем положение венгерской армии в Трансильвании со времени отъезда Бэма значительно ухудшилось. Лидерс со значительными силами находился уже в центре страны — у Шессбурга.

Несмотря на совершенно неравные силы (отряд Бэма не превышал численностью 6—7 тыс. секлеровских ополченцев, между тем как у Лидерса было больше, чем 10 батальонов пехоты и 8 эскадронов кавалерии), Бэм принял бой, оказал упорное сопротивление, но все же не мог противостоять натиску втрое сильнейшего неприятеля. Венгерцы потерпели

¹ Министертвѣ военное. Канцелярія министерства, 1849 г., № 2, л. 91—92, 15 июля 1849 г. ЛОЦИА. Письмо в первой части написано по-французски, со слов «по граница...» следует русский текст.

² Военно-исторический архив, № 5340. Из бумаг Менькова, 1849 г., стр. 73—74.

поражение, а сам Бэм, раненый в ногу, едва ускорил с поля битвы и всю ночь скрывался в болотистом рву.

Однако это поражение не обескуражило Бэма. Собрав остатки своих отрядов, Бэм вторично штурмовал Германштадт, где сначала имел дело со слабым отрядом Гасфорда, над которым одержал полную победу. Бэм намеревался выгнать Гасфорда в Валахию и завладеть Ротентурмским ущельем, как 1 августа к месту столкновения подошел Лидерс со значительно большим, чем у Бэма, количеством войск. Венгерцы должны были отступить, оставив около 14 орудий, больше 1 500 пленных, весь обоз и значительное количество вооружения.

Передав командование венгерскому генералу Штейну, Бэм направился в Венгрию по вызову своего правительства.

Последний наиболее героический этап борьбы в Трансильвании происходил уже после сдачи Гёргея, когда Бэм опять появился здесь во главе своих войск.

В противоположность Гёргею Бэм не шел ни на какие соглашения, и напрасно русские посылали своих парламентариев. Отряды Бэма бились до конца, и, когда не было никакой надежды отстоять Трансильванию, Бэм, заявив Лидерсу, что он якобы собирается сдать оружие, собрал командный состав и остатки своих отрядов и перешел границу Турции. В Трансильвании остался один венгерский отряд под руководством Казинци, который сдался русским в составе 12 тыс. солдат и свыше 1 500 офицеров с 48 пушками. Через две недели Казинци был повешен в Араде.

V

В начале июля национальное правительство и министерство из Пешта переправились в Сегед. К этому моменту мы имеем новое обострение партийной борьбы. Это обострение партийной борьбы ознаменовалось новым выступлением «партии мира» с требованием передачи всей власти Гёргею. Положение Венгрии было чрезвычайно критическим, однако о критическом положении страны в собрании не было слышно ни одного слова. Депутаты скрывали от масс настоящее положение дел. Гёргей между тем подготавливал свое предательство. Его сторонники усиленно агитировали в собрании в Сегеде за своего любимого генерала, используя для этого непопулярность Мессароша и Дембинского. По словам представителей «партии мира», только Гёргей может все спасти, в его руках нужно сосредоточить всю власть.

«Партия мира» делала все, что в ее силах, для того чтобы подготовить военную диктатуру, диктатуру Гёргея. Она собрала секретное совещание, на котором обсуждались все планы. Один из членов «партии мира», Гунфальви, выступил с пространной речью, с изложением способов смещения Кошута и национального правительства. Другой представитель, Ираньи, только что приехавший из Парижа и слабо ориентировавшийся в обстановке, поддержал ту же идею. В парламенте происходили разговоры о диктаторских замыслах Кошута, о том, что против Гёргея ведется интрига, что в этих интригах принимает активное участие жена Кошута. Один из депутатов открыто выступил в парламенте с заявлением: «Мария-Христина Испанская подверглась изгнанию за свою интригантскую деятельность. Но она была королевой»¹. Семере выступил с отрицанием всех этих инсинуаций; в отношении Гёргея Семере сказал: «Генерал умеет командовать, но не умеет повиноваться».

Последнее выступление Семере показало, как бессильны были парламент и партия Семере против подготовлявшегося предательства. Семере не изобличил Гёргея, не представил его деятельность как деятельность изменника. Нерешительность Семере вдохновила представителей «партии мира» на новое выступление, дала возможность рассчитывать, что правительство назначит Гёргея диктатором².

Неопределенность и неустойчивость положения усугублялись тем, что правительство Семере переходило от одного решения к другому: то Семере предлагал Кошуту разделить диктатуру с Гёргеем, то этот вопрос решался в смысле передачи власти Бэму. Кошут желал встретиться с Гёргеем, но медлил с осуществлением встречи, пока нашествие русских не отрезало Сегед от местонахождения дунайской армии. Так этот вопрос остался совершенно открытым, вплоть до того момента, когда после целого ряда неудач венгерских войск Кошут принужден был передать свою власть Гёргею.

В армии же Гёргей, шаг за шагом осуществляя замыслы «партии мира», подготовлял сдачу русским и гибель национального правительства. Уже в начале июля Гёргеем были сделаны первые шаги, сигнализирующие сдачу.

¹ Ch.-L. Irányi et D. Chassin, op. cit., p. 550.

² Фактически Гёргей был очень недолго диктатором. Кошут передал ему власть 11 августа 1849 г. (по н. ст.). Об этом см. Lapinski, op. cit., S. 177.

Русское правительство, утомленное затяжным характером войны, отсутствием достаточной помощи со стороны австрийцев, ошибками своих незадачливых генералов, решило прибегнуть к целому ряду мероприятий, которые привели бы венгерцев к сдаче оружия.

В этом смысле в высшей степени интересны попытки отдельных генералов вступить в льстивые и обманчивые переговоры с Гёргеем, предлагая всяческие блага, если венгерцы сдадутся.

В тот момент, когда русские войска пытались окружить Гёргея в верхней части Венгрии, Ридигер, один из русских генералов, послал Гёргею письмо, предлагая ему кончить борьбу и сложить оружие на условиях, почетных лично для него и для его армии.

Паскевич отнесся к этим попыткам своих генералов как к беспроницательной игре.

«Ридигер написал письмо Гёргею, — пишет Паскевич, — его уверили, будто Гёргей согласится сдаться. На этот поступок графа Ридигера я ничего не ответил ему. Если это удастся, то вся честь будет ему. Но если Гёргей посмеется над ним и напишет в газетах, то тогда я скажу, что он напрасно и рано это сделал и притом на сие не имел позволения»¹.

На этот раз Гёргей ответил Ридигеру, что он согласен быть посредником в мирных переговорах фельдмаршала князя Паскевича с венгерским правительством, но не находит полезным входить в переговоры с отдельными начальниками войск.

Гёргей, еще не вполне уверенный в том, что его планы могут удасться, держался в ответе Ридигеру довольно независимо. Он объявил, что мир может состояться только при условии признания политической и административной автономии венгерского королевства.

В дальнейшем различные переговоры с парламентариями продолжаются, и Гёргей уже делается значительно уступчивее.

Интересна была попытка такого же обманного обращения со стороны Хрулева 8/20 июля. Венгерские войска прибыли в Лосонч и столкнулись с аррьергардом Надь Шандора. Положение русского отряда было тяжелое. В три часа дня показались два русских офицера, которые белыми

¹ Щербатов, цит. соч., т. VI, стр. 131.

платками подавали знаки. Это были парламентареры Хрулева. Они были отведены к Надь Шандору, который направил их к самому Гёргею.

Лапинский, описывая этот факт, указывает на то, что все это происходило в обстановке уже начавшегося разложения армии. На армию уже начали действовать различные разговоры о том, что якобы русские, недовольные поведением австрийцев, явно выражают всяческие симпатии в отношении венгерцев.

Венгерцев удалось, по словам Лапинского, убедить в том, что недалек тот момент, когда на венгерском престоле будет великий князь Константин. Эти слухи очень усиленно распространялись в армии, особенно сторонниками Гёргея. Эти идеи так действовали на армию, что, когда русских парламентареров с завязанными глазами проводили через лагерь, там раздавались приветствия по их адресу.

«Так далеко мы зашли», — пишет Лапинский.

Не прошло и 24 часов, как появился приказ Гёргея по армии: «Начальник русского авангарда генерал Хрулев предлагает сдачу венгерской армии, ссылаясь на распоряжение князя Паскевича. Эта сдача должна произойти на следующих условиях: роспуска войск, — последние могут перейти на австрийскую службу или беспрепятственно оставаться на родине, будучи свободными от принудительной военной службы. Офицеры могут или перейти на службу царю с полным сохранением своего чина, или, если они этого не хотят, они могут вернуться на родину. Русский царь будет ходатайствовать перед австрийским императором о том, чтобы сделать все для блага венгерского народа. Так как я в связи с отстранением меня от командования не имею решающего голоса, являясь только представителем большинства, то ставлю вопрос о принятии или непринятии капитуляции на решение армии. В случае отказа прекратившиеся военные действия возобновляются. Рима — Сомбат, 4 июля 1849 г. Артур Гёргей»¹.

Эта прокламация была уже открытым предательством. Однако это выступление Гёргея осталось безнаказанным. А Кошут, который об этом сейчас же узнал, не сказал по этому поводу ни единого слова, как будто бы ничего не произошло.

Счастье, что приказ попал в руки Первого отряда, ко-

¹ *Lapinski, op. cit., S. 143.*

торый не был дружественно настроен в отношении Гёргея, и это предложение было отвергнуто. В своих мемуарах Гёргей говорит о своих колебаниях перед обнародованием прокламации. В конечном итоге он решил эту прокламацию издать, делая это якобы только для того, чтобы снять с себя могущие возникнуть подозрения о тайных сношениях с русскими¹. Однако достаточно прочесть эту прокламацию, чтобы убедиться в том, что она написана для того, чтобы вызвать капитулянтские настроения в армии.

Гёргей примирился со своей неудачей, пишет Лалинский. Про себя он решил, что для того, чтобы достигнуть своей цели, необходимо утомить армию еще больше, отстранив отряд генерала Надь Шандора.

Дальнейший ход событий показывает, как он шаг за шагом приближался к предательству...

Игра Гёргея с русскими все продолжалась. Парламентеры ходили из одного лагеря в другой. Русское командование пыталось всячески задобрить Гёргея, стараясь различными способами склонить его к сдаче. Оно всячески льстило ему, превознося его военные заслуги. Русский генерал Ридигер в доказательство своего уважения к Гёргею послал ему два ценных пистолета.

Особенно часто сносились русские с венгерским штабом через некоего Байера, а также через Армина Гёргея, брата главнокомандующего. Письма Гёргея к русскому командованию передавались обычно кем-нибудь из его близких родственников.

В конце концов Гёргей задумал избавиться от всех своих противников, главным образом от наиболее опасного из них — генерала Первого отряда армии, Надь Шандора. Он направил этот отряд к Дебрецену с категорическим приказом не отступать, прикрывая фланг армии. Сам же он с остатками своей армии двинулся в направлении к местечку Аксад.

В битве при Дебрецене венгерцы потерпели значительное поражение. Отряд Надь Шандора подвергся полному истреблению.

Лалинский, присутствовавший при всех этих событиях, высказывает следующее предположение: «Гёргей, который с давних пор находился в переписке с Паскевичем, договорился с последним о том, что русская армия завоюет

¹ Görgői, op. cit.

Гроссвардейн еще до того, как главная армия Гёргея придет ему на помощь, в то время как другая часть армии последует в Клейн Мариа»¹.

В царских архивах не оказалось переписки Гёргея с русским командованием, подтверждающей эти предположения Лапинского, однако содержание ряда записок Паскевича говорит о том, что с определенного момента русское командование видело разрешение всех своих затруднений в сдаче Гёргея и делало все, чтобы воздействовать на него в этом направлении, вплоть до прямого подкупа.

VI

Между тем дело Венгрии нельзя было бы считать погибшим. В тот момент, когда вопрос о капитуляции для Гёргея был решен, у Венгрии были еще силы, чтобы бороться и противостоять врагу.

3 августа в Коморне Клапка одержал блестящую победу над врагом. Противник в этой битве потерял 1 500 убитыми и ранеными. Были захвачены в плен 2 тыс. чел., 34 пушки, очень много снаряжения, вся казна и т. д.

В скором времени Клапка взял Рааб и мог бы быстро захватить Вену, так как он имел достаточно сильную армию, в то время как венские войска состояли из молодых новобранцев. Помимо того можно было рассчитывать на некоторую помощь со стороны Италии. В армии Радецкого было очень много венгерцев и не было ничего невероятного в объединении венгерской армии с итальянской. Если бы Клапка взял Вену, он может быть спас бы Венгрию.

В Трансильвании положение было не из блестящих, но тем не менее Бэм удерживал еще значительные позиции в западной части страны.

Дембинский и Мессарош завоевали Сегед и направились в Бетцкерек, куда была стянута сорокапятитысячная армия.

Если бы 4 августа, непосредственно после Гроссвардэйна, Гёргей форсированным маршем направился к Темешвару, пишет Лапинский, он смог бы еще до битвы соединиться с Дембинским. Однако он этого не делает. Наоборот, его партия предпринимает все, чтобы распростра-

¹ *Lapinski*, op. cit., p. 161.

нять наихудшие известия о положении на фронте. Весть о победе Клапки замалчивалась им, и армия узнала об этом из неофициальных источников¹.

4 августа министр-президент Семере прибыл в Гроссвардэйн с некоторыми предположениями об измене Гёргея. Но Гёргею удалось при помощи лести убедить его в своей невиновности. Немало было с его стороны разговоров о благе государства и т. д.

9 августа было получено известие о новом поражении Дембинского у Темешвара, которое произвело удручающее впечатление на армию. Но тем не менее она не теряла еще мужества.

10 августа вся армия переправилась через Марош, соединилась с Первым отрядом и приготовилась к бою. В этот момент в армии был такой же энтузиазм и желание бороться до победного конца, как и в самые первые дни. Армия не думала о капитуляции; она надеялась победить. Неожиданно получился приказ об отступлении через Марош к Араду. Тогда все офицерство Первого отряда, руководимое генералом Надь Шандором, видя измену, решилось пойти на единственное средство спасения: в эту же ночь направиться со своими солдатами через Радну, чтобы объединиться с Бэмом. Поклявшись никому не рассказывать о своих планах, офицеры разошлись по своим палаткам.

На следующий день была опубликована прокламация Кошута, в которой он указывал на то, что он решил отойти от управления и передать власть Артуру Гёргею, ибо только последний может спасти отечество и обеспечить благоденствие и безопасность на будущее время.

Венгерские войска были накануне капитуляции. Последняя произошла 1 (13) августа.

Этому событию предшествовал ряд серьезных поражений венгерских войск. Борьба в Трансильвании закончилась неудачным для Бэма сражением под Германштадтом, в котором значительная часть его войск была истреблена; ответственный участок борьбы — Дебрецен — защищался только одним отрядом дунайской армии Надь Шандора. Последний не мог противостоять значительным силам русской армии Бебутова, потерпел поражение и должен был оставить Дебрецен русским.

¹ *Lapinski, op. cit., S. 170.*

ОТЪЕЗД КОШУТА ИЗ ВЕНГРИИ.
(Литография неизвестного автора. Коллекция ИМЭЛ.)

9 августа при Темешваре произошло решающее сражение армии Дембинского с участием Бама — новое поражение венгерцев, произведшее удручающее впечатление на всех борющихся венгерцев. Однако положение не было безнадежным. Западная часть Трансильвании была еще в руках венгерцев. Путь к ней был совершенно открыт. Силы венгерцев были еще очень значительны.

«Между Лугошем и Дэвой можно было бы сконцентрировать, — пишет по этому поводу Лапинский, — 60 тыс. чел. и 250 орудий. В Верхней Венгрии, в области Мункача, стояла армия Каринецы в 14 тыс. чел. Крепости Коморн, Петервардейн, Арад и Мункач были в хорошем состоянии, и гарнизон в крепостях состоял из 45 тыс. чел. Это была еще достаточная сила, с которой можно было очень долго бороться. Возможен еще был мир с Австрией на определенных условиях»¹.

Трудно проверить, насколько правильно исчислено здесь наличие венгерских сил, но указание Лапинского на то, что слишком рано было подводить итоги австро-венгерской борьбы, вполне справедливо. Как раз накануне сдачи Гёргея, в начале августа, Гайнау писал Ридигеру о чрезвычайно тяжелом положении австрийских войск². Здесь важно отметить, что Гайнау даже после сдачи Гёргея не мог обойтись без русской помощи, требовал участия русских отрядов, в частности отряда Граббе, при осаде крепости Коморн, а перед сдачей Гёргея целый ряд сильных крепостей был в руках венгерцев; вряд ли австрийцам удалось бы быстро с ними справиться, и результаты дальнейшей борьбы были еще далеко не ясны.

Обычная ссылка Гёргея на полную деморализацию армии³ не заслуживает доверия. Только высший командный состав и часть офицерства присоединились к решению Гёргея, мечтая даже перейти на царскую службу. Интересно, что большинство офицеров обращалось к Гёргею с просьбой повысить их в чине, чтобы они могли вступить в царскую армию в более высоком ранге⁴. Настроение солдат было другим.

¹ *Lapinski*, op. cit., Hamburg 1850, S. 178—179.

² Рапорт Ридигера Паскевичу. Военно-исторический архив, № 5351, 10 (22) августа.

³ В таком смысле Гёргей сделал сообщение на совете венгерских генералов 12 августа. *Lapinski*, op. cit., S. 179.

⁴ *D. Irányi et Ch.-L. Chassin*, op. cit., S. 581.

Об этом говорят не только Лалинский, но и большинство воспоминаний о сдаче, принадлежащих венгерским офицерам. С недовольными, роптавшими солдатами Гёргеи боролся, запрещая всякую критику своих действий и угрожая расправой в случае непослушания. Основой недовольства была неизвестность положения. «Не надо обманываться, — говорили недовольные солдаты и часть офицерства, — никто не знает — гибель или спасение принесет нам капитуляция». Открыто говорилось об обмане, о неправильных сведениях, распространяемых в армии, для того чтобы убедить армию в необходимости сдать оружие. С ненавистью солдаты говорили не только о Гёргее, но и о командном составе, который вместе с ним обрекал армию на капитуляцию¹.

Царские архивы, и особенно архив Паскевича, дают ряд важных дополнений, рисующих обстановку сдачи и отношение русского командного состава к сдаче Гёргея. Несмотря на ряд одержанных побед, русское командование далеко не чувствовало себя на вершине славы. Действия русской армии вызывали сильное недовольство царя, угрожавшее «отцу-командиру» (т. е. Паскевичу) отставкой за недостаточно энергичную деятельность.

И Паскевичу приходилось спешно придумывать выход из положения, действовать «маневрами», для того чтобы добиться расположения царя и «славного» окончания войны. Завершение войны при помощи сдачи дунайской армии было лучшим выходом из положения. Паскевич прилагает все усилия к тому, чтобы добиться сдачи. После «победы» под Дебреценом, когда вся армия Гёргея осталась целехонькой, Паскевич писал Николаю: «Гёргеи знает войну, и его можно уничтожить, только маневрируя, а не сражаясь. Драться он не будет, сознавая свою слабость. Я его запру в кольцо, хотя мне и трудно маневрировать, имея за собой 4 тыс. повозок»².

Тем не менее царь, не очень удовлетворенный объяснением «отца-командира», решительно высказывал свое недовольство итогами дела под Дебреценом:

«Жалею очень, что Гёргеи с армией своей ушел, и пойму только совершенно тогда, когда ты мне лично объяснишь то, что здесь редко понять можно. Само собой разумеется,

¹ Ph. Korn, op. cit., Bd. II, S. 182.

² Щербатов, цит. соч., т. VI, стр. 151.

что теперь помышлять нельзя о возвращении какой-либо части армии; напротив, нужно, чтобы ты имел все от нас зависящие средства кончить кампанию славно, в чем я и не сомневаюсь»¹.

К недовольству царя прибавилось и недовольство руководством Паскевича со стороны австрийского командования, которое Паскевич третировал *en canaille*. Последнее привело к тому, что австрийский министр Шварценберг отправился в Варшаву, и совместно с русским министром иностранных дел Нессельроде стал настаивать на удалении Паскевича из армии и назначении графа Воронцова главнокомандующим действующей армией в Венгрии².

Положение Паскевича стало затруднительным. Настоячивое и быстрое преследование неприятеля после кампании у Дебрецена стало для Паскевича совершенно невозможным из-за полного отсутствия продовольствия. Австрийцы по-прежнему отписывались, а провианта не доставляли. Николай же продолжал требовать и напоминать о необходимости «довершить столь славно начатое», т. е. разбить главные силы мятежников, достаточно еще значительные. С его точки зрения, армия Гёргея, «хотя сильно расстроенная и два раза пораженная... существует и, соединяясь с другими, еще может быть грозна...» (курсив мой. — Р. А.). Необходимо всей армией «довершить дело так, как для чести оружия нашего желательно»³.

Позднее Паскевич писал, что, «если бы Гёргей взял Кашау и Эперияш, где есть порох, ядра и 20 тыс. пуд. провианта, я не мог бы продолжать кампанию по крайней мере 25 недель»⁴. Совершенно соответственно видам и желаниям Паскевича было появление парламентаров в русской ставке. Пельтенберг, который был направлен для переговоров с русскими по инициативе Баттани и Семере, получил отказ. Паскевич ответил, что мирные переговоры нужно вести с австрийским императором. Но это было сделано Паскевичем для соблюдения декорума, для того что-

¹ Письмо от 24 июля (10 августа) 1849 г. *Щербатов*, цит. соч., т. V, стр. 321.

² Записка об этом Паскевича. *Щербатов*, цит. соч., т. VI. Приложение XIV, стр. 378.

³ Письмо Николая от 13 августа 1849 г. *Щербатов*, цит. соч., т. VI, стр. 326.

⁴ Личный архив Паскевича, № 92. Записка Паскевича о военных действиях в Венгрии, ЛОЦИА.

бы «умягчить», по его собственному выражению, австрийское правительство. Парламентарство венгерцев воспринималось русским командованием с большим удовлетворением. «Пол-отказа Гайнау. Premièrement tout pour moi et mon armée (все в первую очередь для меня и моей армии), — писал Паскевич. — Так как сдача Гёргея собственно вашим войскам для австрийцев очень больно, то я, дабы умягчить, послал прямо к австрийскому императору»¹. На запрос русских получился ответ только об австрийских условиях сдачи; никаких четких полномочий австрийское правительство не давало. Последнее указывало, что Гёргей должен сдать оружие своему законному императору с командным составом, со всей кавалерией, орудиями и военным снаряжением. «Ввиду важности подобного факта, а также ввиду того обстоятельства, что этим самым война будет почти закончена, австрийский главнокомандующий считает возможным, — пишет Берг, — гарантировать Гёргею сохранение жизни и безнаказанность... Можно ему, также лично предложить определенную сумму денег, ему лично, но, сделав это так, чтобы последнее не затронуло его чести и достоинства и чтобы на основе этого не могли судить об его предательском и злодейском поведении»².

Царские архивы дают целый ряд подтверждений положения Маркса, что партия Гёргея становилась «каналом иллюзии, о которую разбилась венгерская революция 1849 года», что партия Гёргея «сломила силу сопротивления венгерской революции»³. Они подтверждают предположения Маркса о предательстве Гёргея, о его сношениях с царским правительством.

Царское правительство решило подкупить Гёргея. Царские архивы сохранили весьма важный документ, указывающий на этот факт. В записках Паскевича имеется предложение последнего царю подкупить Гёргея и тем закончить войну.

«Вся война состоит в Гёргее, — пишет Паскевич царю. — Позвольте от вашего имени предложить ему и целому его семейству 100 тыс. пенсиону или 10 тыс. червонцев пенсиону — этим вы избавитесь от войны, которую вы обещали поддерживать и которую вам нельзя совсем оставить,

¹ Личный архив Паскевича, № 92.

² Военно-исторический архив, № 5341. Письмо к князю Паскевичу (из бумаг Менькова), № 95, июль 1849 г.

³ Маркс и Энгельс, Господин Фогт, т. XII, ч. 1, стр. 368.

ибо не прошло бы полгода, как бы должно было бы драться от Каменец-Подольска до Вислы. Австрийское правительство, заблужденное на счет сил, которые вы выставляли вместо того, чтобы воспользоваться этим случаем и стараться помириться с народом венгерским, раздражает их прокламациями, в которых смерть для половины венгерцев за их поведение»¹.

Подкуп как средство, ведущее к окончанию войны, не только усиленно обсуждался, но и был применен. Так как венгерцы и слышать не хотели о сдаче австрийскому правительству, то все дальнейшие переговоры ведутся между двумя сторонами — русским командованием и Гёргеем.

В Венгрии между тем произошли события, подготовившие сдачу и сделавшие ее реальной: 11 августа под определенным давлением со стороны Гёргея Кошут написал известное уже нам отречение от верховной власти, передавая ее всецело в руки Гёргею. Кошут направился из Арада в Лугош, где были остатки южной армии. Одновременно с его отъездом возвратился Пельтенберг с известным уже ответом от Паскевича. Гёргей принял на себя новое звание, издав прокламацию, в которой извещал, что правительства уже не существует, что он объединяет в себе и военную и верховную власть, убеждая население Венгрии держать себя спокойно и обещая сделать для страны все, что только возможно в настоящих трудных обстоятельствах.

«Все были изумлены, — пишет Лалинский, характеризуя впечатление от прокламации Гёргея, — все те, которые потеряли веру в Гёргея, начали верить ему опять, так как Кошут передал ему диктатуру. Генерал Надь Шандор переменил свое решение и 12 августа утром вместе с своей армией направился в Вилагош. Немедленно по прибытии армии Гёргей собрал военный совет, на котором присутствовал весь командный состав. Здесь присутствовали: генерал Пельтенберг, Лейнингем, Надь Шандор, Аулих, Киш, Ленкей и Швейдель. Гёргей выступил перед военным советом с речью о существующем положении вещей; он говорил о безнадежности положения, о деморализации армии, о полной невозможности добиться благоприятного исхода борьбы. Гёргей заявил, что он признает необходимым сдачу оружия русскому командованию, — таким образом страна попадет в руки царя, а не австрийцам, — и что у него есть

¹ Личный архив Паскевича, № 41 от 12 (24) июля 1849 г. Фотокопия текста печатается выше на стр. 167.

основания надеяться, что страна никогда не попадет в руки австрийского правительства. Гёрге́й театрально заявил, что если будут жертвы, то он будет первой из них, так как в свое время он приказал умертвить графа Зичи. Ко всему этому, он добавил, что не желает, чтобы его считали предателем, и готов передать командование другому генералу, а сам готов взять в руки ружье». «Он знал, — пишет по этому поводу Лапинский, — что он обращался уже к тем, кто теперь были только терпеливыми овечками. Если бы даже поднялся смелый голос протеста, то он был бы заглушен»¹. На другой день после совета было написано в русскую ставку письмо, сущность которого была следующая: Гёрге́й выражал безусловную готовность положить оружие перед русскими войсками, но объявлял, что ни в каком случае не сдастся австрийцам и скорее отважится на отчаянный бой, употребив на это все имеющиеся у него под рукою силы. Затем он уведомлял, что 12 августа двинется к Вилагошу, а 13 августа — в Борош-Иено, для того чтобы генерал Ридигер мог поставить свои войска между ним и австрийцами, и наконец поручал великодушию и справедливости русского царя как венгерскую нацию вообще, так в особенности тех офицеров своей армии, которые прежде состояли на австрийской службе.

В прокламации была все та же театральность. Обращаясь к царскому правительству, Гёрге́й заявил, что он желал бы быть единственной жертвой в итоге этой сдачи. Однако о персональной неприкосновенности Гёрге́я, как мы увидим позднее, позаботилось само царское правительство.

Согласно условию, заключенному между русскими и Гёрге́ем, венгерская армия обязывалась положить оружие 13 августа на равнине, лежащей между м. Зараня и д. Селлож. На этом месте должны были сойтись войска обеих сторон. Многочисленные рассказы о сдаче Гёрге́я дают по существу два варианта, по-разному рисующие политические настроения воюющих армий. Одно описание сдачи, которое очень охотно рассказывают и русские историки царского времени, благосклонно настроенные к Гёрге́ю, рисует единодушные всей армии со своим вождем, убежденной в необходимости сдачи. При сдаче выявлялись признаки преданности Гёрге́ю, будто бы слышались возгласы: «Прощай, прощай, Гёрге́й!» и пр.

¹ *Lapinski, op. cit., S. 178—180.*

Другие рассказы подчеркивают оппозиционные настроения солдат и части офицерства.

Для правильной характеристики обстановки сдачи очень много дает сухой рапорт русского генерала Ридигера, который рисует ряд любопытных деталей. Действительность была очень далека от той картины, которая обычно описывается историками, политическими единомышленниками Гёргея. Вот как Ридигер описывает порядок сдачи: «Войска прибывали и строились в общее расположение, которое Гёргей предполагал окончить к 3 час. и тогда передать в полной совокупности. Между тем войска его стягивались весьма медленно и были растянуты по всей дороге от Вилагоша до Шелиса, так что к 6 час. вечера собрались только 7-й и 3-й корпуса, первый находился в следовании, а резервы и парки еще в самом Вилагоше... Желая не терять ни минуты времени на дальнейшее ожидание, я решился приступить к обезоружению прибывших на позицию частей, не откладывая до дальнейшего сбора отставших, лишь бы скорее окончить отделение от людей их оружия и приобретение орудий — без чего в таком войске, как Гёргея, кои не быв разбиты, складывают оружие по одному убеждению своего предводителя, имея еще достаточно средств для продолжения действий и все пути в Трансильванию открытыми, малейшее колебание могло бы увлечь непривывшие корпуса броситься в Трансильванию и тем продолжать войну, о чем еще накануне были толки в войске Гёргея не только между нижними чинами, но даже между генералами, и каковы толки могли быть подавлены одним нравственным влиянием Гёргея на войска, им предводительствуемые... войска эти, перед коими австрийский же генерал Гайнау: еще 1 августа не считал себя в состоянии удержать и просил меня убедительнейше соединиться с ним, вовсе не имели того вида, который предписывал им генерал Берг, а, напротив того, все единодушно желали сразиться с австрийцами с полной уверенностью разбить их, если русские не примут участия в бою».

Итак вместо армии, желающей сдаться, мы имеем войска, у которых нужно было спешно отобрать оружие, иначе они могли броситься в Трансильванию. Войска не желали сдаваться, а, напротив, хотели сразиться с австрийцами и были вполне уверены, что они смогут победить. Армия, сдававшаяся 13 августа, оказалась настолько непокорной, что русское командование каждую минуту ждало, вот-вот нач-

нется снова бой, и предпринимало целый ряд мер, чтобы как можно скорее закончить разоружение, дабы не дать возможности начаться кровопролитию. Ридигер жалуется, что не было возможности забрать всех военнопленных, потому что оружие отбиралось в очень большой спешке; нужно было опасаться методической передачи оружия, ибо темнота и появление австрийцев при общей к ним ненависти могли бы подать повод к новому кровопролитию.

1 августа Паскевич сообщил царю о сдаче армии Гёргея. Паскевич поздравлял царя с окончанием войны с Венгрией, сообщал о том, что Гёргей сложил оружие перед русскими войсками и просил разрешения удержать Гёргея у себя в качестве «трофея».

Последнее извещение означало, что Паскевич кончил войну «славно» и тем самым вновь обретал милость у царя. Что же касается дальнейшей участи сдавшихся, то она зависела от того, как долго царское правительство будет демонстрировать свое желание противодействовать тем требованиям о выдаче, которые не замедлили последовать со стороны австрийского правительства. Ряд донесений и записок Паскевича не оставляет никаких сомнений в том, что, заключая эту конвенцию с Гёргеем, русское командование шло на прямой обман; они говорят о решении русских властей немедленно выдать всех сдавшихся австрийским войскам, как только значительная часть венгерских войск сдастся русским и как только русское правительство убедится, что дальнейшие выступления со стороны венгерцев совершенно немыслимы.

Вся ютязка в выдаче сдавшихся венгерцев была связана с желанием предварительно добиться капитуляции и остальных частей венгерской армии. Немедленная выдача тех, кто перешел с Гёргеем, вызвала бы усиление сопротивления венгерских войск, которые сохранили еще свою боеспособность и имели ряд важных крепостей.

В дальнейшем Паскевич ведет уже переговоры с Гайнау о конкретных деталях выдачи военнопленных и только выговаривает себе право оставить у себя Гёргея, официально мотивируя это тем, что последний не только положил оружие со всеми войсками, но содействовал сдаче крепости Арада и Коморна¹.

¹ Личный архив Паскевича, № 84. Донесение генерал-фельдмаршала государю императору о передаче военнопленных австрийским властям. Август 1849 г. Гроссвардейн, ЛОЦИА.

СДАЧА ПРИ ВИЛАГОШЕ.
(С литографии неизвестного автора. Из коллекции ИМЭЛ.)

В последующем донесении Паскевич открывает свои карты, подчеркивает, что «великодушие» русских имело в виду только благополучную сдачу венгерцев. Он отмечает исключительную ненависть венгерцев к австрийцам: «Вчера 8 эскадронов с 5 штандартами в один день сделали 72 версты боковыми дорогами, чтобы положить оружие в Гроссвардейне (т. е. перед русскими войсками). Ненависть к австрийцам велика; в этом виновны не русские, а собственное их поведение — или прежнее или теперешнее — и слова их главнокомандующего, который говорит, что всех расстреляет или перевешает. В этих словах венгерцы уверились, и это одна из причин, отчего они сдаются русским. Сегодня таким же образом, как сказано выше, один эскадрон с 4 орудиями явился также для сдачи в Гроссвардейн.

«Мера эта, коей я удержал несколько дней передачу пленных австрийцам, ныне делается уже ненужной, ибо дела приходят к концу, и последние секлерские войска сдаются или бегут, а корпус Вечая, в числе около 10 тыс., сдается также нашим войскам. Посему я делаю распоряжение о немедленной передаче пленных австрийцам...»¹.

Особую заботливость царское правительство проявило только по отношению к Гёргею. Это вытекало из самих условий сдачи Гёргея.

Русское правительство применило более удачный прием в тактическом смысле, чем австрийское: оно решило действовать «милостями» для того, чтобы побудить к сдаче. Обычно царь очень слушался Паскевича. Выше мы цитировали предложение Паскевича подкупить Гёргея. Предложение Паскевича царем было принято. Упоминаемая в документе награда была дарована позже перед отправкой Гёргея в Клягенфурт. Гёргей получил от Паскевича 1000² червонцев. Помимо этого Паскевич предполагал отметить Гёргея особой милостью, выдвинуть его от всех прочих, ходатайствовать о нем особо перед австрийским правительством. В одной из своих записок Паскевич излагает содержание переговоров, которые должны были вестись с Гёргеем. «Я ему буду говорить, — пишет Паскевич, — г. Гёргей, если бы вы сдались у Вайцена, или если бы вы начали направлять парламентариев у Вайцена, я бы вас послушал и мы организовали бы перемирие... Но сейчас, когда у вас нет патронов, пороха, когда вы

¹ ЛАИ, Август, 1849 г. Гроссвардейн. ЛОЦИА.

² Щербатов, цит. соч., стр. 187.

стеснены двумя армиями, каждая из которых более сильна, чем ваша, помимо корпуса Лидерса, который собрал 30 тыс. чел., вы хотите доказать, что вы сдаетесь добровольно, чрезвычайно проблематично, можете ли вы защищаться... Я сделаю для вас исключение. Я сделаю все возможное, чтобы ваша участь была лучшей, чем участь других»¹.

Немедленно после сдачи при Вилагоше венгерские отряды стали сдаваться один за другим. Изредка происходили еще небольшие стычки. При Лугоше выступил храбрый венгерский генерал Кмети с 3 тыс. чел. против 80 тыс. австрийцев. Войско его было разбито, а сам он спасся в Валахию.

После сдачи Гёргея произошел эпизод, в котором проявилось истинное лицо русского «милосердия».

Царский генерал Граббе варварским способом уничтожил г. Лосонч. 28 июля отряд русских, состоявший из 100 рядовых и 8 офицеров, приблизился к Лосончу. Некоторые патриотически настроенные граждане, которые хотели оказать отечеству услугу, известили об этом находившиеся поблизости венгерские отряды. Население Лосонча оказало сопротивление русским. Через несколько дней к городу подошел корпус генерала Граббе и подверг Лосонч полному уничтожению. Все дома были сожжены. Детей бросали в пламя. Женщин и девушек насиловали. Цветущий город с многочисленным населением был разрушен до основания.

Гёргей между тем писал, что он решил сдаться русским, и предлагал защитникам еще не сдавшихся крепостей (Арад, Петервардейн, Коморн) последовать его примеру.

Во главе крепости Арад стоял венгерский генерал Дамьянич. Когда австрийский генерал Шлик подошел к Араду и потребовал немедленной его сдачи, Дамьянич наотрез отказал. Однако то, чего не могли добиться австрийские генералы, удалось царскому генералу Бутурлину, который прибыл в предместье Арада и немедленно послал письма Гёргея и Ридигера коменданту крепости с требованием безусловной сдачи, угрожая, что в случае, если Дамьянич не согласится сдаться, австрийцы приступят к блокаде Арада.

Дамьяничу пришлось согласиться на сдачу на следующих условиях.

¹ Личный архив Паскевича, № 93. Собственноручная записка генерал-фельдмаршала о разговоре его с венгерским генералом Гёргеем (на французском языке). ЛОЦИА. См. приложение.

Крепость сдается русским войскам. Гарнизону дается 48 час. на подготовку к выступлению, так что 17 августа войска, сложив оружие, должны были направиться в местность Шаркад.

Немедленно после сдачи Бутурлин сообщил об этом австрийскому командованию. Это сообщение было встречено генералом Шликом одобрительно, тогда как Гайнау был возмущен капитуляцией сильной крепости перед ничтожным русским отрядом и немедленно приказал Шлику «не соглашаться с заключенной капитуляцией крепости русским, сопротивляясь в случае надобности оружием, тем более, что перевес сил на нашей стороне».

Передавая приказ Гайнау Бутурлину, Шлик заметил: «Сознайтесь, генерал, что я в течение нескольких часов держал в своих руках судьбу Европы»¹.

Шлик задержал исполнение приказа и через несколько часов получил вторую записку Гайнау, изменявшую первоначальный приказ в том смысле, что крепость остается в распоряжении русских, но что ни одна повозка с имуществом гарнизона не должна попасть в руки русского командования.

Все эти пререкания между австрийцами и русскими, вплоть до угрозы применить оружие, не изменили положения венгерцев: 17 августа крепость Арад пала.

Слухи о сдаче достигли Трансильвании и произвели деморализующее впечатление на войска, находившиеся там. Однако Бэм, как уже указывалось, оказал сильное сопротивление русским. Только после того, как стало очевидно, что Трансильванию отстоять невозможно, Бэм бежал в Турцию. После его бегства остатки венгерских войск стали сдаваться русским. Сильная трансильванская крепость Мункач сдалась 26 августа.

Эти сдачи происходили без всяких условий — даже не оговаривалась неприкосновенность больных и раненных.

Держались еще крепости Петервардейн и Коморн. Последняя по своему стратегическому положению была особенно важна. Война не могла считаться законченной, пока Коморн был в руках венгерцев.

Во главе войск Коморна стоял генерал Клапка; 3 августа, как мы уже указывали, он одержал блестящую победу над осаждавшим крепость австрийским корпусом,

¹ Ореус, цит. соч., стр. 110.

разгромив его и надолго сделав его небоеспособным. Вслед за тем он взял Рааб (Гьёр) и мог двинуться дальше на Вену, но в бездействии пробыл там 8 дней и вернулся в Коморн, где его ожидало письмо Гьерея, извещавшее о сдаче при Вилагоше. Это известие так поразило Клапку, что, вместо того чтобы усилить защиту крепости, он бесполезно терял день за днем.

Между тем австрийское командование пыталось сконцентрировать у Коморна свой разгромленный отряд, а также русские части и окружить крепость.

В начале августа еще возможно было выступление Клапки против начавших окружать крепость вражеских сил, но Клапка ни на что не решался, отказывая вместе с тем и парламентам, которые то и дело направлялись то со стороны австрийцев, то со стороны русских войск.

Наконец 22 августа адъютант Николая прибыл в Коморн с требованием сдачи. После отказа со стороны Клапки он предложил перемирие. «Вы ведь не откажете нам, генерал, в двухнедельном перемирии, — сказал он, — мой всемилостивейший повелитель, его величество, просит вас об этом»¹. Клапка заключил перемирие на 14 дней. Это предопределило падение Коморна.

«Вилагошская измена, — пишет Лапинский, — вызвала сильный испуг среди находившихся в Коморне и ничего не делавших многочисленных штабных офицеров. Эти надутые господа с вышитыми золотом воротниками, из которых многие не умели держать ружье в руках и не способны были командовать и тремя солдатами, бегали в панике друг к другу, придумывая способы любой ценой спасти свою шкуру. Отделавшись под всевозможными предлогами от службы в главной армии, чтобы в уютной безопасности неприступной крепости сидеть без всякого дела и только ежемесячно расписываться в аккуратном получении жалованья, они пришли в ужас, что теперь им придется защищаться не на жизнь, а на смерть»².

Офицеры штаба употребляли все усилия, чтобы склонить Клапку к сдаче крепости при условии сохранения их жизни и собственности. О собственности они особенно пеклись, потому что очень многим из них удалось за время пребывания

¹ *Lapinski*, op. cit., S. 201. Этот эпизод со сдачей Коморна так, как он обрисован у Лапинского, использовал Маркс в своей работе «Господин Фогт». *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XII.

² *Ibid.*, S. 203.

в крепости нажить большие богатства путем различных комбинаций вплоть до прямого казнокрадства.

Вместо того чтобы использовать заключение перемирия для подготовки к наступлению, велась подготовка к сдаче. Клапка, находившийся в окружении полковника Ассермана и подобных ему субъектов, не противился этому.

«Большое количество находившихся в крепости припасов, которых было достаточно на целый год, без всякой необходимости было вывезено в окружающие деревни, откуда ничего взамен не было дано. Были даже оставлены в ближайших деревнях сено и овес у крестьян, которые умоляли купить у них эти корма. Несколько недель спустя казацкие лошади поедали крестьянское достояние, в то время как мы в крепости жаловались на недостаток фуража. Значительная часть находившегося в крепости убойного скота была продана за город под тем предлогом, что для него нет достаточно корма. Полковник Ассерман вероятно не знал, что из мяса можно сделать солонину»¹.

Со дня подписания перемирия Клапка фактически подготавливал все для сдачи, а не для обороны.

Он не предпринял ни одной вылазки против русского корпуса, еще не участвовавшего ни в одном сражении и насчитывавшего только 19 тыс. чел., и не помешал подготовительным работам неприятеля к осаде города. Вместо того чтобы направить все усилия к обороне крепости, Клапка развил довольно энергичную деятельность полицейского характера, которая была направлена против тех офицеров, которые противились капитуляции. Так, 29 августа утром довольно большое количество офицеров было арестовано с преданием военному суду. Боявшийся все время восстания Клапка начал производить аресты по одному только указанию шпионов. Между штабными офицерами шпионство настолько развилось, что в конце концов сделалось опасным говорить что-либо против австрийцев².

27 августа последовала капитуляция.

«Если принять во внимание наличные силы, отчаянное положение страны, возлагавшей последние надежды на Коморн, общее положение в Европе и наконец бессилие Австрии, которая понесла бы величайшие жертвы ради взятия.

¹ *Lapinski*, op. cit., S. 205—306.

² *Ibid.*, S. 236—237.

Коморна, то условия капитуляции были исключительно жалкие»¹.

Эти условия сводились к следующему.

Свободный выход безоруженного гарнизона. У офицеров остаются только их сабли. Офицеры, служившие раньше в австрийской армии, могут получить паспорта для выезда за границу. Другие могут свободно возвратиться на родину, за исключением тех, кто добровольно пожелает остаться у русских. Уплата жалованья всем офицерам за месяц, а людям гарнизона — за 10 дней, причем эта оплата должна была производиться австрийскими банкнотами. Безопасность находившихся в крепости больных и раненых.

Эти условия совершенно не оговаривали никаких дальнейших гарантий для Венгрии, не оговаривали даже безопасности венгерским генералам, т. е. тем, которые сдались русским. Кроме того эти условия были составлены настолько неясно и двусмысленно, что давали возможность Гайнау неоднократно их в дальнейшем нарушать.

По первому пункту, нарушения происходили в том направлении, что возвращавшиеся гарнизоны немедленно вновь мобилизовывались.

Что касается свободного возвращения на родину офицеров гонимых гарнизонов, то Гайнау применил следующий обход этого пункта: некоторые офицеры были задержаны на том основании, что они фактически не принадлежали к гарнизону крепости. Часть из них была мобилизована.

Заграничные паспорта выдавались в Англию или Америку под условием запрета возвращения на родину.

Даже пункт обеспечения безопасности и снабжения больных и раненых настолько не выполнялся, что последние могли умереть с голоду.

Во время сдачи Коморна было получено известие о падении другой крепости — Петервардейна, которая благодаря низкому предательству была позорно отдана врагу. Часть офицеров открыла ворота, арестовала коменданта крепости генерала Киша и выдала его австрийцам. Гарнизон разделился на две партии, которые начали между собой борьбу. В этот момент австрийцы ворвались в крепость².

Так закончился последний акт венгерской борьбы. Венгерская революция была подавлена.

¹ *Lapinski*, op. cit., S. 230.

² *Ibid.*, S. 252.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РАСПРАВА

I

Как только русское правительство убедилось, что основная масса венгерских войск уже сдала свое оружие и опасность нового выступления миновала, немедленно пленные венгерцы были выданы австрийскому генералу Гайнау.

Последний считал, что венгерцы могут быть усмирены только путем самого беспощадного террора и наказания всех участников восстания.

24 августа Гайнау в одном из своих писем выдвинул те принципы, которым он будет следовать при расправе с венгерской революцией. «В отношении командного состава, всех депутатов Национального собрания, а также офицерства необходимо принять следующее решение: командный состав весь будет повешен, австрийские офицеры, которые перешли на службу к врагу, будут расстреляны, а те венгерские офицеры, которые прежде служили в качестве фельдфебелей в нашей армии, будут разжалованы в рядовые. Это будет страшным примером, который послужит уроком для армии и для всего мира»¹.

Этому принципу Гайнау следовал в дальнейших своих действиях в отношении Венгрии.

22 августа был издан указ относительно участия командного состава и офицерства венгерской армии. Все гонимые были мобилизованы; 40 тыс. офицеров и рядовых размещены по полкам. Около 490 венгерских офицеров предстало перед военным судом в Араде. Как нам уже известно, помилованным оказался один только Гёргей, который был направлен в Клагенфурт без права выезда оттуда. Русский

¹ *Friedjung, Oesterreich von 1848 bis 1860. Bd. I, S. 219.*

наследник и Паскевич пытались было вступить за остальных, даже министр Виссенберг писал по этому поводу: «От русских зависит судьба венгерцев, мое австрийское сердце не может этого стерпеть».

Однако Франц-Иосиф был непреклонен и ответил на это, что если бы он следовал велению чувств, то он должен был бы идти на помилование, но благополучие государства заставляет его применить строгие меры.

Военный суд в Араде приговорил к смертной казни 13 венгерских генералов. До той поры, пока на стенах Коморна развевалось еще венгерское знамя, Гайнау не мог приступить к исполнению этого приговора. Но на следующий же день после падения Коморна, 6 октября, была назначена казнь.

Из 13 венгерских генералов 9 — Аулих, Вэчей, Терек, Лапер, Пельт фон Пельтценберг, Надь Шандор, Квезич, Ленинген и Дамьянич — были повешены на 9 виселицах один подле другого. Остальные 4 — Киш, Лазар, Дежефи и Шейдель — были расстреляны. Это были все жертвы, сдавшиеся русским вместе с Гёргеем.

10 октября в Пеште был повешен министр Чани. Позже там же повесили президента венгерской верхней палаты Зигмунда Перени, депутата Сачвайя, чиновника министерства финансов князя Ворониецкого.

По всей Венгрии суды присуждали к смерти, к тюремному заключению, к позорным наказаниям, даже к публичному сечению мужчин и женщин¹.

Особенно неистовствовал арадский суд. Из 475 чел. 231 был приговорен к смертной казни. В дальнейшем казнь была заменена долгосрочным тюремным заключением: 386 чел. было заключено в тюрьму на различные сроки, от года до 20 лет. Только 42 чел. были отпущены на свободу. Лишь в июне 1850 г. была издана амнистия, в которой сокращались эти сроки.

Всего по всей Венгрии подверглось казни несколько сот человек и более десяти тысяч человек были посажены в тюрьму. Обещание казнить всех должностных лиц и

¹ На заседании английского парламента 7 февраля 1850 г. сообщалось как факт следующее: две венгерские дамы — дочь раабского епископа Гаубнера и госпожа Мейлерснах из Рузберга — были публично высечены. Последняя писала: «Я еще была в состоянии написать эти строки, не сгорев со стыда, но муж мой не мог вынести такого позора. Он покончил с собой выстрелом из револьвера».

Ю. Я. ГАЙНАУ
(1786—1853)

Австрийский фельдмаршал. В 1848 г. расправлялся с итальянским революционным движением под командой Радецкого. В 1849 г. возглавлял австрийскую армию в Венгрии, отличался особенной жестокостью в расправе с пленными венгерцами (гравюра 40-х годов, из коллекции ИМЭЛ).

чиновников было выполнено. Так например епископ Гроссвардейна и Чанада был приговорен к двадцатилетней каторге. Архиепископ Лонович был заточен в монастырь. Стоявший во главе министерства религии и культа Хорват избегал смертной казни только благодаря бегству. Нечего говорить, что весь командный состав венгерской армии, бежавший в Турцию, был заочно приговорен к повешению. Имущество приговоренных конфисковывалось, что, принимая во внимание огромное состояние некоторых из них, составило для австрийского правительства определенный доход.

В Пеште был казнен Батиани, первый премьер-министр Венгрии. Чтобы избавить его от виселицы, друзья передали ему нож, которым он в ночь перед казнью поранил себе шею. Утром он был найден окровавленным, и казнь через повешение пришлось заменить расстрелом.

Неистовства белого террора вызвали всеобщее возмущение. Гайнау подвергся впоследствии в Лондоне и Брюсселе народной мести: он был избит толпой, состоявшей главным образом из английских матросов и доковых рабочих.

26 октября 1849 г. на заседании министерств разрешался вопрос о дальнейшей политике по отношению к восставшим венгерцам. Было вынесено принципиальное решение об отмене смертных приговоров за политические преступления. Однако это решение не повлекло за собой официального распоряжения. Австрийское правительство оставалось в убеждении, что венгерский народ может быть усмирен только при помощи террора.

II

Венгерские магнаты и контрреволюционная буржуазия принимали активное участие в репрессивной деятельности австрийского правительства и в выработке мероприятий, необходимых для усмирения Венгрии.

Те, которые в дальнейшем так много говорили о своей преданности венгерской нации и которые основу своих политических воззрений видели в создании национального управления, в эпоху самой интервенции были не с теми, кто отстаивал подлинную национальную независимость Венгрии, а с угнетателями Венгрии — с австрийцами и русскими.

Довольно известным фактом является, что Виндишгрец, войдя в Пешт в 1849 г., окружил себя венгерскими магна-

тами, среди которых были: Майлат, Стефан Серенчи, Мориц Альмаши, Людвиг Карольи и др.

Когда революция в Венгрии была подавлена и неистовствовали военные суды, те же самые магнаты указывали правительству, кого казнить и кого миловать, пересылали австрийскому правительству списки участников революции.

Так например 20 августа граф Ференц Зичи писал Шварценбергу относительно Владислава Чани и Зигмунда Перени, что они недостойны помилования¹.

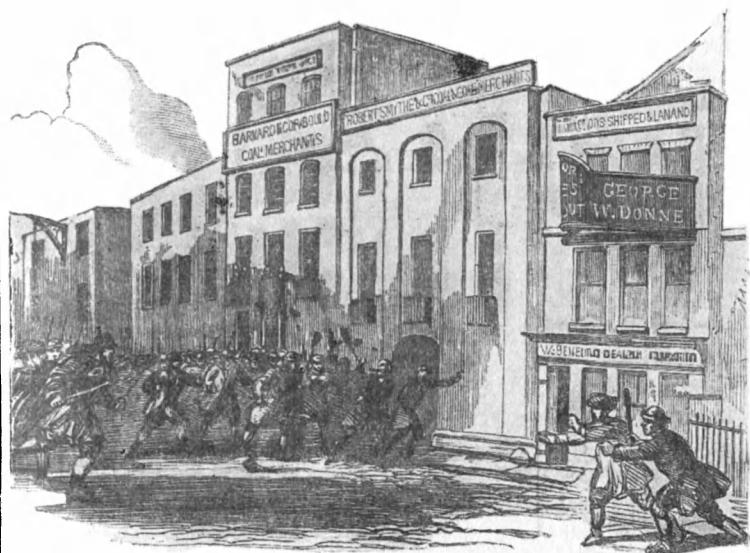
Штейер, который приводит этот факт, подчеркивает, что Ференц Зичи предавал вышеупомянутых лиц только потому, что они не принадлежали к консервативной партии.

Больше того; граф Дежёфи, Майлат представили даже меморандум, как избавиться от революции в Венгрии. Особенно жестоким оказался Майлат. Он писал, что нечего даже и говорить об амнистии. Применение последней приведет к тому, что революция снова поднимет голову. Если заключенных в тюрьмы амнистируют, то, как только они выйдут на свободу, они примутся снова за старое. Поэтому лучшим методом являются репрессии. Этот меморандум содержал имена 50 активных деятелей венгерской революции.

Не менее тесная связь была у венгерских магнатов с русским командованием. Они выполняли роль политических руководителей при русских отрядах, при переходах русских следовали вместе с главным штабом и получили в дальнейшем печальную славу национальных изменников и «русских пособников». Среди них особенно выделялся Адольф Доброцанский — венгерский русин.

Помимо этого очень многие венгерские магнаты занимали различные должности при русском командовании. Так, Ференц Зичи выполнял роль провиантмейстера, и его верная служба русскому правительству получила признание из уст самого Паскевича. Граф Зичи играл значительную роль при расчетах по ликвидации кампании. Он играл роль не только должностного лица, но и политического сыщика, который доносил как австрийцам, так и русским не только о венгерских революционерах, но даже о действиях русских офицеров, которые ему казались крамольными. Последняя его деятельность документально доказана. У нас имеется копия его письма Паскевичу о русских офицерах, которые остались в Венгрии и ведут политическую работу.

¹ Steier, Haynau és Paskewits, Bd. II, S. 233.

НАПАДЕНИЕ ЛОНДОНСКИХ РАБОЧИХ НА ГЕНЕРАЛА ГАЙНАУ

Толпа лондонских рабочих осаждает дом, где под охраной полисменов скрывался ген. Гайнау. Рисунок был помещен в журнале «The Illustrated London News» (1850 г., № 445, 7/IX, стр. 199) с подписью «Взрыв народного возмущения против австрийского маршала Гайнау в Лондоне на Bankside».

В этом письме Зичи обращал внимание русского правительства на поведение русских офицеров, задержавшихся в Венгрии по болезни или за отсутствием средств для отъезда; он писал, что они оказывают политически вредное влияние на население Венгрии. Результат этого доноса оказался совершенно неожиданным для Зичи. Русское правительство сочло себя обиженным, считая, что письмом Зичи была затронута честь русского офицера, и затребовало у него объяснений. Венгерскому магнату, пришлось извиняться за донос и доказывать, что своим письмом он хотел указать только на тяжелое материальное положение русских офицеров в Венгрии, а отнюдь не на дурные их действия и т. д.¹

Что касается отношения русского правительства к австрийским репрессиям, то его показная политика умеренности была тактическим маневром в отношении Австрии, так как оно находилось в непрерывной ссоре с австрийским командованием.

Паскевич указывает на то, что, для того чтобы успокоились венгры, надо держать там в течение нескольких лет от 150 до 200 тыс. войск².

«Теперь они так дурны, — продолжает Паскевич, — что вообще говорят: русские нас подавят на время, силы их велики, — но когда они выйдут, то мы опять начнем войну, ибо мы ни в коем случае не хотим быть под управлением австрийцев».

В одной из записок Паскевича мы находим чрезвычайно лаконическую, но решительную заметку: «Гайнау — сумасшедший человек. Он венгров не успокоит...»

Расхождение между Паскевичем и Гайнау в данном случае есть выражение старой ссоры между русским и австрийским командованием и связано оно со всей предшествующей политикой царизма, с его стремлением к территориальным захватам за счет австрийской монархии.

Тактика русских генералов объяснялась в значительной мере тем, что по существу еще не был решен вопрос, пожелает ли русское правительство присоединить Венгрию к своим владениям или нет. Поэтому русские до поры до времени не хотели излишними репрессиями обострять своих отношений с венгерцами.

¹ Личный архив Паскевича. Папка XV, № 147В.

² Письмо Паскевича от 12 (24) июля.

Не надо забывать, что «милосердие» русских сильно преувеличивалось венгерцами, которые настолько ненавидели австрийцев, что даже показное милосердие русских принимали за чистую монету.

Подлинное лицо царского правительства показали истовства генерала Граббе в Лосонче¹ и зверства русских в Дебрецене. Один из венгерских генералов так изображает вступление русских войск в Дебрецен. «Ночью, как только был захвачен Дебрецен, немедленно начались грабежи запасов и злодейства, убийства, насилия над женщинами, происходящие с такой чудовищной жестокостью, что в ближайшие дни после взятия командование, испугавшись размеров злодейств, должно было издать указ о прекращении их. Русское командование никогда не боролось против террора, проводимого австрийцами. Немедленно после сдачи Гёргея по требованию Гайнау были выданы все пленные венгерцы, а Николай в одном из своих любопытных писем называет инсургентов «сволочью» и просит настоятельно, чтобы с ними у русских не было никакого сближения. «Но прошу настоятельно, чтобы не было со всей этой сволочью никаких у нас близких сношений, ибо легко от этого сближения и наша молодежь заразиться может. Они бунтовщики и нам подлю и низко с ними сближаться»².

Дальше он говорит, что «удовлетворить прихоти венгров и разрешить сдавать крепости только русским» он тоже не желает. «Они должны сдаться своему законному государю».

Необходимо принять во внимание и то обстоятельство, что русское правительство не замедлило наградить Гайнау за усмирении Венгрии и «за водворение тишины и порядка» орденом Андрея Первозванного³. Это было уже явное соучастие России в кровавом подавлении и в многочисленных резнях, совершенных Гайнау.

III

Деятельность венгерских консерваторов не ограничивалась участием в репрессиях. Из их среды вышел ряд своеобразных проектов будущей организации Венгрии. Об одном из них, принадлежащем графу Эмилю Дежёфи, упоминает

¹ Lapinski op. cit., S. 197.

² Щербатов, цит. соч., т. VI, стр. 331, письмо от 7 (19) августа.

³ Barst, Les origines de la guerre de Crimée, p. 108.

Фридльонг. Автор проекта стоит на точке зрения австрийских абсолютистов, считая, что «сила оружия и союз с Россией есть единственное средство для подавления революции». Австрия в союзе с Россией должна победить венгерскую волну общеевропейского революционного движения.

«Необходимо после победы над Венгрией и Трансильванией, — пишет Дежёфи, — умиротворить их созданием сильной власти и военного режима и довести революцию до полного бессилия». Все это возможно, по мнению Дежёфи, только при помощи монархического устройства¹.

Фридльонг по поводу плана Дежёфи совершенно справедливо замечает, что венгерские консерваторы гораздо более непримиримы, чем австрийское министерство, потому что и Стадия и Вессенберг гораздо более недоброжелательно относились и к русской помощи и к военному режиму.

Царский архив вскрыл еще один план, вышедший из среды венгерских магнатов и принадлежавший, как указывает источник, Григору Зичи. Эта записка начинается с того, что автор высказывает надежду, что победа царской России упрочит счастливую будущность Венгрии.

«Междоусобная война окончена, — пишет Зичи, — неприятель побежден. Вооруженные силы его уничтожены. Ныне задача состоит в том, чтобы извлечь всю пользу из победы, упрочить счастливую будущность Венгрии и соединить ее более крепким союзом с австрийской монархией. Для умиротворения Венгрии необходимы следующие меры: создание нового политического устройства, разрешение вопроса о национальности и наказание лиц, участвовавших в революции».

Григор Зичи стоит на более умеренной позиции, чем Дежёфи, являясь сторонником амнистии, ибо главными виновниками революции, по его мнению, являются правительство и члены династии: «В злосчастные дни марта прошлого 1848 г. были совершенно законным образом установлены законы, которые сами носили в себе первый зародыш революции и отделения Венгрии от австрийской империи. Эти законы были утверждены коронованным королем и во всех своих подробностях получили силу действия».

Это было начало революции, в итоге которой в Венгрии было совершенно уничтожено понятие об авторитете верховной власти.

¹ *Friedjung*, op. cit., S. 373—374.

«Венгрия желает быть управляемой и именно управляемой сообразно с ее свойственными законоположениями на основании древних ее установлений. За сим правительство должно стараться употребить все возможное благоразумие, чтобы упрочить союз, связывающий Венгрию с австрийской монархией, и не только на будущее время предупредить кризис, подобный настоящему, но совершенно сделать таковой невозможным... чтобы не только возвратить силу венгерскому королю, но вместе с тем содействовать самым решительным образом укреплению власти императора. Для этого прежде всего необходимо восстановить власть короля венгерского. Пусть снимут ту злосчастную таможенную линию, которая с давних уже времен ставит Венгрию относительно наследственных земель австрийской монархии как бы чужою страню и вместе с тем питает мысль об отделении, которая при существовании одних и тех же для обеих стран интересов возникнуть не может».

Спокойствие страны может упрочить «удержание старых учреждений и приведение их в то состояние, в котором они существовали в Венгрии до всеобщего потрясения королевства».

«Все утомлены конституционной жизнью, — пишет Зичи, — все желают только мира, спокойствия и порядка. Если воспользуются надлежащим образом этим всеобщим расположением умов... то Венгрия может сделаться той частью австрийской монархии, которая не только доставит ей главную силу, но одна будет в состоянии помочь возвратить императору утраченные им в прошлом права»¹.

Таково содержание этой записки.

Идеи, высказанные в этой записке, весьма сходны с тенденциями, выраженными в записке Дежёфи: та же солидарность с австрийскими абсолютистами, та же стремление опереться на Россию, та же ненависть к конституционному режиму и стремление к установлению монархического строя.

Венгерские консерваторы отрицательно относились даже к установлениям 4 марта 1849 г.

«В части руководящих идей, — писал один из них, — управление, установленное 4 марта, стоит в полном согласии с воззрениями консерваторов. Но я сомневаюсь, дает ли это управление достаточно гарантий и является ли оно наиболее

¹ Личный архив Паскевича, № 89. «Перевод с записки, поданной мне главным австрийским комиссаром в Венгрии Григором Зичи».

правильным путем для разрешения проблемы? Это покажет только будущее»¹.

В дальнейшем произошел очень серьезный конфликт между венгерскими консерваторами и австрийским министерством. Уже в вышеприведенных записках ясно проявилась тенденция к сохранению старых исконных учреждений и должностей, стремление со стороны магнатов вновь встать у руля правления и полностью осуществить феодальную реакцию.

Австрийское министерство не пожелало пойти по этому пути, оно решило насадить в Венгрии своих чиновников, создать сложную бюрократическую организацию и перестроить по-своему всю систему управления Венгрии.

17 октября 1849 г. было издано Положение о новом государственном устройстве, явившееся началом той бюрократической централизации, которая в 50-х годах сделалась господствующей. Организатором этого реакционного бюрократического аппарата после революционного периода явился не кто иной, как представитель предмартовского либерализма — министр внутренних дел Бах. Вся страна была разделена на отдельные округа, во главе которых были поставлены назначенные из Вены австрийские и немецкие чиновники. Система судов была улучшена по сравнению с судами домартовского периода. В судебное устройство была введена коллегияльность. Наряду с обыкновенными судами была создана сеть апелляционных судов.

Австрийское министерство осуществило ряд требований предмартовского либерализма: было дано гражданское равноправие, отменены таможенные границы внутри империи, началось строительство железных дорог.

Но наряду с этим продолжалось неистовство белого террора и репрессий в отношении всех тех, кто принимал какое-либо участие в революции. Система Баха ставила своей целью: искоренить всякое стремление к независимости, создать единую бюрократическую систему, которая спаяла бы отдельные части Венгрии, и укрепить монархию, необходимую для австрийской буржуазии.

Вся эта система нового управления совершенно не удовлетворяла венгерских консерваторов. Новая и чужая администрация подрывала основы их политического влияния и экономического благосостояния. Требованием консерваторов

¹ *Friedjung*, op. cit., Bd. I, S. 374.

было такое государственное устройство, которое полностью восстановило бы предмартовские отношения. Венгерская аристократия организует партию, которую австрийское правительство называет партией старых консерваторов. Разрыв между венгерскими магнатами и министерством сделался неизбежным, тем более что эта взаимная рознь поддерживалась еще и Шварценбергом, который смотрел на старых венгерских магнатов как на бунтовщиков, потворствующих революции. Этот разрыв выразился в адресе венгерских магнатов правительству (7 апреля 1850 г.), в котором высказывалось требование установления венгерской администрации. Это политическое по существу требование имело только тот характер, что венгерские магнаты считали необходимым восстановление старой администрации, в которой они играли главенствующую роль. Адрес протестует против насаждения австрийской бюрократии, против ликвидации муниципальных учреждений, что совершенно уничтожало венгерскую автономию. Этот адрес был подписан многочисленными венгерскими магнатами во главе с графом Йошика, графом Аппоньи и другими.

Царское правительство сказало свое слово в этой борьбе между венгерскими магнатами и австрийским министерством. В своих письмах Паскевич передает свои разговоры с графом Зичи, принадлежавшим к старой консервативной партии и давшим свою подпись под адресом. Эти любопытные переговоры рисуют не только настроения венгерских магнатов, но и недовольство Николая теми порядками, которые насаждались в Венгрии австрийским министерством. Николай был недоволен мероприятиями австрийцев. Через Зичи он передавал Францу-Иосифу об этом, на что получил следующий ответ от австрийского императора:

«Весьма естественно, что российский государь не может одобрять принятую нами систему правления, но мы вынуждены следовать оной принятыми однажды нами мероприятиями»¹.

Зичи передал Паскевичу содержание своей аудиенции у австрийского императора. Франц-Иосиф упрекнул его за то, что он дал свою подпись под адресом венгерских магнатов, на что Зичи ответил, что считает своим долгом верно служить престолу словом и делом и что этот адрес должен был быть

¹ Личный архив Паскевича. Палка XV, № 147В. Доклад государю 10 мая 1850 г., л. 39—44 (копия).

верноподданническим обращением, которое дало бы их просьбе законный путь, но что само министерство, которое опубликовало этот адрес, придало ему характер наглого требования. Зичи жалуется Паскевичу, что среди русских дипломатов есть большое количество сторонников баховской системы, в частности таковым оказался Медем — русский посол в Вене, который указал Зичи, что он напрасно подписал адрес, ибо в «конституционном правлении лица, употребленные правительством, должны согласовать политические мнения и действия свои с видами министерства». На это Зичи ответил, что он считает себя гораздо более склонным к системе самодержавия, чем к «фантазмагориям представительного правления», и что его менее удивило бы, если бы подобные суждения он слышал из уст Баха, нежели из уст русского.

Венгерские магнаты рассчитывали главным образом на помощь и поддержку Николая I.

На почве отношений к русским между Ференцем Зичи и австрийским министерством происходили постоянные размолвки, о которых мы узнаем в передаче Паскевича.

В разговоре с Зичи министр финансов Краус, который встретил возражения со стороны Зичи на свои попытки уменьшить цифру требуемых Россией сумм, сказал: «Мне кажется, граф, что вы сделались совершенно русским, судя по той горячности, с которой вы защищаете права русских. Знаете ли, что я со своей стороны весьма сожалею, что Австрия прибегла к помощи русских, и, по моему убеждению, я бы даже предпочел ее помощи видеть Венгрию независимой».

Граф Зичи возразил, что он не русский, но верноподданный австрийской монархии, дорожащий честью своего государя, и что в тесном союзе с Россией он видит залог не только благоденствия, но и существования Австрии.

Смысл этого разговора не требует комментариев. Венгерские магнаты ориентируются на Россию, от нее они ждут поддержки в своем стремлении восстановить феодальные отношения в Венгрии. И Паскевич правильно понял настроения венгерских аристократов, когда писал: «Поборники монархической власти, следовательно общественного порядка в Европе, обращают надежды и взоры свои единственно на ваше императорское величество, и только русский царь может уничтожить влияние «радикальной» партии, заседающей в министерстве, на молодого императора»¹.

¹ Личный архив Паскевича. Папка XV, № 147В, стр. 99—101.

По конвенции, заключенной в 1849 г., Австрия должна была взять на себя все расходы по продовольствию армии, доставке на фронт снарядов, фуража и т. д.

Как известно, все эти обязательства австрийцы выполняли чрезвычайно слабо, и царское правительство немедленно после ликвидации кампании поставило вопрос об уплате всех военных издержек.

В качестве доверенного лица, которое было уполномочено обеими сторонами вести переговоры между Австрией и Россией, был один из магнатов Зичи — граф Ференц Зичи.

Счет, предъявленный Россией Австрии, включая сюда и издержки на корпус Лидерса, равнялся круглой цифре в 4 500 тыс. руб. серебром¹.

Николай считал, что этот счет еще чрезвычайно мал. В одном из своих писем он замечает: «Разрешил приступить к ликвидации с Австрией. Жаль, что не больно нам придется, ибо мы, надеясь на это, приняли в соображение при заключении сметы».

Правительство Николая боялось, что австрийцы все же не так легко согласятся уплатить по предъявленному им счету. И действительно, из обширных докладных записок Паскевича мы видим, что австрийцы не очень охотно шли на уплату предъявленных им счетов, что с их стороны имелась тенденция отдалить на неопределенное время уплату, а кроме того платить не наличными деньгами, а векселями.

Царское правительство для предупреждения всякого «покушения» со стороны австрийцев и всякого затягивания в денежных вопросах идет на следующую уловку мелкого шулера, о которой сообщает сам Паскевич: «Был приказ составить секретно краткий счет по военным издержкам в двух видах: один, заключающий виды издержек, действительно подлежащих возврату от австрийского правительства

¹ Любопытно, что в начальной стадии австрийское правительство, желая очевидно покончить все счета с Россией, само предложило ликвидировать издержки, но в дальнейшем начались проволочки, торг. 5(17) ноября 1849 г. Николай писал: «Каким бы ни были тайные причины, побудившие австрийцев сделать нам предложение ликвидации, предложение это столь выгодно, что я конечно на него согласен. Желаю однако избежать всяких расчетов или доплат, или отдачи после уплаты, и потому хотелось бы мне определить круглую достаточную сумму, например включая и Лидерса корпус, 4 500 тыс. серебром. Лишнего не будет, но и не придется нам требовать доплаты, что было бы неудобно» (*Щербатов*, цит. соч. т. VI, стр. 345).

с показанием истинных цен, другой — преувеличенный» (разрядка источника).

В последнем были помещены такие пункты, которые не оговаривались конвенцией: «Вознаграждение за лошадей, павших или пришедших в негодность от бескормицы; формирование подвижных магазинов и пр.», что составляло 30% надбавки к действительному счету. При этом при предъявлении счета, соответствующего истинным издержкам, указывалось, что фактически расход во время кампании оказался гораздо более значительным, чем предполагалось, что русское правительство умерило до крайней возможности свои требования и что «снисхождение» будет сделано только в случае немедленной уплаты. В противном случае русское правительство прервет переговоры и прибегнет к тому способу уплаты, который был установлен конвенцией, — будет считать ненужным всякое снижение и предъявит другой счет.

Паскевич определил и форму уплаты. Если австрийское правительство не пожелает уплатить всей суммы звонкой монетой, а предложит оплатить часть солью, а часть кредитными бумагами, то на последнее русское правительство может согласиться только в том случае, если эти кредитные бумаги будут в достаточной степени обеспечены¹.

Однако австрийское министерство финансов все же попыталось отдалить на неопределенное время уплату и точнее высчитать те суммы, которых требовала Россия, что вызвало негодование царя. Николай называет эти предложения «глупыми» и считает очень важным получить от австрийцев наличными деньгами. Если же они полностью не могут этого выполнить, они должны подчиниться всем условиям русских. «Пора это дело кончить, чтобы совершенно с ними развязаться», — пишет он².

В связи с этим Зичи ездил из Вены в Варшаву и, как утверждает Паскевич, энергично отстаивал интересы России.

Торг происходил в течение почти всего 1850 г., и в конце концов расчет был произведен следующим порядком: 2 апреля 1850 г. было заключено соглашение, по которому возврату подлежали следующие суммы: за продовольствие войск действующей армии 3 483 236 р. 96½ к. и стоимость

¹ Личный архив Паскевича. Папка XV, № 147. Бумаги, относящиеся до венгерской войны 1849 г. Ликвидация с Австрией. Всеподданнейшие доклады и переписка с гр. Зичи, л. 18—19, 7 января 1850 г. Варшава.

² Личный архив Паскевича. Письма Николая, март 1851 г.

5-го пехотного корпуса (Лидерса) 200 тыс. руб. Итого — 3 683 236 р. 96 $\frac{1}{2}$ к.

По соглашению с министерством финансов из этой суммы 3 млн. руб. с процентами должны были быть уплачены в течение трех лет — к 31 июля 1853 г. Остальные же 683 236 р. 96 $\frac{1}{2}$ к. австрийское правительство обязывалось уплатить солью из копей Велички и Боснии.

IV

Подавление венгерской революции и победа России имели важные последствия для судеб Европы, в частности для Пруссии¹.

Выше уже отмечалось, что вмешательство России и усиление позиций Австрии делали неосуществимым объединение Германии.

Присоединение Венгрии к Австрии и усиление последней оказало свое влияние на международное положение Пруссии. Непосредственно после венгерского похода с Пруссией заговорили как со страной, потерпевшей поражение. «Пруссия, — говорил Мейендорф прусскому премьеру Бранденбургу, — не имеет права стать во главе Германии. Она может только оказывать свое влияние на северную часть Германии и воздействовать на нее для предотвращения рево-

¹ После подавления Венгрии престиж России возрос настолько, что она явилась третейским судьей в борьбе между Австрией и Пруссией за гегемонию в Германии.

В личном архиве Паскевича имеются еще не опубликованные письма за 1850 г., в которых он высказывает свое отношение к австро-прусской борьбе.

Дело в том, что немедленно после ликвидации венгерской войны Россия была накануне новой войны вследствие обострения датско-прусского спора: «В политике нового ничего не знают, — писал Николай в начале 1850 г. — Сомневаюсь, чтобы вышел какой-нибудь толк из происходящего, ибо везде та же бессмыслица, зависть и взаимная недоверчивость. Где же тут первое условие к порядку и единству? Взор и чепуха».

В следующем письме Николай излагает план новой войны. Он говорит о возможности нового похода, который явится результатом «пагубного хода дел в Германии, глупой наглой политики Пруссии и обострения датского дела».

Еще в одном письме Николай сообщает, что «в политике нового ничего нет, а прежняя глупость в Берлине и ссоры с Австрией, кажется, не перестают. Полагать надо, что у датчан скоро будет драка с голштинцами и тут объясняется вся фальшивая роль Пруссии. Этому развязка близка. Эскадры мои пошли. Будут по ней стрелять, вот и война и, быть может, и со всеми последствиями и на сухом пути. Разве Пруссия образумится. Но я на все готов». Николай намерен вести только морскую войну. В Германии же он надеется занять Восточную Пруссию без единого выстрела.

люции». Таким образом та Пруссия, которая претендовала на гегемонию во всей Германии, должна была теперь играть скромную роль, роль сторожа на севере Германии¹.

Австрия после подавления Венгрии почувствовала себя настолько усилившейся, что восстановила Германский союз и сейм. Пруссия отнеслась к этому недоброжелательно, но сделать ничего не могла, ибо положение ее сильно пошатнулось, союзники бросили ее. Саксония и Ганновер вышли из состава унии и соединились с государствами, находившимися под австрийским влиянием, — Баварией и Вюртембергом. Пруссия должна была ограничиться бессильным протестом, а в дальнейшем при содействии России потерпеть бескровное поражение, которое носит название «Ольмюцких пунктов». Последнее произошло в итоге нового конфликта между Австрией и Пруссией из-за Гессена.

Обращение курфюрста гессенского к Союзному совету за помощью против якобы восставших подданных было поводом для прусского правительства направить в Гессен свои войска.

Австрия весьма энергично потребовала удаления прусских войск и направила туда свои и баварские войска.

Позиция России видна из писем Николая и из донесений Мейендорфа. Последний заявлял прусскому премьеру Мантейфелю, что Россия должна стать на сторону Австрии, которая стоит на почве трактатов, тогда как Пруссия стала «на путь революции».

Николай в своем письме Паскевичу называет прусские действия «вероломством» и заявляет, что он готов к новой войне.

Однако войны между Австрией и Пруссией в 1850 г. не произошло. Вместо этого при вмешательстве царского правительства свершилась позорная капитуляция Пруссии в Ольмюце. При содействии русского посла Мейендорфа Шварценберг предложил прусскому министру Мантейфелю условия соглашения, по которым Пруссия признавала право Австрии ввести свои войска в Гессен и Голштинию. Пруссия должна была объявить, что, посылая свои войска в Гессен, она не желала помешать действиям Германского союза, а преследовала общую цель — восстановление законного государства.

«Ольмюцкие пункты» были приняты, и тем самым

¹ См. личный архив Паскевича. Письма Николая Паскевичу за 1850 г.

Пруссия признавала руководящую роль Австрии в союзе и приносила извинения за свои действия. Это была полная капитуляция Пруссии и настоящий триумф Австрии, правда, ненадолго обеспечивший ей решающую роль в Германии. Основной движущей пружиной, поведшей к этому, была Россия¹.

Нижгерским походом, как уже было указано, усилилось то значение, которое получила Россия в разрешении вопроса о судьбах Германии. При помощи царя Австрии удалось получить гегемонию в Германии, подчинить себе Пруссию. Восторжествовал феодальный партикуляризм над стремлением Германии к объединению.

«Сегодня утром, — пишет Николай 7 октября 1850 г., — наконец узнали мы, что конвенция королем утверждена и тем неминуемый разрыв мимо шел. Но надолго ли? Мудрено отгадать, ибо многое еще осталось неразрешенным и в этом многом есть обильный запас предлогов к ссорам и войне... Молодой император австрийский себя благородно показал. Король прусский сумасброден, как всегда, но это крайне жаль. Принц прусский совершенно сбился с прямого пути и совратился на все господствующие гибельные мысли о преобразовании Германии через революционную Пруссию. Хороша будущность!»².

Разгром Венгрии означал разгром буржуазно-демократической революции 1848—1849 гг. в Европе. Вместе с тем он означал торжество феодальной, монархической и военной реакции, в объятия которой бросилась буржуазия в страхе перед грозным ликом пролетариата.

Вмешательство русского царизма сыграло, как мы видели, решающую роль. Успехи революционной Венгрии вплоть до весны 1849 г. могли вызвать перелом в развитии буржуазной революции в Австрии и в Германии, где далеко еще не были исчерпаны все революционные резервы и возможности. Царская интервенция подтвердила все предсказания Маркса и Энгельса, требовавших революционной войны против русского царизма как оплота реакции в Европе.

¹ *Мартенс*, цит. соч., т. VIII, стр. 387.

² Личный архив Паскевича, Письмо Николая Паскевичу от 25 октября (6 ноября) 1850 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РОССИЯ И АНГЛИЯ

I

С точки зрения Маркса оплотом реакции в период революции 1848 г. являлась не только Россия, но и Англия, которая «господствует над мировым рынком». Маркс называет Англию «скалою, о которую разбиваются революционные волны»¹.

Дипломатические материалы целиком подтверждают это суждение Маркса о роли Англии в реакции 1848 г.

Взаимоотношения России и Англии в этот период характеризуются прежде всего очень прочными торговыми связями. Больше половины русского вывоза в Европу направлялось к английским портам, и эти же порты доставляли России третью долю всего ввоза колониальных и других товаров. Весь ввоз выражался в сумме 66 567 846 руб. В том числе из Великобритании было ввезено на сумму 22 007 790 руб.

Главными предметами ввоза были колониальные товары: сахар-сырец, индиго, сандал, кошениль, хлопчатая бумага, табак, пряности, металлические изделия, готовые изделия, хлопчатобумажные и шерстяные ткани.

Что касается вывоза из России в Англию, в котором преобладали продукты земледелия, то он достигал очень больших размеров. При среднем ежегодном экспорте в 78 млн. руб. экспорт в Англию составлял 31 млн., т. е. 40%.

В области хлебной торговли Россия имела сильного конкурента в США. Так в 1846—1847 гг. на первом месте по вывозу хлеба стояли США и на втором месте Россия. Из

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VII, стр. 103.

США было вывезено 4 млн. 640 тыс. пуд., а из России — 1 млн. 400 тыс.

Второе место после хлеба занимал вывоз пеньки и льна. В 1849—1850 гг. он достиг 4240 тыс. пуд. Англия была также главным покупателем русской шерсти. Отпуск ее из России в Англию в период 30—40-х гг. составлял около 30—34% всего количества экспортируемой шерсти.

Определяющим моментом в хозяйственных взаимоотношениях России и Англии являлась заинтересованность России в отмене английских хлебных пошлин и заинтересованность Англии в отмене целого ряда тарифных запрещений в России. Годы 1848—1849 были решающими в отношении целого ряда торговых вопросов, имевших чрезвычайное значение для хозяйственного развития обеих стран.

В 1849 г. была установлена постоянная пошлина на привозимый из России в Англию хлеб (постановление 1 февраля 1849 г.). Был также пересмотрен и вновь утвержден трактат о мореплавании 1841—1842 гг. с выгодными для России дополнениями. При заключении трактата со стороны России были даны обещания снизить пошлины на целый ряд мануфактурных товаров. Это обещание было действительно осуществлено при установлении тарифа 1850 г.

Исключительную роль в торговых отношениях России и Англии сыграл английский билль о свободной торговле. Николай ждал отмены хлебных пошлин так же нетерпеливо, как Кобден. Отлично понимавший интересы русской хлебной торговли, Николай был большим «энтузиастом» фритредерской политики, поскольку отмена хлебных пошлин в Англии была чрезвычайно выгодной для хлебного вывоза помещичьей России.

В эти годы ценой взаимных уступок был разрешен еще один чрезвычайно важный вопрос. Идя по пути свободной торговли, Англия изменила свои навигационные законы и создала условия наибольшего благоприятствования для России.

Изменение навигационных законов поставило перед Англией вопрос о пересмотре трактата о мореплавании, заключенного с Россией в 1841—1842 гг. С царским правительством на этот счет велись переговоры с мая 1848 г.

4 мая 1848 г. Брунов сообщает о решении английской палаты общин предоставить кораблям под иностранным флагом те косвенные торговые преимущества, которых они были лишены по прежнему законодательству. Это означало,

что русские суда, направляясь даже из портов третьей державы, могли беспрепятственно направляться в английские порты, что не допускалось прежним законодательством. В ответ на это со стороны русского правительства последовали заверения, что оно готово войти в соглашение с британским правительством и что оно подтверждает закон 1841 г., по которому английское судоходство уравнено в правах с русским.

«Лорд Пальмерстон, — пишет Брунов, — проявляет живой интерес к тем поправкам, которые со временем будут произведены в нашем тарифе. Этот тариф будет между прочим иметь своим последствием снятие запрещения с некоторых товаров, доступ которых был до сих пор абсолютно запрещен. По его мнению, было бы желательно, чтобы облегчения, которые новый тариф предназначил ввести в этом отношении в наше торговое законодательство, не были надолго отсрочены...

«Министр предупредил меня, что он предложил британскому послу в Санкт-Петербурге представить эти соображения на обсуждение кабинета. Он будет рад, если они встретят благожелательный прием»¹.

Это как раз та программа, которую царское правительство выполнило при установлении тарифа 1850 г.

Особенно выгодно было для английской промышленности снижение пошлин на хлопчатобумажные товары, хлопчатобумажную пряжу и металлические изделия: на хлопчатобумажные, шерстяные, льняные и шелковые изделия пошлины были снижены на 10—15%. Значительно снижены были также пошлины на металлические изделия и сокращено количество запрещенных к ввозу предметов.

Изменение навигационных законов в Англии, установление принципа наибольшего благоприятствования в отношении русских судов и подтверждение всех прежних обязательств в отношении английских судов со стороны России — все это создавало между двумя странами весьма тесную коммерческую связь.

Был другой основной пункт, где сходились интересы «вечных соперников» — правительства Николая I и Пальмерстона. Это то обстоятельство (на него приходилось уже указывать), что перед правящими кругами Англии стояла

¹ Донесение Брунова 1 (13) февраля 1849 г. АМИД. Londres 1849. Папка № 106,

задача окончательного подавления рабочего революционного движения — чартизма. Победа революции на континенте угрожала новым подъемом революционного движения в Англии. Разгром революции был бы залогом торжества контрреволюции в самой Великобритании.

Чрезвычайно любопытно формулирует свои опасения насчет революции в Англии Николай I. В одном из своих писем Паскевичу Николай пишет:

«Теперь важно знать, что было в Лондоне, страшно подумать, ежели там что произойдет, и полагать надо, что они сами того очень опасаются по огромности и важности принятых противу мер».

В следующем письме от 9 апреля Николай уже с удовлетворением замечает:

«На сей раз в Лондоне победа чартистов не удалась благодаря твердости правительства, мерам Веллингтона и здравому разуму большей части жителей; это — важная статья»¹.

Кроме чартизма Англия имела у себя дома другой постоянный революционный очаг — «волнующуюся и борющуюся за свою независимость Ирландию».

«Она (т. е. Англия. — Р. А.) должна шадить свои силы, чтобы удержать глухо волнующуюся Ирландию», — огмечает Брунов², указывая на этот пункт как на весьма благоприятный момент для России.

Чувство солидарности в борьбе за «священные основы порядка», боязнь помешать России подавить буржуазную революцию, в то время как пролетарская революция стучалась в двери самой Англии, сыграли решающую роль в установлении «нейтральной» позиции британского правительства.

В дипломатической переписке мы имеем ряд очень ценных, красочных формулировок, характеризующих взаимоотношения Англии и России как союз двух реакционных сил.

8 апреля 1848 г. Брунов пишет:

«Две державы, господствующие на границах Европы, среди разрушенной континентальной системы, представляют собой грандиозное зрелище».

Лорд Пальмерстон выражает ту же мысль следующим образом:

¹ Щербатов, цит. соч., т. VI, стр. 215.

² Донесение Брунова 23 марта 1848 г. АМИД, Londres 1848. Палка № 98.

«Англия и Россия являются двумя единственными кораблями, не потерпевшими крушения. Посмотрим, не рискуем ли мы, когда успокоится буря, спустить наши шлюпки в море, чтобы спасти от кораблекрушения кое-кого из тех, которые еще находятся на поверхности»¹.

Однако реакционный курс английских правящих кругов в эпоху революционных потрясений не был единственным обстоятельством, определившим нейтралитет Англии по отношению к царской интервенции в Венгрии. У английского кабинета были еще свои особые соображения, на которые указывают как дипломатическая переписка, так и мемуары современников.

Ключ к «нейтральной» позиции Англии в вопросе царской интервенции в Венгрии — это необходимость для Англии защищать Австрию со стороны восточных границ как свою естественную союзницу на Ближнем Востоке. Австрия была необходима как барьер против захватнических стремлений со стороны России и Франции.

Упомянутая нами выше вторая Лондонская конвенция 13 июля 1841 г. не только отменила Ункиар-искелесский договор, она знаменовала разрыв франко-английского союза на Востоке, ибо неудачное выступление Франции в защиту египетского вице-короля Мегмета-Али привело к потере французского «престижа», влияние Франции пало даже в таких основных областях французского влияния, как Сирия. Вместе с тем Лондонская конвенция знаменовала собой значительный рост престижа Англии.

Новое соотношение сил было наруку России, которая и пыталась его использовать, организовав совместное выступление с Англией, направленное против Франции. Три года спустя, в 1844 г., лорд Эбердин, бывший тогда министром иностранных дел, и Пиль установили вместе с Николаем основные линии своей политики в восточном вопросе. Важнейшие пункты соглашения были таковы: 1) стараться сохранить Турцию в теперешнем положении до той поры, пока это возможно, 2) в случае распада Турции Англия и Россия действуют сообща, дабы не нарушать европейского равновесия.

Это соглашение было зафиксировано в меморандуме русского министра, но не привело к формальному союзу. Анг-

¹ Донесение Брунова 8 (20) апреля 1848 г. АМИД, Londres 1848. Папка № 98.

лийское правительство пыталось утверждать впоследствии, что это соглашение имело лишь моральное значение. Однако даже и в этом случае оно достаточно объясняет позицию британского кабинета в вопросе о русской интервенции в Венгрии. Это соглашение прежде всего свидетельствует о том, что в период, ближайший к 1848 г., франко-английский союз в восточном вопросе был нарушен, назревали новые комбинации. Для британского кабинета при новой ситуации прежде всего была необходима единая, нераздробленная Австрия как естественный союзник Англии на Востоке. В случае каких-либо осложнений Австрия должна была служить противовесом Франции, с одной стороны, и России — с другой.

Именно поэтому правящие классы Англии с такой решительностью отвергли всякие просьбы о помощи венгерской революции, исходившие от революционного правительства Венгрии.

Венгерское правительство добивалось от Англии признания законности своего существования и военной помощи. Первое могло определить собою благоприятное отношение к восставшей Венгрии со стороны Франции и других европейских государств.

Что же касается военной помощи, то она могла быть осуществлена не сухопутной армией (в этом отношении Англия была бессильна), а поддержкой турецкого правительства, стремившегося оказать посильную помощь Венгрии. Ни того, ни другого Англия не сделала. Правящие круги как России, так и Англии были в равной степени заинтересованы в том, чтобы всячески противодействовать распаду австрийской монархии.

Таким образом мы видим, что политика Англии в деле подавления венгерской революции была вполне тождественна политике царской России. Недаром радикальные круги Англии обвиняли Пальмерстона в том, что он связался с «мясниками из Петербурга»¹.

Такова была политическая обстановка, в которой действовала русская дипломатия, взявшая на себя задачу обеспечить нейтралитет Англии в деле царской интервенции в Венгрии.

Каково было отношение к нейтралитету со стороны различных политических кругов Англии? Что касается партии

¹ *Charles Sproston, Palmerston and the Hungarian revolution, p. 38.*

ториев, то она, по выражению Маркса, пытается «удержать за собой политическую власть, общественный базис которой перестал существовать», и совершенно естественно выступает ревностным соратником реакционных правительств Европы. Среди ториев существовала и раньше группа приверженцев этой политики в лице Веллингтона и Эбердина, игравших значительную роль в политике партии. Веллингтон возглавлял борьбу против избирательной реформы и был одним из самых решительных врагов чартистского движения. Естественно, что он был вместе с тем ревностным сторонником реакционных правительств Европы, в частности правительства Николая I и Меттерниха — борцов «за священные основы порядка». Что касается землевладельческих интересов, которые казалось должны были бы сделать ториев врагами России, то в отношении землевладельцев главным противником, конкурентом на хлебном рынке были уже США, а не Россия. Таким образом английские консерваторы могли в отношении России руководиться чисто классовыми интересами — интересами борьбы с революцией.

В донесении от 28 апреля 1849 г. Брунов сообщает:

«Хотел бы здесь отметить, что из всех, кто говорил со мной о венгерских делах, герцог Веллингтон выразил о них наиболее правильное мнение. Он высказался по этому вопросу в ясных и кратких выражениях, обычных для этого полководца. Настало время, сказал он мне, когда Австрия должна покончить с Венгрией. Если у нее нет для этого средств, она должна попросить их у императора. Но эти средства должны быть достаточными. Было бы большой ошибкой просить 4 тыс. чел., когда требовалось 40 тыс. чел.»¹.

В дальнейшем Брунов сообщает, что герцог Веллингтон каждый раз, как он видит русского посла, неизменно повторяет: «Действуйте достаточными силами!» А вчера он добавил: «Важно, чтобы не было неудач»².

Сообщая об отношении Веллингтона к царской интервенции, Брунов восхищается его прямолинейностью, твердостью и ясным пониманием задач. У другого сторонника царской интервенции, лорда Эбердина, нет военной лаконичности полководца Веллингтона, но и он, по утверждению

¹ Донесение Брунова 23 апреля 1849 г. АМИД, Londres 1849. Папка № 107.

² Донесение Брунова 2 мая 1849 г. АМИД, Londres 1849. Папка № 107.

Брунова, также предан Николаю. Лорд Эбердин, узнав о циркуляре 27 апреля, выразил свое отношение к событиям следующим образом: «Нужно выждать, каков будет результат этой интервенции; у меня связано с этим много надежд, но есть также и опасения»¹.

Однако какова бы ни была позиция тори в этом вопросе, политика английского правительства обусловилась главным образом не ими.

Во главе Англии стояли виги: премьер-министр Россель, министр иностранных дел Пальмерстон. От позиции английского кабинета зависел дальнейший ход контрреволюционного наступления.

И виги сказали свое слово. Эта партия, ядром которой была часть крупных землевладельцев Великобритании, отражала также интересы буржуазии, промышленного, торгового среднего класса; эта партия была решительной сторонницей поддержки России.

Интересным дополнением, характеризующим позицию Пальмерстона в вопросе о русской интервенции в Венгрии, являются мемуары венгерского посла Пульски, который был отправлен вождем венгерской революции Кошутом в Лондон со специальной целью оказать влияние на общественное мнение Англии и вызвать сочувствие к революционной Венгрии.

Венгерское правительство сильно рассчитывало на то, что русская интервенция, возмущившая только что наладившееся спокойствие на Востоке, обострит старую ненависть Англии против России и вызовет с ее стороны ряд действий в защиту Венгрии.

Пульски должен был сильно разочароваться в своих расчетах. Даже радикальные группировки не сделали никаких решительных шагов, для того чтобы помешать интервенции². Свидание с Пальмерстоном окончательно разрушило все надежды. Пальмерстон не собирался мешать интервенции, пока эта интервенция была направлена против Венгрии, а не против Турции. Наоборот, чем больше английское правительство убеждалось в том, что русская интервенция окажет сильное влияние на развитие восточного вопроса, тем активнее оно становилось, боясь помешать возрождению Австрии, старинного союзника Англии в восточном

¹ Донесение Брунова 25 мая 1849 г. АМИД, Londres 1849.

² *Franz Pulszky, Meine Zeit, mein Leben*, B. II, S. 322.

вопросе. В этом смысле особенно показательны переговоры Пальмерстона с Пульски.

«Пальмерстон, — пишет Пульски, — проявил чувства симпатии к венгерскому движению (*sehr sympathisch über die ungarische Bewegung*), однако тем не менее отметил, что если бы Австрии не было, то нужно было бы ее создать, настолько ее существование является европейской необходимостью. Австрия является единственным союзником Англии на Востоке, он не прочь даже примирить нас с Австрией, так как в рамках европейской государственной системы немыслимо существование небольших государств на том месте, на котором находится Австрия. Его сочувствие на нашей стороне, однако он дал понять, что нам нечего ждать от Англии кроме сочувствия, самое большое, на что можно рассчитывать, это вмешательство Англии в целях смягчения политики Австрии»¹.

Англию очень мало беспокоили те планы русского царя на счет Австрии, которые Николай связывал с успехом интервенции. В противоположность царю, который рассчитывал подчинить Австрию своим целям на Востоке, создать себе помощника и союзника², английский кабинет полагал, что в политике благодарность — чрезвычайно слабый двигатель и что Австрия в дальнейшем не будет жертвовать своими интересами, для того чтобы защищать планы царя³. Англия была информирована, что царь не обуславливал свое вмешательство какими-либо уступками со стороны Австрии, и потому спокойно, но вместе с тем с большим интересом, ждала исхода событий в полной уверенности, что чем лучше Австрия использует помощь России, тем скорее она займет свое традиционное место в системе европейского равновесия. В этом духе была выдержана и речь Пальмерстона, произнесенная им в палате общин. Основные положения ее были следующие. Для Европы чрезвычайно важно, чтобы Австрия оставалась сильным и могучим государством. Наилучшим способом ее укрепления было бы мирное соглашение с Венгрией в том случае, если бы соглашение принесло наибольшее удовлетворение Австрии.

Англия может взять на себя задачу предложить мирное

¹ Fr. Pulszky, op. cit., S. 322.

² Ibid., S. 334.

³ Ibid.

разрешение вопроса, но это предложение не может быть не чем иным, как только простым советом, призывающим к миру и согласию. Вместе с тем Англия не возражает против того, что Австрия обращается за помощью к третьей державе. Однако английский кабинет с своей стороны не собирается вмешиваться в эту борьбу и желает оставаться в стороне¹.

Это выступление Пальмерстона, как и воспоминания Пульски, проливает свет на то, что означало выражение Пальмерстона: «Кончайте скорее!» Оно значило, что Англия хотела при помощи русского оружия возможно скорее разгромить Венгрию и укрепить незыблемость Австрии, но желала, чтобы русские, сделав свое дело, ушли из Венгрии как можно скорее, ибо задержка России в Венгрии была бы для Англии чрезвычайно нежелательным фактом.

Чего боялась Англия в этом случае и какие опасения внушала ей русская интервенция в Венгрии, выразительно говорит одна дипломатическая депеша:

«Втайне английский кабинет считает, — пишет Брунов, — весьма полезным и нужным, чтобы Россия пришла на помощь Австрии, но наряду с этим он считал бы неприятным и юпасным фактом, если эта защита будет означать для России ее превосходство или даже полное главенство над австрийской монархией. Вот в немногих словах секрет беспокойства министерства и английского общества...

«Это беспокойство охватило министерство и общественные круги чрезвычайно глубоко. Лучше всего характеризуют последнее положение слова, сказанные мне одним из влиятельных членов кабинета: «Мы видим Австрию разоруженную и опустившуюся до уровня вассального государства России...»

Эта боязнь диктует английскому кабинету ряд мер для противодействия растущему влиянию России в Австрии. С этой целью Англия заигрывает с Пруссией, поддерживая ее возвышение над остальной частью Германии. Этим же объясняются попытки сближения с Францией, политика в Италии, где Англия пытается парализовать влияние России, и наконец поддержка Турции в ее если не враждебном отношении к выступлению России, то в позиции вооруженного нейтралитета.

«Все эти комбинации, господин канцлер, еще не зрелы, — продолжает Брунов, — в зародышевом состоянии они нахо-

¹ Донесение Брунова. АМИД, Londres, 1849. Папка № 107, 11 июля.

дятся в сознании английского министерства. Если бы граф Понцо ди Борго держал в тот момент, когда я вам пишу, перо в руках, он бы написал: «Это — призраки, которые реют над английским кабинетом, как дурные сны. Их нет еще в действительности, но они набрасывают тень на будущее, чтобы нарушить покой и сделать мрачным его существование»¹.

Но еще несколько донесений, и уже становится очевидным, что английские виги в данный момент не собираются решительно выступать. Это видно из переговоров Брунова с Росселем, а также из ответа Пальмерстона на запрос в парламенте относительно интервенции. Особенно интересно донесение Брунова относительно его переговоров с премьер-министром английского кабинета лордом Росселем. Под маской либерализма в Росселе скрывался пособник реакции, с презрением смотревший на газетную шумиху, которую подняли фритредеры в пользу Венгрии, и решивший дать России возможность беспрепятственно разгромить Венгрию.

Исчерпывающей по отношению к позиции вигов в данном вопросе является меткая характеристика, данная Марксом: «Прогрессисты, являющиеся фанатическими консерваторами; реформисты, отмеривающие прогресс гомеопатическими дозами... великие мастера коррупции, ханжи в религии, тартюфы в политике. Массы английского народа отличаются здоровым эстетическим чутьем и питают поэтому инстинктивное отвращение ко всему разноцветному и двусмысленному, к летучим мышам и к партии Росселя»².

Как реагировал Россель, когда интервенция стала свершившимся фактом? Он чрезвычайно далек от протеста.

Вот его подлинные слова:

«Чрезвычайно удачно то обстоятельство, что Кошут дал этому движению характер чисто анархический. У нас было бы чрезвычайно много затруднений, если бы он держался принципов конституции и защиты национальной свободы своей страны. Он ничего этого не сделал. Его действия приняли характер социального бунта, анархии. Этого не любят в Англии. Благоразумие этой страны поднимается против всего того, что имеет красный цвет, цвет социализма — будь то во Франции, в Италии, где бы то ни было (*couleur rouge du*

¹ Донесение Брунова. АМИД, Londres 1849. Папка № 107, 9 (21) июля. док. № 111.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 7.

socialisme en France, en Italie et partout ailleurs). У нас этого совершенно достаточно. Вы можете быть уверены, что дело Кошута таким, каким оно представляется сейчас, найдет чрезвычайно мало сочувствия среди влиятельных кругов Англии (parmi les classes des hommes influents en Angleterre). Я не думаю, чтобы у вас были основания чего-либо опасаться. В наших интересах — держаться в стороне»¹.

Однако хотя английский кабинет и не желал противодействовать интервенции, в данный момент он все же оставил себе полную свободу на будущее. Недаром в ответной депеше русского министерства, наряду с полным удовлетворением позицией английского правительства, было все же отмечено, что министерство вигов не отказывает себе в удовольствии критиковать, и возможно, что «оставляя себе свободу в будущем, оно не желает или не в состоянии начать открыто противодействовать».

«Это соображение, — продолжает депеша, — оправдывается тенденцией, заключающейся в речи лорда Пальмерстона, произнесенной им в заседании, посвященном венгерским делам; несмотря на то, мы отдаем должное тому такту, с которым британский министр избегал всяких враждебных России намеков.

«Мы ему за это признательны, — продолжает депеша, — и вы поступили совершенно правильно, г. барон, отметив это доказательство его умеренности. Однако мы позволили себе предположить другие причины, заставившие его изобразить положение Австрии в таких мрачных красках. Мы склонны думать, что он хотел создать брешь в нашем тесном союзе с этой империей, возбуждая в умах венского кабинета необоснованные опасения и приписывая той лойяльной помощи, которую оказывает император, такие цели и последствия, которых ни одного мгновения не было в его уме».

Об опасениях, которые политика царского правительства внушала Англии, говорит тот факт, что заем России был предоставлен только по окончании всех военных действий в Венгрии, а именно в декабре 1849 г. Тем не менее оказывать противодействие России Англия также не собиралась, и Россия могла беспрепятственно произвести расправу с революционной Венгрией.

В защиту Венгрии и за противодействие России выступил

¹ Донесение Брунова 9 (21) июля 1849 г. АМИД, Londres 1849. Палка № 107.

Ричард Кобден, который явился организатором в Лондоне митингов протеста против интервенции.

Из английских газет мы узнаем о содержании митинга от 23 июля 1849 г., организованного в Лондоне фритредерами. Председатель Соломонс выступил с речью, в которой он указывал, что цель митинга — оказать помощь нации, на которую наступает другая нация, поддерживаемая иноземным вторжением. Свободные люди в свободной стране должны встать на защиту стремящихся к свободе.

С наиболее яркой речью выступил на этом митинге Ричард Кобден. Он стоял на точке зрения права наций на самоопределение. По его мнению, каждая независимая страна должна решать сама свои собственные дела, и никакая иноземная сила не может, не имеет права вмешиваться. На основании этого принципа он протестует против русской интервенции. Как можно воспрепятствовать ее планам? Необходимо отказать в денежной помощи. Россия не может вести войну без займов. Обычно она эти займы получала от Англии. Так было в 1829 г. в войне с Турцией, так было при подавлении польского восстания в 1831 г. Теперь Англия обязана ответить отказом на просьбу России о деньгах. Русские, говорит Кобден, самая ничтожная нация (*most wretched nation*). Сибирские копи дают государству ежегодно 700 тыс. ф. ст., питейный сбор дает ему в 10 раз больше. Эта сумма вместе с серебряным запасом в подвалах петербургского банка, правда, достигает 14 млн. ф. ст., но она служит металлическим покрытием бумажного обращения в 80 млн. ф. ст. Если царь посягнет на подвалы банка, то он обесценит этим бумажные деньги и вызовет революцию в своей стране. Царь пытается сделать в Англии заем, а мы ему не дадим.

«Пусть никто не верит сказкам о русских доходах и русском золоте, — в заключение своей речи восклицает Кобден. — В России нет и фартинга»¹.

На митинге выступил Осборн, в противоположность Ричарду Кобдену утверждавший, что силы России далеко не так малы. Он предостерегал: «Возможно, что Россия, завладев устьями Дуная и Константинополем, расширит свои завоевания, и граждане Лондона доживут до того времени, когда они будут читать русские бюллетени при свете своих собственных пылающих домов».

¹ Приложение к донесению Брунова от 12 (24) июля 1849 г. АМИД, Londres 1849.

Он требовал денежной поддержки Венгрии и взывал к гражданам Лондона как к «апостолам свободы торговли», «апостолам гуманности», «защитникам конституционной свободы».

На митинге была вынесена резолюция о необходимости признания английским правительством независимости Венгрии. Резолюция заканчивалась следующими словами:

«Россия имеет громадные по численности войска, но пусть она не забывает, что от Ксеркса до Наполеона право меньшинства одерживало верх над тиранией большинства».

Каково классовое содержание этого движения?

«Партия мира», как ее называет Маркс, это — партия промышленной буржуазии. Совершенно естественно, что она стоит за победу Венгрии. Победа революционной Венгрии была бы поражением феодализма и торжеством буржуазных отношений. У английских фритредеров был в этом деле прежде всего непосредственный материальный интерес.

От венгерцев шел ряд таких обещаний, которыми английская промышленная буржуазия не могла пренебречь. В декабре 1848 г. революционное правительство Венгрии направило в Англию представителя центра Национального собрания Салая с предложением заключить торговый договор о различных привилегиях в пользу Англии. Венгрия обещала Англии за помощь против Австрии предоставить в случае своей победы свободный и беспопшлинный доступ английским товарам. В верительной грамоте Салая говорилось:

«Укажите, что в случае, если Венгрии придется вернуться к узам, связывающим ее с Австрией домартовских событий, то английская промышленность и торговля будут навсегда лишены венгерских рынков, которые будут попрежнему монополизированы Австрией».

Монополия Австрии выражалась в исключительном праве сбывать в Венгрии свои товары. Для значительного количества английских товаров доступ на австрийский рынок был прегражден высокой пошлиной. Так ввозимая бумажная пряжа была обложена пошлиной, смотря по сортам, от 5 р. 70 к. (высший сорт) до 5 р. 20 к. (низший сорт) с пуда. К концу 40-х годов пошлина снизилась до 2 р. 85 к. с пуда, без различия сортов. Однако она оставалась все же достаточно высокой.

Железо доставлялось в Австрию преимущественно из Англии. Однако иностранное железо было обложено загра-

дительной пошлиной от 1 р. 15 к. до 1 р. 85 к. за пуд: оно привозилось только в Триест (порто-франко при Адриатическом море).

Наконец английские промышленники были заинтересованы в вывозе бумажных изделий в Австрийскую империю; между тем привоз бумажных изделий был совершенно запрещен и разрешался только по особым лицензиям с платежом пошлины от 1 р. 12 к. до 5 р. 70 к. серебром с фунта.

Отсюда понятно, почему английские промышленники во главе с Кобденом подняли голос в защиту Венгрии. Самостоятельная и независимая Венгрия давала слишком заманчивые обещания, чтобы можно было оставить их без внимания.

В письме Маркса к Фрейлиграту мы находим исчерпывающую характеристику движения, возглавляемого Кобденом. Относящееся сюда письмо настолько интересно и важно, что мы позволяем себе дать несколько длинных цитат.

«Но основное в настоящий момент — в Англии. Не надо обманываться насчет так называемой «партии мира», признанным вождем которой является Кобден. Не надо обманываться и насчет того «бескорыстного энтузиазма», с которым англичане организовывали митинги по всей стране.

«Партия мира — это замаскированная фритредерская партия: то же содержание, та же цель, те же вожди.

«Подобно тому как фритредеры атаковали аристократию внутри страны, разрушая ее материальную основу отменой хлебных законов и навигационными законами, так теперь они атакуют ее по линии ее внешней политики, ее европейских связей и корней, пытаясь разрушить священный союз. Английские фритредеры — это радикальные буржуа, которые хотят радикально порвать с аристократией, чтобы неограниченно властвовать. Поведение Кобдена в венгерском вопросе непосредственно связано с практическими соображениями. Россия в настоящий момент пытается заключить заем. Кобден — представитель промышленной буржуазии — запрещает денежным капиталистам заключать эту сделку; в Англии промышленность господствует над банком, тогда как во Франции банк господствует над промышленностью.

«Разумеется, в вопросе о Венгрии у английских фритредеров имеется и прямая заинтересованность. Вместо существовавшей до сих пор закрытой границы со стороны Ав-

стрии — торговый договор и своего рода свобода торговли с Венгрией. Они уверены, что деньги, которыми они теперь тайком бесспорно снабжают венгерцев, вернутся к ним с прибылью и процентами путем торговли. Эта позиция английской буржуазии по отношению к континентальному деспотизму является обратной стороной похода, который она от 1793 до 1815 года вела против Франции»¹.

Однако судьбы Венгрии были в руках не фритредеров, а вигов. И участь Венгрии была решена.

II

Очень большие надежды возлагались Венгрией на Францию. Как только в Венгрии установилось революционное правительство, она попыталась завязать связи и с Францией и направила Телеки послом для защиты интересов Венгрии.

1 мая в беседе с министром иностранных дел Франции Телеки утверждает, что Венгрия ставит своей задачей защиту свободы и порядка, а Австрия толкает ее на путь революции.

Телеки пытался в то же время устрасшить французского министра иностранных дел Друэна де Люи. «Если европейские страны не воспротивятся австрийской интервенции, — говорит Телеки, — тогда мы будем бороться методом революционной пропаганды. Мы привлечем к этой борьбе поляков, немцев, так как это будет нашим единственным путем спасения. Наше выступление примет характер национальной борьбы. Министр Франции увидит, какую роль может сыграть революционная пропаганда, подкрепленная вооруженными силами в 200 000 человек»².

Телеки делает наивное утверждение, что этот разговор произвел на Друэна де Люи очень большое впечатление. Министр, по словам Телеки, обещал серьезно заняться этим вопросом, чтобы предупредить возможность интервенции.

Надежды на выступление Франции воодушевляли не только Телеки, но также и Кошута, который в надежде на помощь отправляет письмо французскому правительству, в котором называет Францию «братской республикой».

План Кошута состоял в том, чтобы организовать объединенными силами Франции, Венеции и Венгрии выступление против русской интервенции. Все эти три страны, по

¹ Маркс и Энгельс, т. XXV, стр. 57.

² Письмо Телеки от 2/V 1849 г.

мнению Кошута, должны были заключить союз для того, чтобы противостоять русско-австрийской армии.

Но развитие русско-французских отношений пошло в другом направлении. Статья Покровского «Ламартин, Кавеньяк и Николай I»¹ окончательно разрушила легенду о непримиримом отношении Николая I к буржуазной республике, созданной во Франции в результате революции 1848 г.

Когда Россия в связи с революцией в Германии лишилась двух союзников — меттерниховской Австрии и Пруссии, — предложенный Францией дружественный союз не был отвергнут. Это положение зафиксировал Нессельроде в своих письмах к Мейендорфу. «Ламартин делает нам большие авансы и здесь их не отвергаю», — писал канцлер Николая I².

Начало 1849 г. было однако менее благоприятным для закрепления русско-французского союза. Во главе Франции стал в качестве президента Луи Наполеон, и неизвестно было, какую позицию президент Наполеон займет в отношении только что произошедшей оккупации русским правительством дунайских княжеств. Русское правительство боялось также, что Наполеон займет враждебную позицию в отношении к Австрии в итальянском вопросе.

И действительно, когда у руля правления стал Луи Наполеон, наступило охлаждение между двумя правительствами, основной причиной которого были однако не столько разногласия в области внешней политики, сколько недовольство Франции медлительностью России в деле признания французской республики.

Но готовясь приступить к интервенции в Венгрии, Россия решила купить невмешательство Франции в политику России дипломатическим признанием³. Уже с марта 1849 г. идет сговор между двумя правительствами с принятием двусторонних обязательств.

В одном из разговоров с французским послом Нессельроде заявил, что «время недовольств прошло» и можно приступить к переговорам о признании. А затем тот же Нессельроде в разговоре с Ле-Феррьером, французским послом

¹ *Покровский*, Дипломатия и войны царской России, стр. 84 и сл.

² *Nesselrode, Lettres et papiers*, t. IX, p. 95. Письмо от 8 мая 1848 г.

³ В свою очередь Австрия, организуя поход в Венгрию, приняла меры, чтобы обеспечить нейтралитет Франции. Во Францию был направлен австрийский посол Гюбнер, чтобы предупредить вторжение Франции в Италию. См. об этом *W. Alter, Die auswärtige Politik der hungarischen Revolution*.

в Петербурге, сделал ряд заявлений о том, что Россия вполне одобряет позицию Франции в отношении королевства двух Сицилий, что Россия ничего не имеет против предполагавшегося Францией похода в Италию на защиту папской власти и т. д. При этом Нессельроде заявлял, что признание должно быть проведено на «солидной» и прочной основе: это означало, что Россия предоставляла Франции полную свободу действий в Италии взамен определенных «услуг» со стороны Франции.

Намерение России организовать поход в Венгрию определило и характер этих услуг. Франция безусловно представляла в данный момент для России очень большую опасность, так как могла атаковать Австрию со стороны Италии и тем в высшей степени усложнить задачу подавления венгерского восстания. Нужно было это предотвратить. 4 мая происходит разговор Нессельроде с Ле-Феррьером, и Нессельроде говорит о тех опасностях, которыми угрожает России венгерская революция. 9 мая Нессельроде сообщает Мейендорфу: «В заключение могу вам сообщить приятное известие, что мы признали французскую республику и в настоящий момент направляем письмо Друэну де Люи, французскому министру иностранных дел».

Позиция французского правительства была выражена в словах Друэна де Люи, изъяснившего Нессельроде полное удовлетворение признанием и подчеркнувшего необходимость обоюдного проведения защиты всех законных властей.

Прения, происходящие в июне и июле в палатах в связи с русской интервенцией, дают еще большие доказательства, как далека была Франция от поддержки революционной Венгрии.

По запросу радикалов, Флокона и др., относительно действий Николая I выступил тот же Друэн де Люи и говорил о каких-то дипломатических шагах французской республики для предотвращения интервенции. Фактически министр говорил неправду. Все его выступления имели целью успокоить умножившиеся запросы в Национальном собрании. Дебаты в Национальном собрании 22 мая 1849 г. закончились принятием резолюции, внесенной Кавеньяком, в которой не упоминалось даже имя Николая и в которой предлагалось собранию «принять необходимые меры для защиты внутренних и внешних интересов республики». В Законодательном собрании по вопросу интервенции выступил Луи Наполеон, который в заключительной своей речи зая-

вил, что взаимоотношения между Францией и Россией сейчас являются наиболее благоприятными и что «Россия признала республику». Наполеону вторил новый министр иностранных дел Токвиль, приход которого к власти означал еще один шаг по пути реакции¹.

Запросы в Законодательном собрании продолжались. Наиболее бурным заседанием и последним, посвященным этому вопросу, было заседание 12 июля.

Это обсуждение сопровождалось громовыми речами радикалов, которые почувствовали себя затронутыми русской интервенцией. Ледрю Роллэн выступил с речью, в которой он осуждал правительство за союз с тиранами, поправшими свободу и человеческие права. Ледрю Роллэн решительно требовал предъявления ультиматума России с требованием отозвания русских войск из Венгрии. Манжени вторил ему и требовал ультиматума не только России, но и Австрии. Последняя должна была прекратить борьбу и признать независимость венгерской республики. Некоторые радикалы выдвигали требование созыва европейского конгресса, который урегулировал бы отношения с Венгрией.

В заключение была принята резолюция, которая объявляла, что русская интервенция опасна для дела свободы. Но эта резолюция никак не подействовала на политику французского правительства, которое до конца интервенции сохраняло благожелательный России нейтралитет.

Надежды, возлагаемые на французское министерство и правительство, постепенно оставляли Телеки. Он должен был признать, что в настоящий момент правительство Франции не склонно выступать в защиту Венгрии. Вся его надежда возлагалась теперь на французских радикалов, на Ледрю Роллэна и других, агитации которых он придает большое значение. В одном из своих писем он говорит, что Франция быстрыми шагами идет к войне. «Если правительство не изменит своей политики в течение ближайших 8 дней, то, запомни это, — пишет он Пульски, — Франция очутится в руках Ледрю Роллэна. Я целый день на ногах. Мы не можем терять ни одной минуты. Принцип время действовать»².

Телеки готов даже падать на себя красную кокарду, ибо только от республиканцев можно ждать теперь, с точки зрения Телеки, спасения.

¹ Cp. *Bapst*, Les origines de la guerre de Crimée, p. 60.

² *Franz Pulszky*, Meine Zeit, mein Leben, Brief von 24 Mai 1849, S. 369.

Но у власти стояла партия порядка, которая забрала в свои руки правительственные посты, армию и законодательный корпус — одним словом, всю совокупность государственной власти. Опорой ей служила одновременная победа контрреволюции на всем европейском континенте. Этот период, как пишет Маркс, «заключает в себе самую пеструю смесь вопиющих противоречий: конституционалисты открыто конспирируют против конституции, революционеры искренно стоят за конституцию. Национальное собрание, желавшее быть всеильным, вечно остается на парламентской почве; монтаньяры видят свое призвание в терпении и парируют свои поражения в настоящем предсказыванием побед в будущем; роялисты в роли *patres conscripti* республики вынуждены самим положением держать любезные им, враждующие между собой королевские династии за границей и поддерживать ненавистную республику во Франции...»¹.

Подлинное лицо партии порядка выявилось в поддержке русской политики в Венгрии, а также в организации римской экспедиции на защиту папской власти.

Европейская буржуазия не оказала никакой помощи. Венгрия была предоставлена русско-австрийскому нашествию.

¹ Маркс, Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, изд. Института Маркса и Энгельса, 1926 г., стр. 30.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОЛЬСКО-ВЕНГЕРСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ТУРЦИИ И ВОЕННАЯ ТРЕВОГА 1849 г.

I

«Вы победили Венгрию, она у ног ваших, и война оканчивается», — писал Паскевич Николаю после сдачи Гёргея при Вилагоше. Однако пора военных тревог еще далеко не миновала.

Вся европейская ситуация после венгерской кампании показала вместе с тем, что победу над революционной Венгрией Николай попытался использовать для продвижения к Константинополю. За первым этапом последовал второй, он был связан с вопросом о политической эмиграции в Турцию и чуть было не привел к европейской войне.

В одной из своих корреспонденций в «Нью-Йоркскую трибуну» Маркс писал: «Как только на время утихает революционный ураган, можно с уверенностью сказать, что снова всплывает на поверхность вечный «восточный вопрос»¹. Так было, когда прошумели бури первой французской революции, и Александр I использовал наступившее затишье, чтобы двинуть в Турцию войска на «помощь» народам, отделившимся от распадающейся Турецкой империи. Когда отзвучала июльская революция и сопровождавшие ее восстания в Польше, Италии и Бельгии, восточный вопрос в 1840 г. снова чуть не вовлек в войну «великие державы». Наконец едва успела спастись волна революционного подъема 1848 г., снова всплыл на поверхность вечный «восточный вопрос».

Агрессивные действия России с неизбежностью вытекали из ее стремления довести до конца контрреволюцию и еще крепче утвердить свое влияние в Германии.

¹ Маркс, Собр. соч., т. IX. Национальности в Турции, стр. 371—372.

Война с Турцией не могла не превратиться в европейскую войну, и прежде всего она должна была повести к столкновению царской России с Англией, вскрыть англо-русские противоречия. Корни русско-английского антагонизма лежали прежде всего в противоречии торговых интересов. Основа этих взаимоотношений настолько хорошо определена Марксом в его корреспонденции, что нам остается только процитировать соответствующий отрывок.

«Вся внутренняя область материка Европы, — пишет Маркс, — начиная Шварцвальдом и кончая песчаными высотами Великого Новгорода, орошается реками, изливающимися в Черное или Каспийское море.... Две трети Европы, т. е. часть Германии и Польши, вся Венгрия, плодороднейшие части России и кроме того вся Европейская Турция, естественным образом связаны с Черным морем в своем экспорте и обмене своими продуктами, тем более что все эти страны преимущественно земледельческие и что громоздкость их произведений неизбежно делает водные перевозки основным видом транспорта. Венгерское, польское, южнорусское зерно, шерсть и кожа из тех же стран прибывают в ежегодно возрастающих количествах на наши западные рынки и все они грузятся на суда в Галаце, Одессе, Таганроге и других гаванях Черного моря»¹.

Константинополь — эти ворота торгового пути из Черного моря к западноевропейским рынкам — имел колоссальное значение для России и особенно для ее хлебного вывоза. Но Константинополь и еще больше Трапезунд в Азиатской Турции являются кроме того главными рынками для караванной торговли с внутренней Азией, с долинами Тигра и Евфрата, с Персией и Афганистаном. Таким образом Константинополь и Трапезунд оказываются пунктами, где особенно остро сталкиваются интересы Англии и России, связанные с внутренней Азией. Торговое поле сражения между Англией и Россией с Инда перенесено в Трапезунд, пишет Маркс, и русская торговля, которая раньше доходила на востоке до границ английских владений, теперь ограничивается обороной крайних границ своей собственной таможенной территории. «Эти страны есть и всегда будут противниками на востоке»².

¹ Маркс, Собр. соч., т. IX, стр. 382—383.

² Там же.

Английский экспорт в турецкие области, включая Египет и придунайские княжества, равнялся: в 1840 г. — 1 440 592 ф. ст., в 1844 г. — 3 271 333, в 1848 г. — 3 626 241 ф. ст.

Из этой суммы одна треть должна быть отнесена на долю гаваней Черного моря.

Но Константинополь не только торговая дорога. Это стратегический пункт огромного значения для всех борющихся стран и особенно для России. Последняя рассматривала его как важнейший подступ к Кавказу: овладеть им значило лишить кавказские народы тыла в борьбе с Россией и сломить их сопротивление голодом.

Помимо экономических противоречий немедленно после победы царской России в Венгрии остро стал ряд общих вопросов европейской политики.

Победа над революционными венграми создала царской России необычайно высокий престиж в буржуазных странах Западной Европы. Царское правительство немедленно попыталось использовать свою услугу Австрии так, чтобы сделать ее послушным проводником своей ближневосточной политики.

В этом заключалась для Англии реальная опасность — опасность деградации Австрии до степени второстепенной державы, послушно следующей велениям царя.

Недаром Стратфорд Каннинг писал Пальмерстону: «В общем вполне возможно, что настоящие успехи (т. е. победа царского правительства в Венгрии. — Р. А.) послужат для дальнейшего развития целей русской политики на Востоке и что попытаются использовать впечатление, созданное победой, чтобы вовлечь турецкое правительство в еще большее подчинение политическим видам этой державы»¹.

В дальнейшем он отмечает, что только время покажет, насколько венский кабинет расположен или обязан действовать как помощник России в выполнении этих планов и какие агрессивные меры будут приняты, если Порта откажется выполнить требования России. Во всяком случае английскому правительству придется повлиять на Порту, дабы последняя проявила достаточное сопротивление требованиям России².

Сознание опасностей, вытекающих из победы, одержанной Россией, быстро сказалось на английской политике в

¹ *Sproxtton, Palmerston and the Hungarian Revolution*, p. 115 — 116.

² Там же, стр. 116.

отношении венгерского вопроса. Англия пытается оказать воздействие на австрийское правительство в смысле смягчения участи побежденных венгров, выступает с защитой их от репрессий и т. д.

Драконовской политике австрийского генерала Гайнау, политике беспощадной расправы с венгерскими повстанцами Пальмерстон противопоставляет с большим опозданием «принципы гуманности к побежденным»¹.

II

Вся уцелевшая верхушка венгерской инсurreкции после подавления венгерского мятежа направилась в Турцию. Первым переступил турецкую границу Людвиг Кошут (18 августа).

Виддинский паша, к которому Кошут обратился с просьбой дать приют эмигрантам, чрезвычайно благосклонно отнесся к Кошуту и удовлетворил его просьбу. Виддин сделался центром венгерской эмиграции; здесь же стали собираться и эмигранты из русской Польши, принимавшие участие в венгерской революции.

Здесь нашло себе приют все венгерское революционное правительство в полном составе: премьер-министр Семере, министр иностранных дел Казимир Батяни, юстиции — Вукович, культа — Хорват, военных дел — Мессарош, генералы Перцель, Дембинский, Бэм, весь командный состав венгерской армии и громадное количество солдат, в том числе весь польский легион.

Положение эмиграции было чрезвычайно тяжелым.

Лагерь эмигрантов был расположен на правом берегу Дуная, вне крепостных стен. Довольствие эмигранты получали натурой в совершенно недостаточном количестве. Еще тяжелее, чем нужда, была полная неясность положения. Было очевидно, что австрийское и русское правительства не потерпят наличия на венгерской границе польских и венгерских беженцев, присутствие последних препятство-

¹ Пальмерстон после окончания венгерской войны обращается с просьбой к австрийскому правительству восстановить старинную венгерскую конституцию, провести реформы, а также даровать полную амнистию участникам восстания. Письмо Пальмерстона Понсонби 22 августа 1849 г. *Evelyn Ashley, The life and correspondence of viscount Palmerston*, v. 2, p. 104. В другом письме к Понсонби Пальмерстон протестует против зверств Гайнау.

вало «умиротворению» самой Венгрии. Однако не исключена была возможность, что Порта, опираясь на союзные державы, будет защищать эмигрантов и противиться их выдаче.

Требование России о выдаче политических эмигрантов не замедлило последовать. Дипломатическая переписка между русским кабинетом и русским послом в Турции Титовым дает богатейший материал для характеристики русско-турецких отношений в эту эпоху. Тон русских депеш становится все более настойчивым, решительным, в некоторые моменты угрожающим. Красной нитью проходит через них один мотив: русское правительство обеспокоено присутствием эмигрантов в Турции, оно настойчиво требует их выдачи. В одной депеше выражается сожаление по поводу двусмысленной позиции, занятой турецким правительством по отношению к эмиграции, находящейся в дунайских провинциях Турции.

«Турки однако не столь слепы, — пишет русский министр, — чтобы не видеть, что подобное вторжение в дунайские провинции Турции, в которых так много революционного элемента, может вызвать гораздо более серьезные осложнения, чем то, что было в прошлом году, так как восстание будет иметь поддержку в военной силе, опытной в военном отношении, составленной из отрядов венгерской армии и международных искателей приключений, пытающихся перенести пламя восстания на турецкую территорию»¹.

Депеша дает инструкцию Титову обратить внимание турецкого правительства на всю опасность подобного положения для самой Турции. Необходимо требовать от Турции энергичных действий против эмиграции.

За первой инструкцией последовал ряд других того же характера.

Позиция России определялась не только доводами, открыто ею высказываемыми в донесениях, но также теми, о которых там не было и звука. Создание в Турции нового центра польского повстанческого движения, прекрасно организованного, состоявшего из хорошо вооруженных сил, получивших опыт и «боевое крещение» в венгерском восстании, очевидно было прямой опасностью для русского господства в герцогстве Варшавском. Из Турции могла направляться не только революционная пропаганда; польские

¹ Экспедиция Титову 11 августа 1849 г. Константинополь. Папка № 51—52.

¹⁵ Р. Авербух, Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией.

эмигранты в Турции были готовыми резервами для революционного выступления в Польше. Необходимо сейчас же отметить, что среди эмигрантов были участники восстания 1830 г. (Бэм, Дембинский, Высоцкий, Замойский и др.). Бэм был приговорен в России к смертной казни. На выдаче поляков особенно настаивали дворянские круги и командный состав армии¹.

Царское правительство не ограничилось депешами Титову; для ликвидации конфликта был направлен в Константинополь царский посол Радзивилл, получивший инструкции вести переговоры относительно выдачи польских беглецов².

Лейтмотивом интересной переписки между царем и султаном, относящейся к периоду миссии Радзивилла, звучит стремление царского правительства доказать, что в победе царского оружия в Венгрии было заинтересовано и турецкое правительство. «Народы, — писало царское правительство

¹ Любопытным свидетельством настроений русского дворянства, на которое опиралась власть Николая, является письмо французского посла в Петербурге Ламорисьера министру Токвилю: «Русские рассчитывали в качестве награды за понесенные жертвы кампании' заполучить Бэма, Дембинского и других поляков, осужденных в Польше. В армии всюду настоящая ярость против всех этих людей. Император, несмотря на свою силу, принужден считаться с теми кругами, на которые опирается его власть, и теми, кто создает его действительное могущество». «Souvenirs d'Alexis de Tossueville», pp. 398—399. Русское правительство настаивало на особых мерах в отношении Бэма, Дембинского, Высоцкого. Оно требовало немедленной их выдачи русским военным властям, находившимся в дунайских княжествах. См. об этом «Expédition de Constantinople» 1 (13) Août 1849. Папка № 51—52.

² В депеше Титова по случаю миссии Радзивилла было подчеркнуто, что выдаче подлежат не только Бэм, Дембинский, Замойский, но и вся польская эмиграция в целом. Основанием для претензий русского двора был II пункт Кайнарджийского договора (21 июля 1747 г.), который гласил: «Подданные, которые повинны в крупном преступлении против отечества или в неповиновении, не должны получать от другого правительства защиты, они должны быть выданы своему правительству или по меньшей мере изгнаны с территории данной страны». В споре, возникшем из-за венгерско-польской эмиграции, французское и английское правительства склонялись к тому, что для Порты является не обязательным выполнение условий этого договора, так как Россия сама нарушила в прошлом обоюдные условия этого договора. Россия и Австрия могут обосновывать свои требования только на XVIII пункте Белградского договора, который не обуславливает ни «выдачу», ни «изгнание», а только «наказание». Стратфорд Каннинг доказывал (и его доводы разделялись правительствами Англии и Франции), что венгерский народ, поднявший оружие, никак не мог быть подведен под термин «бунтовщики», о которых шла речь в договорах (см. Lane Poole, The Life of Stratford Canning, v. II, pp. 189—190).

султану, — вздохнули свободнее с возвращением порядка, твердой власти и безопасности». «Россия, — говорилось далее, — организовала интервенцию в Венгрии на основе тех же принципов охраны порядка, которыми она руководствовалась в прошлом при оказании военной помощи для восстановления власти вашего величества, открыто отвергаемой в дунайских княжествах, где враждебная партия пыталась осуществить столь распространенные в Западной Европе гибельные и разрушительные планы». Письмо заканчивается призывом к поддержке союзнических отношений и к выдаче эмигрантов. На проекте письма стоит заметка самого Николая: «Это — великолепно» (*C'est parfait*)¹.

Что касается султана, то он в своих личных письмах к царю Николаю всячески заверял царя в своей лояльности и в стремлении жить с царской Россией в полном согласии.

В действительности до согласия было далеко, обе стороны готовились к борьбе, пока еще на почве дипломатической.

Турецкое правительство колебалось в отношении окончательного решения этого вопроса.

Чрезвычайно оптимистично звучало заявление венгерского посла в Турции Андраши, который писал Гёргею: «Если вам удастся одержать хотя бы одну победу, то вы можете рассчитывать, что турки объявят войну (России. — Р. А.) и тогда нам будет обеспечена победа»². В действительности дело обстояло далеко не так просто. Правда, первые попытки царского правительства добиться выдачи из Турции польских эмигрантов встретили решительный отпор со стороны Порты, однако достаточно было появиться на турецкой территории русскому послу Радзивиллу, достаточно было ему решительно заявить, что всякая попытка поляков к бегству будет рассматриваться как *casus belli* и что 50 тыс. русских солдат готовы к походу против Турции, как положение изменилось.

Предсказания Стратфорда Каннинга в письме к Пальмерстону оправдались: английскому правительству действительно приходилось проявлять особую бдительность в отношении поведения Порты. Порта начинала колебаться. Однако пока еще Радзивилл ничего определенного не добился и

¹ Экспедиция 1849 г. Канцелярские письма. Папка № 185. Turquie (Sultan), 14 августа 1849 г.

² Wertheimer Graf, Julius Andrassy, sein Leben und seine Zeit, S. 37.

уехал в Россию, увозя обычные заверения султана о желании жить в мире с Россией¹.

III

Определяющим моментом для дальнейшего поведения Порты в настоящем конфликте была позиция Англии и Франции. У Порты не было другого выхода кроме совместного выступления с западноевропейскими странами против страшного соседа — царской России. И потому, заверяя Россию в своей лояльности, Турция в то же время вела совершенно недвусмысленные переговоры с Англией и Францией. 7 сентября, на следующий день после представления Радзивилла турецкому правительству, Франция через своего посла Опики предъявила ноту Порте, где призывала последнюю к скорейшему устройству эмигрантов внутри страны (*La Porte va se hâter d'interner dans un lieu sûr les réfugiés*), а также стремились убедить турецкое правительство не идти ни на какие уступки требованиям России. Эти уступки, предупреждала французская нота, привели бы султана и турецкую нацию к потере престижа в глазах Европы. Для Турции данные обстоятельства, по словам ноты, давали прекрасный случай завоевать симпатии Западной Европы².

Как Каннинг, так и Опики начинают действовать чрезвычайно энергично, заверяя турецкое правительство, что ни Австрия, ни Россия не смогут истолковать поступок, продиктованный чувством гуманности, как *casus belli*³.

Когда, несмотря на заверения французского и английского послов, русское и австрийское правительства вручили Порте ноты, угрожающие разрывом и войной⁴, турецкое пра-

¹ Экспедиция 1849 г. Turquie (Sultan). Канцелярские письма № 185. 4 октября 1849 г.

² *Bapst*, *Les origines de la guerre de Crimée*, p. 30.

³ Лоббистно письмо Каннинга Пальмерстону, где он обосновывает свою поддержку Турции в ее сопротивлении России. Каннинг считает, что было бы бесчестьем для Англии, если бы Турция принуждена была унизиться до полного послушания велениям России (*Lane Poole*, *The life of Canning*, vol. II, pp. 191—192).

⁴ 25 августа правительство Николая I направило свое требование о вылаче эмигрантов с сопроводительной депешей Нессельроде, в которой эмиграция обвинялась в стремлении разжечь гражданскую войну в целом ряде стран, которые оказывали ей приют. Депеша, требуя выдачи Бама, Дембинского, Высоцкого, Замойского, подчеркивала, что вышеуказанные лица являются подданными императора, однажды уже им осужденными и в дальнейшем еще более скомпрометировавшими себя участием в венгерском мятеже. Правительство требовало решительного ответа со стороны

вительство поспешило запросить французское и английское правительства о дальнейших перспективах Турции. Правительство хотело знать мнение послов о том, дают ли договоры право и основание России объявить войну и может ли Порта в случае объявления войны рассчитывать на реальную поддержку со стороны Англии и Франции. Ответы со стороны посольств были даны в том смысле, что Россия по содержанию договоров объявить войну не может, но сопротивление Порты может послужить поводом для произвольных действий России. В отношении возможной помощи ответ был дан в утвердительном смысле:

«Необходимо предположить, что две державы осудят поведение России и не оставят Порту в нужде без поддержки»¹.

Ответ был представлен Порте 4 (16) сентября 1849 г. и оказал решающее влияние на дальнейшее поведение Порты.

17 сентября был объявлен разрыв дипломатических сношений между Россией и Австрией, с одной стороны, и Портой — с другой, этим был брошен вызов западным державам, Англии и Франции.

Немедленно после событий в Константинополе английское правительство решило оказать своим вмешательством давление на Россию. Пальмерстон направил письмо английскому послу во Франции Нормэнби пока еще частного порядка.

Официальная точка зрения Пальмерстона на значение происшедшего дипломатического разрыва такова.

Основная цель политики русского и австрийского правительств была в том, чтобы держать в страхе западноевропейские страны, а поэтому Англии и Франции необходимо было оказать султану твердую поддержку и показать его противникам, что турки имеют друзей, которые готовы поддержать и защитить их в тяжелое время. Для этого западноевропейские державы должны сделать решительные представления в Вене и в Петербурге, причем указать, что султан не обязан договором делать то, что от него требуют, и что он не мог выполнить требований австрийского и русского послов, не покрыв себя позором. Во-вторых, английское правительство может приказать своим эскадрам в Средиземном море занять позиции в Дарданеллах и быть готовыми отплыть в Константинополь.

Порты, угрожая в противном случае тяжкими последствиями для отношений обеих сторон (*Bapst, Les origines de la guerre de Crimée*, p. 86).

¹ *Bapst, Les origines de la guerre de Crimée*, p. 94.

Какова цель присутствия эскадр? «Они должны защищать Константинополь от действительного или угрожающего нападения (разрядка моя. — Р. А.) или своим присутствием оказывать моральную поддержку».

«Я глубоко убежден, — пишет Пальмерстон, — что Австрия и Россия при нынешнем положении вещей в Германии, Польше и Северной Италии, не говоря уже о лишь полуумиротворенной Венгрии, не рискнут разрывом с Англией, Францией и Турцией из-за такого вопроса»¹.

В первых числах октября английский кабинет одобрил большинством голосов план действия, предложенный Пальмерстоном, и принял решение поддержать Порту всеми возможными средствами.

Англия рассчитывала, что Россия и Австрия должны будут отступить перед угрозой совместных действий двух могущественных западноевропейских держав. Английское правительство совершенно не желало войны. Его дальнейшие действия были не чем иным, как маневрированием, имевшим единственной целью заставить Россию и Австрию отступить от своих требований. В одном разговоре с Друэном де Луи Пальмерстон выразил все это с необычайной очевидностью.

«Англия, — говорил он, — не может в настоящий момент оставить эту державу (т. е. Турцию. — Р. А.) без поддержки, в противном случае Англия рискует потерять свой престиж... Ввиду всего этого мы решили, — говорил Пальмерстон, — поддержать султана». «Поддержать вплоть до применения насильственных средств в случае нужды затеять войну?» — спросил Друэн де Луи. «Да, — отвечал Пальмерстон, — мы готовы всеми средствами поддержать наше решение». Но тут же добавил: «Однако я уверен, что если Австрия убедится в противодействии Англии и Франции, то дело дальше не пойдет»².

Английский министр возлагает все надежды на совместные действия обеих держав. Выступление одной Англии могло поставить ее в положение воюющей державы против России и Австрии. Он пытается привлечь на свою сторону Францию, в отношении Турции он ведет себя очень двусмысленно. Обещая поддержку Порте, Пальмерстон вместе с тем призывает ее к осмотрительности.

¹ *Sproxtton, Palmerston and Hungarian Revolution*, p. 122.

² *Donald M. Greer, L'Angleterre, la France et la Révolution de 1848*, Paris 1925, p. 301.

Сообщая Каннингу решение кабинета, Пальмерстон пишет: «Было бы желательно, чтобы турецкое правительство воздержалось вызывать нашу эскадру в Дарданеллы без особой для того нужды. Этим может воспользоваться Россия, и все это превратится в прямую угрозу»¹. «В этом деле мы пытаемся поймать две крупные рыбы, — пишет Пальмерстон в официальном донесении Каннингу, — и потому необходимо действовать чрезвычайно осторожно, чтобы не споткнуться (Not to break our line). Правительство здесь решило поддерживать султана при всех обстоятельствах, но мы должны иметь возможность показать парламенту, что мы использовали все средства вежливости и осторожности, что если мы предпринимаем враждебные действия, то не по нашей вине или ошибке»².

Пальмерстон оставался и в 1849 г. тем же двуличным агентом русского паризма, каким его изображал Маркс.

IV

Причины вмешательства Англии в конфликт совершенно ясно формулирует царский дипломат Брунов в своих донесениях. Идея вмешательства чрезвычайно популярна среди английской буржуазии, пишет Брунов, ибо англичане преисполнены «зависти и глубокой ненависти», они считают, что «мы (т. е. русское правительство. — Р. А.) хотим подчинить себе Турцию, чтобы господствовать в Азии, и в один прекрасный день попытаемся пошатнуть английское господство в Индии». Наконец английские буржуа движимы «чувством оскорбленного достоинства» «вследствие наших блестящих побед в Венгрии»³. Все усилия царской дипломатии были направлены на то, чтобы предотвратить английское вмешательство⁴.

¹ Письмо Пальмерстона Каннингу от 2 октября 1849 г. (*Lane Poole*, v. II, p. 198).

² Письмо от 3 октября. *Ibid.*, p. 199.

³ Донесение Брунова 29 сентября (11 октября) 1849 г. АМИД. Londres. Папка № 107.

⁴ Беспокойства и опасения английского правительства начались немедленно после победы царской России над революционной Венгрией. Они питались главным образом неуверенностью Англии в дальнейших намерениях Николая: боялись, как бы Венгрия не была оккупирована русскими войсками и русское правительство не воспользовалось своей победой для того, чтобы надолго задержаться там. Освобождение Венгрии от русских

17 сентября русский кабинет направил Брунову строжайшее предписание предупредить вмешательство Англии в русско-турецкий конфликт. Россия снова, сообщал русский кабинет, находится под угрозой осложнений с Портой; прерваны дипломатические отношения с турецким правительством. «Весьма вероятно, — сообщало донесение, — что мы будем принуждены отозвать наше посольство из Константинополя. Однако это будет самым крайним средством, на которое пойдет император. Решид-паша и Уллема стоят за выдачу. Советы и наущения Каннинга им помешают. Предупредите вмешательство в это дело Англии. Император не может его допустить» (*L'empereur ne saurait l'admettre*)¹.

Брунов начал действовать в указанном ему направлении.

При первых же переговорах Брунова с Пальмерстоном последний заявил, что смысл договора не даст русскому правительству оснований для безапелляционных требований выдачи: турецкое правительство может воспользоваться правом выбора — выдать беженцев или изгнать их со своей территории. Порта, поставленная перед фактом разрыва дипломатических отношений с Веной и Петербургом, обратилась за содействием к Англии и Франции. «Мы думаем, — продолжал Пальмерстон, — что невозможно было отказать в этой просьбе в тот момент, когда Порте угрожала серьезная опасность нарушения мира»².

Несмотря на категорическое заявление Пальмерстона, Брунов не считает положение угрожающим. Английское правительство пока не собирается оказывать реальную поддержку Турции, дальше дипломатических депеш, чрезвычайно выгодных для правящих кругов Англии, дело не пойдет.

«Турция, — пишет Брунов, — не требует от Англии или Франции: ни кораблей, ни денег, ни солдат. Она требует депеш. Пальмерстон обещает, так как они очень мало ему стоят. Эти депешки не представляют собой выгоды для Порты»³.

войск было встречено английскими правящими кругами с большим удовлетворением (приложение к донесению Брунова за № 137 от 13 (25) августа). Ноты лорда Пальмерстона Брунову, а также дополнение к депеше от 4 сентября. Ппка № 107.

¹ Донесение Брунова от 23 сентября (4 октября) 1849 г. АМИД, 1849. Папка № 107.

² Там же.

³ Там же.

Лорд Пальмерстон, по словам Брунова, играет опасную и недостойную игру в надежде, что турецкое правительство сумеет куда-нибудь сплавить польских и венгерских беженцев. Таким путем предмет спора исчезнет ранее, чем конфликт будет разрешен дипломатическим путем. Англия, ничем не пожертвовав, сыграет роль защитника, роль, для английского правительства чрезвычайно выгодную, ибо вся пресса, вся английская буржуазия на стороне Турции и венгерских эмигрантов.

В «Times» и в «Morning Chronicle» появился ряд статей, в которых выражалась надежда, что Англия окажет поддержку Порте против захватнических стремлений России. В этих же статьях высказывалось немало похвал по адресу Стратфорда Каннинга, того самого Каннинга, который с точки зрения Брунова явился нарушителем европейского мира¹.

И уже через несколько дней Брунов констатирует, что английский кабинет явно склоняется к решению защитить Турцию от агрессивных действий русского правительства². Отметим кстати, что донесение от 27 сентября и ряд последующих депеш Брунова совершенно разрушают позднейшие

¹ Пальмерстон и весь вообще английский кабинет, по словам Брунова, действуют так, желая снискать популярность у английской буржуазии. Несколько позже Брунов произнес целую речь о превратности судеб и изменчивости общественного мнения в Англии. Английский кабинет, в частности Пальмерстон, гонится за популярностью и создает поводы для нарушения мира. Война против России сейчас в высшей степени популярна в Англии. «Я скажу более, — говорит Брунов Росселю. — Если завтра вы выскажетесь еще более решительно против нас, вы сделаетесь наиболее популярным министром Англии, в обществе, в палатах. Вы не услышите ни протеста, ни возражения, если вы сделаетесь защитником суверенных прав Порты, закона и гуманности, ненарушимости права убежища. В палатах вы найдете поддержку большинства. Стэнли будет говорить за вас, Эберлин будет сохранять молчание, Пиль в настоящее время будет защищать вас, оставляя за собой слово на будущее. Эта популярность останется за вами до той поры, пока не произойдет крайнего обострения событий. Однако факты не преминут заговорить. Их показания обнаружат свою силу тогда, когда судьба поразит Порту и она падет. Вы знаете, катастрофа, которую мы все должны предвидеть, придет непоправимая, бесспорная, неопровергающая. Турецкая империя, которой вы пытались оказать защиту, падет. Тогда общественное мнение направится против вас. Пиль первый представит вам счет. Кто будет повинен в уничтожении политического равновесия, столь необходимого для Европы?» (Донесение Брунова 10(22) октября, № 164. АМИД, Londres 1849. Папка № 107.

² Донесение Брунова 27 сентября (9 октября). АМИД, Londres 1849. Папка № 107.

утверждения русского кабинета, будто русско-турецкий конфликт был разрешен русским правительством без всякого давления извне.

Депеши Брунова заставляли русское правительство быть настороже: они подробно информировали не только о состоявшихся решениях, но и об общей позиции правительства Англии, а также о настроениях различных партийных группировок в парламенте.

Тем временем в настроениях английского кабинета появились новые угрожающие симптомы. Порты в свою очередь, учитывая позиции Англии и подстрекаемая советами Стратфорда Каннинга, делалась еще более неуступчивой. Английское правительство решилось организовать военную демонстрацию, отправить свои корабли в Дарданеллы, предварительно попытавшись ликвидировать конфликт при помощи третейского разбирательства. В начале октября английское правительство предъявило русскому правительству ноту с предложением третейского разбирательства конфликта. Одновременно англичане обратились с тем же предложением к австрийцам.

В ноте, переданной Нессельроде английским послом, указывалось на право каждого независимого правительства оказывать приют эмигрантам, напоминалось русскому правительству его неоднократные заявления об охране целостности и независимости Порты. «Английское правительство, — гласила нота, — глубоко убеждено, что султан примет все необходимые меры, чтобы избавить Россию от всяких беспокойств, а поэтому английское правительство надеется, что Россия не потребует от Порты ничего такого, что могло бы нанести ущерб чести султана и независимости его трона»¹.

Одновременно английский кабинет направил официальное письмо с предложением третейского разбирательства конфликта Шварценбергу. В частном письме к Понсонби Пальмерстон подтвердил свое твердое решение оказать поддержку Порте. Он указывал австрийскому правительству на ложность и близорукость его политики. Вместо того чтобы защищать Порту от России, австрийское правительство выдало ее с головой царю. Он подчеркивает, что союз с Россией может быть опасен для Австрии, так как он будет способствовать сближению Англии и Франции. Война с Турцией, которая будет пользоваться поддержкой Англии и Франции, не принесет

¹ *Bapst*, Les origines de la guerre de Crimée, p. 114.

Австрии никакой выгоды, так как она потеряет свои итальянские провинции и не получит ничего на Востоке.

Как русское, так и австрийское правительства отклонили предложение Англии отказаться от своих претензий.

Русский кабинет отверг предложение англичан, мотивируя это тем, что английское правительство якобы «слишком широко понимало право убежища, защищая тех, которые посягнули на все законы своей страны (т. е. Венгрии. — *Р. А.*), покрыв ее кровью и руинами»¹. Австрия продолжала настаивать на своих требованиях.

Попытка английского правительства ликвидировать конфликт при помощи третейского разбирательства кончилась неудачей.

В официальных документах Англия выражает намерение поддержать султана оружием, подчеркивая, что все это делается для того, чтобы Порта «стала тверже в своем поведении, а те (Австрия и Россия. — *Р. А.*) — поумереннее»².

«Теперь как раз время сделать всевозможные улучшения в армии, во флоте и в оборонительных сооружениях». Нужно ковать железо, пока горячо. Турки должны приняться за работу и привести в хорошее состояние Босфор, вооружив его тяжелыми орудиями, не забывая обеспечить их со стороны суши. Необходимо поставить несколько сильных батарей, чтобы с них можно было обстреливать суда, проходящие через Босфор»³.

Однако даже инструктор в отношении вооружения Порты имел смысл подготовки для будущего, а в настоящий момент делался для придания «твердости» поведению Порты.

На данном этапе борьбы английское правительство не желало давать преждевременных обязательств и оставляло за собой полную свободу действий⁴.

«Желание оказать Порте призрачную помощь, — пишет Брунов, — бессильную по существу, обманчивую по форме, — вот что руководит английским кабинетом в его действиях по отношению к двум императорским домам. Это не будет иметь успеха в Петербурге»⁵.

¹ См. об отношении к ноте русского правительства. *Expédition* 12 octobre 1849, № 313. АМИД, Londres. Папка № 108.

² Пальмерстон Каннингу 11 октября (*Lane Poole*, op. cit., p. 201).

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Донесение Брунова 29 сентября (11 октября) 1849 г. АМИД, Londres. Папка № 107.

«Желательно было бы знать, действительно ли так легковерны турки, — пишет Брунов, — и можно ли их подкупить словами, или молчание, которое хранит британское правительство относительно материальной помощи Порте, заставит их открыть глаза на опасность, которая их ожидает в связи с потерей дружбы России»¹.

Даже Каннинг, наиболее энергичный защитник эмигрантов, желавший выступления Англии в их защиту, даже он должен был признать, что позиция Англии остается пока в пределах исключительно дипломатической борьбы за status quo, что ее основная цель — устрашение царской России и моральная поддержка Турции, не больше².

V

Турецкое правительство со своей стороны изыскивало способы мирного разрешения спора. Одним из таких способов был переход эмигрантов в иностранное подданство, а также принятие ими ислама. Переход в ислам огромной массы эмигрантов разрешал весь вопрос в пользу Турции. Турция приобрела бы опытный командный состав и значительную армию, а царское правительство не могло бы ссылаться на неисполнение договоров.

Некоторую часть эмигрантов удалось спасти при помощи принятия их во французское и английское подданство. Посол французской республики генерал Опик вручил Порте ноту, в которой она извещалась, что среди беглецов имеются

¹ Донесение Брунова 29 сентября (11 октября) 1849 г. АМИД, Londres. Папка № 107.

² Необходимость борьбы за status quo и за свое влияние в Турции сквозит во всех высказываниях Стратфорда Каннинга. К середине сентября относится депеша Стратфорда Каннинга Пальмерстону: «Если в этом положении предоставить Порту ее собственным ресурсам, то это повлечет за собой полное и неминуемое разрушение целей, которые ставила себе британская политика в Турции сверх тех, которые вытекли из обычных дружеских связей». (*Sproston, Palmerston and the Hungarian Revolution*, p. 121). В письме Пальмерстону от 3 сентября Каннинг подробно развивает свою точку зрения: «В общем вполне возможно, что настоящие успехи послужат для дальнейшего развития целей русской политики на Востоке и что попытка использовать впечатление, созданное победой, чтобы вовлечь турецкое правительство в еще большее подчинение политическим видам этой державы; он считает, что «весьма рискованно допустить проявление с ее стороны Рожи, что в настоящем положении в Европе вполне возможно подчинить Порту своим планам силой, если не удастся убеждением» (там же).

такие, которые являются французскими подданными и должны быть представлены немедленно французским властям. Нога указывала, что французскими подданными должны считаться Дембинский и Замойский, и заявляла о правах Франции над этими эмигрантами и над всеми теми, кто находится в таком же положении, как Дембинский. Подобным же образом действовало и английское правительство, делая заявления, что тот или иной эмигрант является англичанином.

Несколько сложнее было с переходом в ислам.

Второй пункт Кайнарджийского трактата допускал лишь одну возможность не подчиниться требованиям России и Австрии — переход эмигрантов в религию страны, принявшей их. Действительно, после одного бурного заседания Дивана, 8 сентября венгерский посол в Турции Андраши получил предложение передать своим соотечественникам о необходимости перейти в ислам. Как турецко-подданные, указывало правительство, они освободились бы от всякого преследования. Андраши в первоначальной стадии переговоров отвергал этот выход: «Подобный шаг совершенно невозможен, турки ошибаются, когда они рассчитывают подобным советом спасти свою честь». 10 сентября Андраши был призван вторично¹. И на этот раз Андраши дал свое согласие. В середине сентября Андраши вел по этому поводу энергичные переговоры с Кошутом. Доводы Андраши таковы. Россия не отступится от своих требований. Если же султан откажется выдать России своих подданных, бывших эмигрантов, и к тому же эти последние будут, по обещанию военного министра, обслуживать турецкую армию, то война произойдет неизбежно. Таким образом венгерская война будет перенесена на территорию Турции. Кошут ответил на это предложение решительным отказом². Именно к этому моменту относится письмо Кошута к Пальмерстону³.

Сообщая Пальмерстону о предложении перейти в мусульманство, Кошут пишет: «Я могу дать ответ без особых размышлений. Нет выбора между смертью и позором».

«Я готов к смерти, — пишет он дальше. — Пролитие моей крови создаст турецкому правительству, не друзей, а бес-

¹ *Wertheimer, Graf Julius Andrassy, sein Leben und seine Zeit. Stuttgart 1910, S. 45.*

² *Ibid., S. 47.*

³ Кошут Пальмерстону. Видлип, 20 сентября 1849 г. Передано у *Korn. Neueste Chronik der Magyaren. Geschichtliche Darstellung, S. 104.*

численное количество врагов». В конце письма Кошут апеллирует к политическим интересам Англии: «Политические интересы цивилизованной Европы, — пишет он, — к которым имеет отношение Англия и в первую очередь укрепление самой Турции, тесно связаны с существованием Венгрии, и на это я должен возложить все свои надежды»¹.

Мужество, проявленное Кошутом в этом письме, очень скоро его оставило, и письмо Кошута к великому визирю звучит далеко не так решительно, как письмо к Пальмерстону. Визирю Кошут писал, что его долг оставаться на посту. Однако он считает, что, сохраняя свою жизнь, он сохраняет надежду венгерцев на освобождение. Поэтому, если не будет никакого другого выхода, то он предпочитает последовать указанию, продиктованному тиранами, т. е. перейти в ислам. При этом он лишь ставит условием, чтобы его переходу в ислам были приданы такие формы, которые не лишали бы его чести в глазах всей Европы². Быстрый переход от одного решения к другому, ложный героический пафос, характерный для поведения Кошута в данный момент, предвещали превращение Кошута в ту ходульную фигуру печального героя 1853 и 1854 гг., жизнеописанию которой посвящено немало страниц у Маркса.

Если Кошут все же колеблется и не может сразу решить вопрос о своем переходе в ислам ради спасения жизни, то Бэм действует гораздо решительнее.

Он принимает ислам в Виддине и немедленно занимает командную должность в турецком войске³.

Турецкое правительство с своей стороны усиливает пропаганду за переход эмигрантов в ислам. Русский посол уведомляет свое правительство, что данный момент необычайно удобен для Порты в смысле ликвидации всего конфликта именно таким образом. Этот выход не обострял взаимоотношений держав, а, наоборот, несколько притуплял конфликт⁴. Действовать турецкому правительству приходилось в чрезвычайно трудной и неустойчивой обстановке. Особенно

¹ Письмо Кошута Пальмерстону цитирует Korn, *Neueste Chronik der Madyaren. Geschichtliche Darstellung*, S. 106.

² *Alter*, *Die auswärtige Politik der ungarischen Revolution, 1848—1849*, S. 233.

³ *Wertheimer*, *op. cit.*, S. 47.

⁴ «Вероотступничество Бэма и других подданных императора, которые последуют этому примеру, — пишет по этому поводу Титов, — надо думать, ослабят основы договора, на которые опирается наше требование о выдаче» (донесения Титова 4 (16) октября).

должно было смущать его чрезвычайно неопределенное поведение австрийского кабинета; последний то извещает Порту через своего консула в Бухаресте Музуруса, что он не считает дело серьезным и думает закончить все миром, то усиливает свои требования выдачи, заявляя их в более враждебном тоне, чем это входило в намерения русского кабинета¹.

Тем временем, по сообщению русского посла в Константинополе, число принявших ислам доходило уже до 500 чел. Помимо того турецкое правительство разрешало беженцам переезд из Виддина в Константинополь под чужими именами с английским паспортом. Среди них фигурировали лица с такими именами, как Мак-Дональд и Лонгвуд; «английские паспорта могли скрыть кого угодно, даже самого Кошута, Перцеля и др.», — пишет русский посол Титов².

Турецкое правительство руководствовалось в своей политике не только дипломатическими соображениями, но также стремлением использовать военный опыт участников восстания, которые в борьбе с австрийцами приобрели славу опытных генералов. Турецкое войско, писал Титов, вполне достаточное для того, чтобы противостоять врагу, нуждается в офицерском и командном составе; венгерские эмигранты должны были быть использованы в этих целях³. В целом у русского правительства были серьезные опасения, что в Турции создается открытое убежище, по выражению русского посла, «для политических авантюристов, бунтовщиков всех наций».

К этому моменту весь вопрос впрочем уже вышел за пределы сравнительно узкого австро-русско-турецкого спора об участии эмиграции. Для всех спорящих сторон было ясно, что дело шло о гораздо большем — о борьбе двух колониальных хищников за овладение Турцией и о возможности военного столкновения между Россией и Англией.

VI

Англо-русский конфликт в Турции уже изживал фазу дипломатической борьбы. Англия начинала угрожать военной демонстрацией. К октябрю 1849 г. стало очевидным, что

¹ Донесение Титова от 4 (16) октября 1849. АМИД, Constantinople 1849. Папка № 51—52.

² Там же.

³ Цитированное выше донесение Титова от 4 (16) октября.

словесные угрозы Пальмерстона и Каннинга или еще кого-либо другого не могут заставить царское правительство пойти на уступки. Тогда Англии пришлось против собственного желания покинуть свою традиционную позицию поддержания во что бы то ни стало status quo в Турции. По этому поводу Маркс писал: «Поддержание status quo. О конечно! Только для того, чтобы поддержать status quo, Россия вызвала восстание в Сербии, сделала Грецию независимой, присвоила себе протекторат над молдавскими странами и Валахией и удержала за собой часть Армении. Англия и Франция и пальцем не пошевелили, чтобы помешать совершиться всему этому. Только один раз они подали признаки жизни, это было тогда, когда им в 1849 г. пришлось защищать не Турцию, а венгерских эмигрантов. Для европейской дипломатии и даже для европейской прессы весь восточный вопрос сводится к следующей дилемме: либо завоевание русскими Константинополя, либо status quo. Третьего исхода для них не существует»¹.

Боязнь обострения восточного кризиса, которое немедленно отразилось бы на судьбах европейской революции, вызвало бы новый революционный подъем, заставляла Англию держаться за мир на Востоке. Однако данный конфликт, принявший затяжной характер, вывел Англию из пассивного состояния.

В первых числах октября в константинопольской прессе появилась коротенькая заметка о движении английской эскадры под командой Паркера в направлении Дарданелл. Вот содержание этого исключительной важности сообщения: «Французское судно «Телемак» под командой контрадмирала Гервея получило приказ отправиться в море. После того как это судно покинуло наш порт (дело идет о Леванте. — Р. А.) и направилось в Корфу, в высшей степени важные депеши были посланы Стратфордом Каннингом на имя адмирала Паркера. Если можно верить, — продолжает депеша, — сообщениям из Корфу от 29 сентября, адмирал Паркер, который находился со своим флотом в этом порту (т. е. в Корфу. — Р. А.), приготовился к отплытию в направлении к Дарданеллам (разрядка моя. — Р. А.). Этот флот состоит из многочисленных судов, в том числе 7 линейных кораблей. В ночь с 5 на 6 этого

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 389.

месяца прибыл чрезвычайный посол из Австрии с депешей от венского кабинета. Говорят, что эти депеши обсуждают отказ Порты в выдаче беглецов из Виддина австрийскому и русскому правительствам. Депеши, прибывшие только что, не изменяют смысла тех инструкций, которые были ранее получены Штурмером от своего правительства...»¹.

О новых событиях трактуют переписка Пальмерстона с Каннингом и переговоры русского посла в Лондоне Брунова с Пальмерстоном.

В начале октября Пальмерстон направил Каннингу уведомление о том, что вопрос о демонстрации английского флота в Архипелаге решен положительно и что вызов флотилии в случае крайности должен быть произведен. К этому же моменту относятся усиленные попытки Брунова ликвидировать конфликт с Англией. 2 октября Брунов сообщает русскому кабинету, что движение эскадр является уже не разговором, а фактом. Брунов считает необходимым обратиться с формальной интерpellацией относительно целей и характера этого движения².

Вся цель русской дипломатии сводится теперь к тому, чтобы покинуть поле битвы победителем и если удастся предотвратить войну, то найти и изобличить «виновника» ее в лице Англии.

Соответственно позиция царского посла Брунова выразилась в следующем положении: «Если можно еще сохранить мир, то сохранение его будет заслугой императора. Если же все закончится войной, то виновником той катастрофы, которая отразится на судьбе Турции, будет английский кабинет»³.

То же стремление во что бы то ни стало «сохранить лицо» в конфликте с Турцией находит себе выражение в руководящих инструкциях Брунову.

Русское правительство, говорит инструкция, не может позволить Турции сделаться подобно Швейцарии приютом для революционеров, которые бы нарушали спокойствие русского государства, оно не может допустить, чтобы под прикрытием иностранных государств развивалась польская про-

¹ Добавление к донесению Титова из Буюкдере от 4 (16) октября 1849 г. АМИД, Constantinople 1849. Папка № 51—52.

² Донесение Брунова 2 (14) октября 1849 г. АМИД, Londres 1849. Папка № 107.

³ Донесение Брунова 1 (13) октября 1849 г. АМИД, Londres 1849. Папка № 107.

паганда. «Революционная зараза распространяется на весь Восток. Во имя своих ложных идей эмансипации и национальности восстанут все христианские провинции. Поэтому русское правительство продолжает настаивать на своих требованиях, и всякая попытка со стороны других правительств нарушить честь русского царя нарушает вместе с тем европейский мир; последствия этого нарушения неисчислимы»¹.

Русский посол должен был убедить английский кабинет в непреклонности русского правительства и вместе с тем приложить все старания для предотвращения войны².

Пальмерстон со своей стороны пытается оправдать передвижение эскадры соображениями чисто охранительного порядка: эскадра, по его словам, предназначена для наблюдения и охраны (*observation, attente*).

Границей ее передвижений является Средиземное море. Эскадра не войдет в Дарданеллы. До той поры пока Порта находится на мирном положении, сохраняется принцип закрытых дверей, установленный конвенцией 1841 г.³

Итак, движение английской эскадры, по уверению Пальмерстона, не представляет для России никакой опасности. Со стороны Брунова естественным был вопрос, чем же в таком случае вызваны все эти маневры флота?

На это он получил следующий ответ: разрыв дипломатических отношений между Турцией, с одной стороны, и Россией и Австрией — с другой, вызвал с точки зрения Пальмерстона недостаточно основательные опасения у турецкого правительства. Чтобы уничтожить и предупредить всякие возможности, Англия решила принять подготовительные меры.

Вся вышеприведенная мотивировка Пальмерстона — не что иное, как дипломатическая ложь. Из писем Пальмер-

¹ Экспедиция Брунова от 5 октября 1849 г. Палка № 108.

² Несмотря на чрезвычайную непреклонность тона, в этой же депеше впервые передавались условия русского правительства, говорящие о значительных уступках. Вместо выдачи имелось «изгнание» (*expulsion*); всем принявшим мусульманство грозила ссылка в Днарбекир. Эти условия были уступкой в сравнении с прежними требованиями царя.

³ Договор от 1 (13) июля 1841 г. (или Лондонская конвенция 1841 г.) был заключен между Россией, Австрией, Францией, Англией и Пруссией. По первому пункту договора Порты обязывалась не допускать ни одного иностранного военного судна в проливы Дарданеллы и Босфор, «пока Порты находится в мире». Все договаривающиеся державы, с другой стороны, обещали уважать это решение султана и сообразоваться с вышензложенным принципом. Во второй статье султану дозволялось выдавать фирманы на проход мелких судов под военным флагом, состоящих в распоряжении посольств дружественных держав.

стона к Нормэнби нам известно, что эскадре, находящейся в Дарданеллах, было отдано распоряжение на случай нужды оказать активную поддержку султану ¹.

Однако некоторые высказывания Пальмерстона Брунову звучат отнюдь не «дипломатически», а говорят о действительных фактах — о положении Турции как колониальной страны. На заявление Брунова, что появление военных судов может быть использовано для целей военной политики и что вообще военные суда чрезвычайно «плохие вестники мира», Пальмерстон заявил: «Что касается того впечатления, которое должно оказать присутствие эскадр на сознание турецкого правительства, то очевидно последнее, видя, как вокруг него концентрируются иноземные военные силы, делается по своему обыкновению более мирным. В общем Турция не чувствует себя особенно счастливой под иноземной защитой. Для нее лучше, если эта защита находится на далеком расстоянии, чем на близком». Английский министр Пальмерстон сказал сущую правду и в нескольких словах вскрыл смысл «дружбы» английского правительства к Турции.

С одной стороны, стремление держать царское правительство под непрерывной угрозой потери влияния в Турции, с другой стороны, боязнь обострения отношений с Россией заставляют английское правительство то предлагать, то отнимать руку помощи, многое обещать, но бесконечно медлить с оказанием действительной, реальной помощи.

И совершенно понятно, почему Брунов в качестве самого сильного аргумента выдвигает против Пальмерстона вопрос о судьбах Турции. Угроза эта должна была подействовать на сознание английского правительства неотразимо. Порта, по словам Брунова, — это очаг брожения и беспорядка. Только протекторат России над Турцией сдерживает национальную и религиозную рознь в империи султана. Выступление христианского населения против турецкого ига предупреждается в значительной степени стараниями русского правительства сохранить мир. Как только между Портой и русским правительством начнется вражда, так немедленно народы Турции проявят стремление к освобождению.

¹ В письме к Нормэнби от 29 сентября Пальмерстон писал: «Мы отдаем приказ нашим эскадрам, находящимся в Дарданеллах, быть готовыми к отплытию в Константинополь как для защиты Константинополя от нападения, так и для моральной поддержки султана» (*Evelyn Ashley, The life and correspondence of Henry John Temple viscount Palmerston*, p. 107—108).

Для того чтобы не нарушать европейского мира, нужно всячески устранять причины, которые могут нарушить дружественные отношения Турции с Россией¹.

Однако на этот раз не помогли самые сильные доводы русской дипломатии. Пальмерстон не желал отказываться от задуманной демонстрации.

Агрессивная политика царской России слишком многим угрожала английскому правительству, чтобы оно могло так легко отказаться от своих планов. Царское правительство способно было даже усилить страх западноевропейских держав перед лицом внешнеполитической активности России, представляя дело так, что все действия Англии и Франции в турецком вопросе определяются исключительно страхом перед Россией.

Руссофильская политика вигов и Пальмерстона привела, как предсказывал Маркс, к сильному возрастанию русского влияния на Ближнем Востоке, так что Англии приходилось серьезно с этим считаться. Реальное соотношение сил требовало отражения той агрессии, которая шла со стороны России. В этом направлении английский кабинет предполагал действовать совместно с Францией.

VII

Франко-русские отношения между тем начали ухудшаться под влиянием изменения международной конъюнктуры, хотя внутреннее положение французской республики не позволяло правительству занять сразу определенную позицию в восточном вопросе.

У нового французского посла в Петербурге Ламорисьера был довольно крупный разговор с Нессельроде по поводу отношения русских к той расправе, которую учиняли австрийцы над побежденными венгерцами. Ламорисьер запрашивал Нессельроде, собирается ли русское правительство принять меры, чтобы были прекращены ужасающие репрессии австрийского правительства. Последние, по словам Ламорисьера, «раздражают наиболее умеренную часть Франции». Нессельроде пытался возразить, что во Франции преувеличиваются слухи о репрессиях в Венгрии и «поднимают шум из-за пустяков»; что все это не более как злословие французской прессы.

На самом деле царь был непрочь приложить и свою руку

¹ Донесение Брунова 10 (22) октября, № 163. Папка № 107.

к этому кровавому делу. В октябре¹, трудно было сослаться царскому правительству на «злословие прессы» и доказывать свою непричастность к расправам над побежденными, ибо только что царь наградил Гайнау орденом св. Андрея, сопроводив его рескриптом особого царского благоволения за смелость и энергию генерала².

Но еще более решительно, чем против преследования венгерцев, французское правительство возражало против попытки Николая удержать некоторое количество войск в Венгрии и в Польше после окончания венгерской кампании. «Вы же понимаете, — говорил Ламорисьер Нессельроде, — то, что вы удерживаете в такой близости от наших границ такое большое количество людей, готовых к бою, заставляет нас держать наготове армию в количестве 500 тыс. чел. и 100 тыс. лошадей».

Резко ухудшил русско-французские отношения разрыв дипломатических отношений Австрии и России с Портой, создав реальную возможность выступления Франции в союзе с Англией против России.

Однако нельзя сказать, чтобы французское правительство было уже готово к решительному выступлению.

Французскому правительству приходилось считаться с серьезными внутренними затруднениями. Правда, вследствие неспособности мелкобуржуазных лидеров «мятеж 13-го июня ограничился... мирной уличной процессией». «О военных лаврах в борьбе против него не могло значит быть и речи»³. Меж тем это бескровное сражение было превращено во второй Аустерлиц, в прессе превозносилась доблестная армия, «Шангарнье был провозглашен героем и опорой порядка»⁴.

Непосредственно после этих событий пришли известия об осложнениях на Ближнем Востоке. Французский кабинет, представленный Токвилем, был в большом затруднении. Война угрожала партии порядка, угрожала самому ее существованию.

Наиболее точно об этом свидетельствует сам Токвиль.

¹ Гайнау в эту пору неистовствовал. К этому времени относятся расправа австрийцев с командным составом венгерской армии, о которой приходилось говорить выше. См. об этом также *Bapst*, op. cit., p. 108—109.

² *Bapst*, op. cit., p. 108—109.

³ *Ма жс*. Восемнадцатое брюмера Луп Бонапарта, ГИЗ, 1926 г., изд. ИМЭЛ, стр. 42.

⁴ Отпраздновав эту бескровную победу, собрание с половины августа до половины октября закрыло свои заседания, назначив на время перерыва постоянную комиссию.

«Прежде всего я считал своим долгом, — пишет Токвиль, — обратиться к Англии и написал частное письмо нашему послу, в котором изложил следующее: «Поведение Англии, писал я, определено большой ее заинтересованностью в выступлении и сравнительно небольшим риском...» (moins exposée dans le conflit, qui en peut sortir).

«Необходимо, чтобы английский кабинет высказался открыто и категорически, до каких пределов он собирается действовать.

«Я еще не забыл дело о Пьемонте. Если от нас требуют, чтобы мы поставили точки над «i», возможно, что тогда мы проявим большую решительность, иначе — вряд ли. Важно также, чтобы вы уверились в позиции, занятой в отношении событий ториями различных направлений, так как при парламентарном правлении, когда правительства могут быть сменены, поддержка господствующей партии не всегда является достаточной гарантией»¹.

Как известно, ответом на этот запрос было решение английского кабинета: 1) сделать представление русскому и австрийскому правительствам относительно турецких дел и 2) направить английскую эскадру через Средиземное море к Дарданеллам, чтобы в случае нужды суметь оказать помощь Константинополю. Английский кабинет предлагал Франции выступить совместно и действовать по тому же плану.

Приказ английского кабинета о выходе эскадры был отправлен в тот же вечер. «Это известие, — пишет Токвиль², — застало меня в нерешительности. Я считал необходимым поддержать благородное поведение нашего посла и притти на помощь султану, но я считал неблагоразумным в данный момент принять решение относительно войны. Англичане призывают нас действовать вместе с ними, но наша позиция совершенно не похожа на их. Снабжая Турцию оружием, Англия рискует флотом, мы же — своим существованием (разрядка моя. — Р. А.). Английские министры могут рассчитывать, что в крайности их поддержит парламент и нация, мы же, как только дело дойдет до войны, будем немедленно покинуты как собранием, так и страной, ибо все умы здесь всецело заняты затруднениями и опасностями внутри страны. Более того, я был убежден, что

¹ «Souvenirs d'Alexis de Tocqueville», Paris 1893, p. 400—401.

² «Souvenirs d'Alexis de Tocqueville», Paris 1893, p. 402—403.

наша активность, вместо того чтобы способствовать нашим намерениям, нанесет им вред.

«Если Россия, — а именно в ее действиях причина всего, — хочет воспользоваться случаем, чтобы вторжением в Турцию попытаться произвести раздел Востока (что я впрочем с трудом допускаю), то посылка нашего флота не уничтожит кризиса.

«Если же фактически все это происходит только для того, чтобы отомстить полякам (что является чрезвычайно вероятным), то наше выступление обострит положение, затруднит отступление царя и его чувство злобы будет поддержано его тщеславием»¹.

Эти откровенные признания французского министра иностранных дел как нельзя лучше характеризуют положение вещей. Война была опасна французскому правительству и господствующей партии порядка; в таком смысле Токвиль собирается произнести речь в совете министров.

Действия Опики были одобрены, но правительство не собиралось еще выступать на защиту Турции. Между тем конфликт затрагивал безусловно чрезвычайно существенные интересы французского правительства, и оно не могло легко от него отмахнуться.

Вместе с английскими, хотя и на втором месте после них, начинали идти на Восток и французские товары, а так как французы опередили англичан в развитии парового транспорта в Средиземном море, то английские товары попадали в Турцию часто на французских судах.

Помимо экономической заинтересованности были и политические мотивы, заставлявшие французское правительство внимательно следить за тем, что происходило на Востоке, и в особенности за действиями Австрии и России. Значительное влияние на позицию Франции оказывали итальянские дела. Только что французская республика пережила конфликт с Австрией на почве Пьемонта, когда в течение некоторого времени Австрия держала Францию в страхе за свои итальянские владения².

Положение было довольно сложным. Если Франция воз-

¹ *Tocqueville*, op. cit., p. 403.

² «Австрия, — писал Маркс, — во время венгерского восстания как будто намерена в случае чего возместить себя в Италии за свои неудачи в Венгрии. Меж тем включение Савойи в Австрию сломило бы шею нынешнему французскому правительству, если бы оно это потерпело» (*Маркс и Энгельс*. Соч., т. XXV, стр. 57).

держалась бы от выступления, то она бы тем самым способствовала усилению Австрии, которая, при помощи России одержав победу над турками, принялась бы немедленно за укрепление своих итальянских владений, а последнее означало угрозу французскому влиянию на территории Италии. Помимо этого Франции было чрезвычайно невыгодно оставлять поле действия за одной только Англией. Препятствием же выступлению было еще недостаточно прочное положение французского правительства, а также необходимость направить свой флот на спасение своего консула в Марокко, действия которого вызвали восстание местного населения. На последний факт указывает Пальмерстон Каннингу, считая выступление французского флота ненадежным; ибо он нужен для ликвидации восстания населения в Марокко¹.

Все же восточный кризис в конце концов заставил Францию выступить совместно с Англией против России.

В декабре 1849 г. Наполеон III выступил в совете министров и заявил, что он сделал распоряжение о посылке эскадры и что об этом решении был извещен английский посол в Париже Нормэнби. К великой досаде Токвиля его коллеги одобрили решение президента. Одиллон Барро заявил, что Франция «обращается к силе оружия для защиты Османской Порты от угрожавшего ей нападения»².

Решение Бонапарта вызвало бурю негодования среди консерваторов, сторонников Токвиля. Особенно неистовствовал Тьер. Он утверждал, что «Франция погибла, если не отступится от этого безумства». Все же Токвилю пришлось быть послушным исполнителем принятого решения. В этом духе им было составлено несколько инструкций Ламорисьеру, где он заявлял, что непримиримая политика царской России сорвала все усилия, потраченные на восстановление общественного спокойствия³. Токвиль рекомендовал французскому

¹ Письмо Пальмерстона Каннингу (*Evelyn Ashley*, op. cit., p. 116).

² Позднее Одиллон Барро следующим образом формулировал позицию французского правительства в этом вопросе: «Французское правительство отлично сознавало последствие своих шагов, однако это его не останавливало. Цель была возвышенная и справедливая, был хороший случай разрушить навсегда священный союз; это уничтожило наше колебание, и я думаю до сих пор (писалось это в эпоху империи. — P. A.), что наше решение было правильным» (цитируется из *Edmond Bapst*, *Les origines de la guerre de Crimée*, p. 98).

³ *Bapst*, op. cit., p. 99.

послу в Петербурге соблюдать все необходимые меры предосторожности, для того чтобы без особой нужды не обострять отношения между русским и французским правительствами.

Избегая всякой интимности в сношениях с английским послом, Ламорисьер должен был в то же время поддерживать с ним добрые отношения.

«Уясните себе всю нашу действительную позицию в этом вопросе. Мы не хотим войны, мы ее избегаем, мы ее боимся. Однако мы не можем себя обеспечить».

Французское правительство, по словам Токвиля, вполне одобрительно относится к смелому поведению Турции и не может отказать ей в помощи. Если данное выступление будет использовано Россией как повод для того, чтобы наложить руку на Турецкую империю, война станет неизбежной. «Несмотря на наше упорное стремление к миру, мы не позволим пасть Константинополю, не обнажив нашей шпаги»¹.

Жребий был брошен. Франция решила выступить совместно с Англией против царской России.

10 октября был отдан приказ французскому флоту немедленно выйти в море, направиться к Смирне и вступить в сотрудничество с английской эскадрой.

Расхождение между министерством и Наполеоном в вопросе о вмешательстве в русско-турецкий конфликт было одной из причин, приведших к отставке министерства Барро.

Дело близилось к войне. Англо-французские противоречия отходили на задний план перед лицом грозившей обоим государствам общей опасности со стороны царской России. Французское правительство не могло предоставить борьбу с Россией одной только Англии. Поэтому обе западноевропейские державы совместно выступали в защиту неприкосновенности турецких границ, за *status quo*, против стремлений России к новым захватам.

VIII

К этому моменту относятся переговоры царя с турецким послом Фуад эфенди. Накануне приема Фуад эфенди Николай писал, что дела русских с турками приняли дурной оборот «благодаря проискам канальи Стратфорда Каннинга».

¹ *Tocqueville*, op. cit., p. 406.

России угрожало совместное вмешательство европейских держав в конфликт. Царь не мог этого допустить. Он отложил предполагавшуюся демобилизацию части армии, ограничившись уменьшением резервов¹. Соппротивление Англии и Франции в данной обстановке ставило решительный предел захватническим вождениям Николая. Все его старания были направлены теперь на то, чтобы не довести дело до столкновения, чтобы как можно скорее ликвидировать конфликт, но вместе с тем оставить за собой последнее слово и сохранить вид победителя. В этом — основной смысл всего дальнейшего поведения русского правительства: «уступчивость» русского кабинета в отношении Турции была прямым результатом страха русского царя перед выступлением Англии и Франции. Император предлагал Брунову оказать энергичное давление на Пальмерстона, указав ему на бедственные последствия действий английского правительства: «Направление флота к берегам Леванта может иметь неисчислимы последствия для Европы, и в момент, когда вопрос о беженцах близится к ликвидации, поведение (английского. — Р. А.) правительства может поставить все под вопрос»².

Турецкий посол Фуад эфенди, приехав в Петербург, немедленно снесся с английским послом Бьюкеноном как представителем стороны, игравшей главную роль в конфликте. Затем последовало свидание с Нессельроде.

Нессельроде стал обосновывать права русского правительства в отношении эмигрантов на 2-м пункте Кайнарджийского договора, который обязывал Порту к выдаче политических преступников.

Однако турецкий посол возразил на это, что он приехал не для того, чтобы разрешать этот дипломатический казус. его задача — передать решение турецкого правительства о сохранении за собой права решения судьбы польских эмигрантов. Нессельроде заявил, что русское правительство не потерпит, чтобы Турция сделалась приютом для революционеров, опасных для спокойствия как самой Турции, так и соседних держав.

Однако Россия не могла уже отстаивать этот тезис с прежней решительностью, она вынуждена была пойти на уступки. При этом русская дипломатия всячески старалась

¹ Щербатов, цит. соч., т. VI. Письмо Николая от 18 сентября 1849 г., стр. 339.

² Донесение в Лондон от 12 (24) октября 1849 г. АМИД, Londres, 1849, т. 108.

представить дело так, что русский император не в силах отказать непосредственному обращению султана к его милости. Последнее обстоятельство, по словам Нессельроде, изменяет установку русского правительства; отныне характер спора должен быть другим¹. Отношение самого царя к переговорам с Фуад эфенди рисуется в переписке с Паскевичем. Сначала еще делается слабая попытка проявить упорство. «По содержанию везомого письма от султана решу, приму ли Фуад эфенди или нет. Мы не можем допустить явного нарушения трактатов»², — писал Николай.

Затем Николай идет на уступки, подчеркивая якобы сугубое влияние на это решение дипломатической позиции самого Фуад эфенди. Фуад эфенди появился перед ними «тих и смирен» и «с повинной головой». «Он тих, смирен, — пишет Николай в другом письме, — винит свое правительство и вызвался просить его согласиться на мое требование, чтобы ежели выдать не хотели нам, так чтобы выгнали от себя всех поляков, с какими паспортами они бы ни проживали»³. Царь якобы тронут непосредственным обращением султана и желает доказать, как велика его готовность во всех случаях удовлетворить желание турецкого властителя.

На аудиенции с царем были окончательно сформулированы требования императора:

1. Порте предлагается изгнать всех поляков, подданных императора, независимо от того, какими паспортами они снабжены. Это решение выполняется с участием и по указаниям русского посольства.

2. Порте предлагается войти в соглашение с теми иностранными державами, которых это касается, чтобы те поляки, подданные императора, которые получили права гражданства в других державах без согласия императора, могли быть изгнаны, если появятся в Турции и будут организованы

¹ Ответная депеша правительства Титову от 10 (22) октября 1849 г. АМИД, Londres. Папка № 51—52. О том же говорится в депеше Брунову, где одновременно подчеркивается, что польская пропаганда развивается в Турции главным образом под влиянием иностранных держав. «Мы не можем допустить, — писало русское министерство Брунову, — при современных условиях, чтобы Порта подобно Швейцарии сделалась приютом революционеров», а также центром польской пропаганды, распространяющейся при покровительстве иностранных держав, (депеша Брунову от 5 (17) октября 1849 г. АМИД, Londres. Папка № 108).

² Щербатов, цит. соч., т. VI, стр. 339, письмо от 23 сентября (5 октября) 1849 г.

³ Там же. Письмо Николая 5 (17) октября 1849 г., стр. 342.

вать какие-либо бунтовщические деяния, направленные против России.

3. Порте предлагается подвергнуть заключению в Диарбекире тех эмигрантов, которые должны были бы быть выданы, но которые перешли в ислам.

Если Порта согласится на предложенные Николаем условия, то дипломатические отношения между Портой и русским правительством восстанавливаются¹.

Одновременно царское правительство направило Порте список тех польских эмигрантов, которые подлежали изгнанию из Турции. Этот список содержал 16 имен, но среди этих 16 поляков были такие, которые совершенно не принимали участия в венгерском восстании, а, главное, некоторые из них были французскими и английскими подданными. Внесение в список этих последних было сделано русским правительством с определенной целью — поссорить Порту с западными державами. Нессельроде полагал, что Турция, только что «облагодетельствованная» уступкой царя, не будет возражать против удовлетворения последней просьбы и незамедлительно выплет всех поляков, указанных в списках, независимо от их подданства. Решение Нессельроде было передано немедленно Фуад эфенди и сообщено Титову с указанием, что если турецкое правительство согласится на требование императорского кабинета, дипломатические отношения будут немедленно восстановлены².

Итог переговоров был опубликован в официальном органе русского правительства «*Journal de St. Pétersbourg*» и немедленно перепечатан иностранными газетами. Русская дипломатия заработала с необычайной энергией. Нужно было показать Англии и Франции, что за Россией оставалось последнее слово, что правительство само, без иностранного вмешательства, разрешило конфликт с Турцией. Важно было

¹ Экспедиция Титову № 300 от 10 октября 1849 г. АМИД, 1849 г. Папка № 51—52. Экспедиция подчеркивает, что при исполнении царских условий необходимо иметь в виду, что эмигранты «изгоняются», а не покидают турецкую территорию, как простые путешественники; русское правительство подчеркивает насильственность приемов, при помощи которых Турция очищается от эмигрантов, от применения этих методов эмигранты освобождаются только в том случае, если им удастся скрыться тайно.

² К подданным Франции принадлежали следующие лица: Лодислав Замайский. Быстриновский (последний в ноябре 1848 г. был направлен Бастидом полномочным представителем Франции) и Чайковский, о котором издавна велась обширная переписка русского правительства с Турцией; он не был в Венгрии и все время жил в Константинополе (см. *Bapst, Les origines de la guerre de Crimée*, p. 117).

доказать, что английская нота, переданная Нессельроде Блумфильдом, получилась позднее, чем происходили переговоры между царем и Фуад эфенди.

В Константинополь была направлена депеша не только с изложением русских условий, но также и с объяснением причин, коими были вызваны уступки Николая. В этой секретной переписке правительство могло не скрывать истинных мотивов своих действий. Еще и еще раз оно подчеркивает, что решилось на уступки ввиду агрессивных действий Англии и Франции под влиянием их нот¹.

«Для того чтобы сильные на море державы не имели никакого предлога для вторжения, лучшим выходом было попытаться наладить отношения с Высокой Портой. Прибытие Фуад эфенди давало в этом отношении хороший случай». Император согласился отказаться от требования о выдаче. Титову поручалось закончить это дело: «Постарайтесь, — гласит инструкция, — сделать это как можно скорее, чтобы иметь возможность несколько позже заявить Стратфорду Каннингу, что между нами и Портой все уже ликвидировано (курсив мой. — Р. А.) и теперь можно быть уверенным в сохранении спокойствия на Востоке».

Основной задачей русской дипломатии, действовавшей по инструкции правительства, было показать перед иностранными державами, что честь ликвидации конфликта принадлежит русскому правительству и, более того, что спор разрешен им без всякого давления со стороны иностранных правительств, без всякого иноземного вмешательства, что нота английского правительства, переданная русскому кабинету уже после окончания переговоров, не могла оказать влияния на решение императора².

¹ Экспедиция № 371 от 10 октября 1849 г. Письмо Титову. АМИД, Constantinople 1849. Папка № 51—52.

Экспедиция подчеркивает, какими предосторожностями было обставлено вручение французской и английской нот. Ламорисьер не оставил себе даже копии той ноты, которую ему было поручено передать русскому правительству.

² Брунов немедленно сообщил о решении императора премьер-министру Росселю, причем поспешил подчеркнуть: во-первых, дело кончилось между Россией и Портой без всякого иноземного вмешательства; во-вторых, нота, адресованная Блумфильду 6 октября, была сообщена министрами царю только 17-го и ни в коем случае не оказала влияния на решения русского кабинета, принятые и опубликованные еще до получения ноты; в-третьих, вся полемика относительно смысла наших договоров совершенно исчерпана. и на дело, к которому она имела прямое касательство, она повлияла более в дурную сторону. Донесение Брунова от 17 (29) октября.

Вся эта хитрая дипломатическая механика была конечно мало убедительной. Вмешательство Англии заключалось не в ноте, а в агрессивных действиях, которые были хорошо известны и достаточно убедительны для русского правительства. Этого вмешательства было вполне достаточно для того, чтобы заставить русское правительство поспешить с ликвидацией конфликта, воспользовавшись для этого первым удобным случаем.

IX

Однако для русского правительства было впереди еще немало затруднений. Весь вопрос был в том, как примет турецкое правительство, а также и западноевропейские державы русские условия. Недаром Брунов, предвидя осложнения, составил обширную докладную записку, в которой подчеркивал, что если принятие первого и третьего условий соглашения (изгнание польских беженцев с территории Турции и ссылка в Диарбекир принявших ислам) зависит всецело от турецкого кабинета, то выполнение второго условия (изгнание поляков, подданных Франции и Англии) зависит уже не от одной Турции, но и от Франции и Англии; таким образом исход всего дела решается тем, позволят ли Франция и Англия выполнить Турции те условия, которые ставит ей Россия, позволят ли Франция и Англия жить Порте в мире с Россией. Поэтому Брунов считает возможным в случае возникновения каких-либо серьезных затруднений совершенно отказаться от требования изгнания поляков, принявших иностранное подданство, и тем самым исключить Англию и Францию из игры. Что план Брунова не казался русскому правительству чем-то одиозным, говорит пометка Николая: «*Tout cela me semble parfaitement juste*» (все это мне кажется совершенно справедливым)¹.

Английское правительство в вопросе об эмигрантах оставалось настроенным весьма непримиримо, как показывает тот факт, что английское министерство как раз в это время издало декрет о паспортах, один из пунктов которого касался специально прав лиц, принявших английское подданство.

1849 г. АМИД. Londres. Папка № 107. Между прочим Брунов здесь сознательно или бессознательно неточно указывает дату 17 октября. Уже 10 октября кабинет писал письмо Титову, где сообщал об английской ноте. См. *Exposition*, p. 301, 10 octobre. АМИД, Constantinople 1849, p. 51—52.

¹ Донесение Брунова без даты. Octobre, Novembre 1849. АМИД. Londres 1849. Папка № 108.

Этот пункт закона гласил, что английский паспорт, принадлежащий иностранцу, принявшему английское подданство, не защищает его против законов той страны, откуда он родом. Это ограничение в правах лиц, принявших английское подданство, означало, что польский эмигрант, снабженный английским паспортом, появившись в Польше, не может укрыться под защитой этого паспорта от преследования властей, действующих согласно законодательству его родины. Но в то же время этот пункт подтверждал, что вне пределов своей родины (например на территории Турции) польский эмигрант, принявший английское подданство, избавляется от всяких преследований за свою политическую деятельность¹. Настроение в Англии продолжало быть настолько угрожающим, что Брунову пришлось принять экстренные меры и попытаться воздействовать на общественное мнение через прессу.

Из депеши Брунова мы узнаем, что он должен был взяться за перо и превратиться в сотрудника такой респектабельной газеты, как «Times». Брунов составил комментарий к публикации о переговорах императора с Фуад эфенди. «Мои (комментарии. — Р. А.) появились сегодня утром в «Times» в обычной форме. Надлежащая цель будет достигнута², т. е. английская буржуазия, по мнению автора, сможет увериться в том, что русский царь действительно без всякого «вмешательства» со стороны иностранных держав ликвидировал восточный конфликт. Труднее было в этом убедить английское правительство.

О том, как восприняли английские правительственные круги решение русского правительства и исход переговоров с Фуад эфенди, лучше всего свидетельствует письмо Пальмерстона Каннингу. С точки зрения Пальмерстона «все окончилось хорошо». «Английское правительство и нация выказали твердость, великодушие и мужество, которые оказывают нам честь. Мы убедили Францию идти по нашим следам после многих раздоров и разногласий во французском кабинете и обществе. Мы заставили высокомерного самодержца отступить от своих наглых требований, мы вынудили Австрию отказаться от возможности еще раз упить кровью и мы спасли Турцию от позора и полного унижения.

¹ Выше цитированное донесение с меморандумом Брунова. АМИД, Londres 1849. Папка № 108.

² Донесение Брунова 22 октября (3 ноября) 1849 г. АМИД, Londres. Папка № 107.

Все это будет замечено и почувствовано в Европе, все это должны помнить мы сами, все это наконец должно свято храниться в благодарной памяти Турции, но всем этим мы не должны хвастаться; наоборот, пусть наши одурманенные честолюбием императоры пройдут возможно спокойней и пристойней через мост, по которому они отступят»¹.

Это письмо проливает свет на смысл дальнейших событий, на характер тех переговоров, которые ведутся после отъезда из Петербурга Фуад эфенди. Дело в том, что поведение Англии в первый момент смутило даже такого опытного дипломата, как Брунов. Английское правительство решило до поры до времени не отзываться адмирала Паркера из Дарданелл и в то же время сохранять такой вид, как будто оно признает конфликт ликвидированным по милости императора без всякого нажима со стороны Англии; словом, решило пока держаться скромно, чтобы императоры прошли спокойно через «мост отступления».

В этом смысле переговоры Брунова с Росселем в высшей степени характерны. Россель заявил, что он вполне удовлетворен той милостивой встречей, которую император оказал турецкому послу. Россель согласился с Бруновым, что конфликт между Россией и Турцией был благополучно разрешен благодаря великодушию императора, пошедшего султану навстречу, насколько этого можно было желать. Даже Брунов должен был признать, что позиция Росселя «*fort équitable*», хотя русский посол находил все же в заявлениях министра некоторые противоречивые нотки. Так, Россель полагал, что было бы неплохо предоставить эмигрантам самим найти способ покинуть турецкую территорию; при этом он приводил странное для министра иностранных дел соображение, что, дескать, скопление эмигрантов в одном месте не является выгодным для императора, ибо это означает создание нового очага беспорядка. Противоречивыми показались Брунову соображения Росселя относительно английского законодательства о натурализации. Министр, с одной стороны, как будто считал нужным, чтобы понятию натурализации не давали слишком широкого толкования, но вместе с тем он не допускал мысли, чтобы в Турции было уничтожено значение английского паспорта как защиты эмигрантов от преследований².

¹ Письмо от 28 октября (9 ноября) 1849 г. *Sproxtton*, Palmerston and the Hungarian Revolution, pp. 133—134.

² Донесение Брунова 22 октября (3 ноября) 1849 г., там же.

Однако, несмотря на некоторые отдельные высказывания, звучавшие диссонансом в общей благоприятной оценке позиции России в конфликте, тон Росселя оставался внешне fort équitable. Не совсем таким было отношение Англии по сути дела. События вступали в критическую фазу. Корабли Паркера не только не были отозваны из Дарданелл, но вошли в глубь пролива, нарушая тем самым договор 1841 г. Русским дипломатам предстояла еще очень большая работа, чтобы окончательно ликвидировать конфликт, и это произошло только тогда, когда пожелало этого само английское правительство.

Х

Далеко не так просто обстояло дело и с турецкими властями. Порта не желала принимать условия царя без внесения в них существенных поправок и ограничений. Политически наиболее важным было требование турок, чтобы изгнанию подвергались только те поляки, которые принимали участие в венгерском восстании и появились в Турции после его подавления. Турция возражала против высылки поляков, живших в ней издавна.

Титов указывает, что к числу тех, которых турки не желали удалять со своей территории, относились Чайковский, Ленуар и другие польские политические эmissары, издавна проживающие в Порте и издавна известные крамольными действиями против России. «Меж тем изгнание таких людей, как Чайковский, по словам Титова, настолько же затруднительно, как и выдача, так как, укрываясь незаконными европейскими паспортами, они не стесняются утверждать, что получили европейское подданство»¹.

Высылки таких лиц можно требовать, только ссылаясь на второй пункт условий, определенных в Петербурге. Однако к этому второму пункту турецкое правительство делало ту оговорку, что в случае каких-либо крамольных действий со стороны польских эмигрантов, снабженных иностранным паспортом, вопрос об их изгнании решается не единолично, а совместно с той или другой иностранной миссией по принадлежности.

¹ Донесение Титова от 4 (16) ноября 1849 г. АМИД, Constantinople 1849. Папка № 51—52.

¹⁷ Р. Авербух, Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией.

По третьему пункту турецкое правительство возражало против Диарбекира как места изгнания поляков, принявших ислам, и настаивало на двух местах их интернирования в пределах Анатолии — Ален и Кония.

Предложение Нессельроде было передано Титовым турецкому министерству 5 ноября. Турецкое министерство в лице Али паши немедленно обратилось за советом к французскому и английскому посольствам. В итоге была выработана ответная нота, в которой Порта заверяла царя в своей готовности удовлетворить все его требования и всячески бороться с теми, кто злоумышляет против России, но тем не менее объявляла себя бессильной что-либо сделать в отношении подданных дружественных держав, проживающих на территории Турции. Над ними турецкое правительство не имеет власти, выдать оно их не может. Императорскому правительству в данном случае надлежит обращаться непосредственно к посольствам заинтересованных держав.

Вот текст этой части ноты: «Порта, не считая себя вправе вмешиваться в права тех лиц, которые находятся под покровительством иностранных держав, и не имея никаких доказательств их виновности в тех преступлениях, которые им вменяются, решает, что необходимо русскому правительству обратиться к компетентным властям, которые определяют степень их виновности».

Этот ответ, переданный Портой непосредственно в канцелярию русского министерства иностранных дел, минуя посольство, был равносильен прямому отказу от высылки эмигрантов, подданных западноевропейских держав.

Вслед за тем турецкое правительство снова обратилось с запросом к посольствам Франции и Англии и получило ответ, что «Порта не имеет права определять судьбу этих лиц, что она должна остаться на нейтральной позиции»¹.

¹ *Bapst*, op. cit., p. 123. Порта обратилась непосредственно в канцелярию министерства, ибо Титов вел себя чрезвычайно высокомерно, требовал, чтобы в официальных публикациях объявлялось, что эмигранты не отправляются из Константинополя, а изгоняются (*chasser*). Очень сильно осложняло положение поведение Австрии, которая все время настаивала, чтобы эмигранты, сосланные в глубь Азиатской Турции, «*y fussent tenus sous une stricte surveillance, de façon à ne pouvoir ni s'évader, ni se livrer à des communications illicites avec l'extérieur*». Русское посольство поддерживало требование австрийцев (см. *Bapst*, p. 123. Донесение Титова 4 (16) декабря 1849 г.).

XI

Мы уже упоминали о том, что наиболее агрессивные действия западноевропейских держав против России начались как раз после переговоров с Фуад эфенди.

Английская флотилия под командой Паркера стремится пройти внутрь пролива. Для оправдания этих действий конечно находятся достаточно «убедительные» мотивы: Безикская бухта, в которой стоял союзный флот, объявляется опасным местом для стоянки кораблей. Безикская гавань окружена подводными рифами и открыта для ветров и бурь, между тем дело приближалось к зиме и флот нуждался в более надежном укрытии. География Дарданелл была всецело на стороне английских интересов, и английский консул в Дарданеллах мистер Кольверт сообщил Паркеру, что согласно существующим договорам 1841 г. он имеет право войти в самый пролив. Флот вошел в пролив и остановился в бухте Цирюльника.

С этого момента положение становилось угрожающим. Поведение английского командования показывало, что вопросом об эмигрантах русско-английский конфликт не исчерпывался. Задача русских послов как в Константинополе, так и в Лондоне состояла теперь в том, чтобы принудить английское правительство отозвать корабли из Дарданелл. Напряженный тон переговоров отражал не менее острые и напряженные отношения сторон¹. Русское правительство нотой поставило на вид турецкому невыполнение принципа «закрытых дверей» и нарушение договора 1841 г.

Нота была одобрена царским правительством. На депеше, в которой сообщалось о посылке ноты, рукою Николая было написано: «Nous en parlerons» (мы еще поговорим)². Этот разговор не замедлил последовать: «Ни ссыла на плохую погоду, ни коварное толкование договора, с помощью которого Порта пыталась оправдать инцидент, — писало царское правительство в одной из следующих инструкций послу, — не могут быть приняты во внимание в таком важном случае, когда речь идет о нарушении европейского мира. Одно из двух — или конвенция 1841 г. является обязательной или

¹ Донесение Титова 14 (26) октября (Buğsüderé 14 (26) Octobre № 104 Constantinople. Папка № 51—52).

² Донесение Титова Buğsüderé 27 октября (8 ноября) 1849 г. Папка № 51—52.

нет; во всяком случае как Дарданеллы, так и Босфор закрываются и открываются согласно договорам, которые это позволяют или запрещают. Не пускаясь в праздные рассуждения, можно утверждать, что если Порты благожелательно настроена в отношении английской эскадры, она должна быть также расположена к нашему флоту в Черном море»¹. Русскому послу поручалось передать копию этой депеши турецкому министерству. Атмосфера становилась исключительно напряженной. Последний аргумент о занятии Босфора был уже настоящей угрозой европейской войной.

При этом царская дипломатия все усилия сосредоточила на том, чтобы представить вхождение английского флота в Дарданеллы новой узурпацией со стороны Англии, нарушением договора о проливах, которое грозит опасными осложнениями и в частности обострением ближневосточного кризиса, уже ликвидированного было доброй волею императора. Английская дипломатия, наоборот, пыталась доказать, что появление кораблей в Дарданеллах тесно связано с разрывом русско-турецких отношений и непосредственно вызвано им, что оно не является нарушением договора 1841 г., поскольку Паркер «бросил якорь внутри пролива, но не прошел его» и т. д.

Вопрос ставился о возможности схватки между Англией и Россией. Однако в данный момент английский кабинет по некоторым причинам считал для себя возможным ограничиться одними угрозами, но решил военную демонстрацию все же довести до конца и оставить последнее слово за собой.

Широкие круги Англии были настроены крайне враждебно по отношению к России. Но ни виги, ни Пальмерстон, как показал в свое время Маркс и что полностью подтвердили наши документы, не ставили перед собой серьезных задач войны против России. С этой точки зрения демонстрация кораблей, по справедливому замечанию Брунова, есть не что иное, как «прекрасная театральная декорация для сцены парламентской жизни. Мы же фигурируем в роли актеров под аллюдисменты двух палат»².

Военная демонстрация была для английского правитель-

¹ *Projet d'une dépêche à Mr. Titoff (Constantinople 1844. Expédition 51—52, 28 Novembre 1849).*

² См. донесение Брунова от 22 октября (3 ноября) 1849 г. АМИД, *Londres. Папка № 107.*

ства хорошим средством заставить замолчать буржуазную оппозицию.

О том, каковы были настроения самого царя и его отношение к англичанам в этот момент, можно хорошо судить по письмам Николая к Паскевичу, пометам на дипломатических документах и пр.

Николай был глубоко возмущен поведением английского и французского кабинетов. На одном из проектов депеши Нессельроде к Брунову, который показался Николаю слишком примирительным, Николай пишет: «По совести, я не могу утверждать проекта этой депеши, ибо я нахожу, что она написана в слишком сладком тоне. Между тем мы уже знаем, что английская эскадра направилась в Дарданеллы. Полезно было бы ответить этому нахалу Пальмерстону, что его угроза нас не устрашает и что мы не допустим вмешательства в наши непосредственные сношения с Портой. Все это может быть сказано вежливым, но достойным и сильным языком». «Достойный и сильный язык» Николай сохраняет и в своих письмах к Паскевичу: «Свинства англичан и французов более и более объясняются, но они меня нимало не пугают; напротив, я считаю счастливым для себя событием, что они личину сбросили и вся бесстыдная злость их на наше величие обнаружилась. Теперь более чем когда-либо мы видим, что стоим одни, как скала посреди моря; их злоба о нас разобьется и наше презрение оплатит за их наглость»¹.

Не менее сильным языком начинают писаться и официальные депеши Брунову; в них все чаще фигурирует самый убедительный аргумент царского правительства: вступление русской эскадры в Босфор. В одной более поздней депеше мы встречаем упоминание об этой стадии переговоров, и здесь очень определенно подчеркивается, что Россия была вынуждена «или послать формальный протест на действия Англии, или двинуть русский флот в Босфор, подобно тому как английский флот вошел в Дарданеллы»².

Опираясь на эти инструкции, Брунов доказывал наличие *casus belli* в появлении английского десанта в Дарданеллах. Английская дипломатия долгое время ограничивалась формальными отводами и отрицанием факта нарушения договора 1841 г.

¹ Щербатов, цит. соч., т. VI, стр. 343.

² «Экспедиция» в Лондон от 9 декабря 1849 г. АМИД, Londres 1849, № 385. Папка № 108.

Пальмерстон в переговорах с Бруновым неоднократно касался этой темы: «Паркер, — по его словам, — не нарушал принципа закрытых дверей, он остановился внутри пролива, но не прошел его. Кроме того суда, составляющие эскадру, не входят в число тех, которым запрещен вход в Дарда-неллы»¹.

Позиция Пальмерстона сильно раздражала царское правительство.

«Не дожидаясь результатов обращения султана к царю, даже не дожидаясь нашего ответа на заявление английского посла Блумфельда, с заверениями относительно умеренных намерений императора, британское правительство организовало морскую демонстрацию, угрожающую нам», — писало русское правительство. «Более того, — продолжала депеша, — говоря о необходимости защиты Турции, правительство Англии само нарушает договор, целью которого была защита этой независимости»².

Особенной остроты достигла дипломатическая дискуссия во время посещения Бруновым Пальмерстона в Бродленде.

Эту дискуссию Брунов считает «одной из самых серьезных, которую» ему «когда-либо приходилось вести с лордом Пальмерстоном», с тех пор как он его знает³. Брунов резко критиковал позицию английского правительства, стремящегося оправдать действия Паркера. Политика Англии не что иное, как «политика фиакра». «Адмирал Паркер, — говорил Брунов, — производит на меня впечатление тех извозчиков, которые каждое утро мчатся во весь опор по моей улице с таким видом, что они сейчас снесут Пикадиллийский столб и однако остерегаются проехать слишком близко мимо него, чтобы не сломать своих колес».

¹ Донесение Брунова 12 (24) ноября 1849 г. АМИД, Londres 1849, № 188. Папка № 108. Русская дипломатия стояла, разумеется, на противоположной точке зрения. Эскадра Паркера — тяжелые военные суда. Разрешение на вход в проливы могло выдаваться только легким судам. Брунову принадлежит по этому поводу следующая фраза: «Если бы не трактат 1841 г., который является шлагбаумом, останавливающим соединенные силы двух великих держав Запада, то ничто бы не мешало сэру Каннингу призвать английскую эскадру к стенам Серали и тогда часы европейского мира были бы сочтены» (Донесение Брунова 22 октября (3 ноября) 1849 г., Londres. Папка № 107).

² Экспедиция Брунова 19 ноября (1 декабря) 1849 г. АМИД, Londres. Папка № 108.

³ Донесение Брунова от 12 (24) ноября 1849 г. АМИД, Londres 1849. Папка № 108.

Лорд Пальмерстон продолжал защищать Паркера, утверждая, что турецкое правительство разрешило ему спустить якорь на том месте, которое он выберет для своей стоянки. «В таком случае, — отвечал Брунов, — я должен вас поблагодарить за то, что вы научили меня, как нужно себя вести, чтобы сорвать выполнение договора. Я должен только прибавить, что если ваше рассуждение правильно в отношении адмирала Паркера, то оно будет таковым и в отношении адмирала Лазарева. Прецедент, который вы сейчас устанавливаете, нарушая принцип закрытия Дарданелл, открывает нам завтра двери Босфора. И тот и другой проливы могут открываться или закрываться в зависимости от того, насколько соблюдаются или нарушаются наши договоры. Это все, что я могу сказать в настоящее время».

Бродлэнд — это кульминационный пункт дипломатических споров. Их резкость и упорство говорили за то, что Англия не собиралась сдавать свои позиции и прекращать свои угрозы. Англия видимо выжидала момента, ждала ответа Порты, желая знать, как она отнесется к требованиям царя.

Необходимо отметить, что французское правительство следовало по пятам за английским, даже приводя те же самые аргументы в пользу движения флота.

Правда, французское правительство склонно было к ликвидации конфликта в гораздо большей степени, чем английское. Однако до поры до времени оно заняло выжидательную позицию. Французская эскадра находилась в Смирне, а затем получила приказ оставить Смирну и остановиться вблизи Дарданелл¹.

Четкое представление об основных мотивах этих действий английского правительства дает переписка Пальмерстона с Каннингом².

Английский флот должен был остаться, как считает Пальмерстон, в течение некоторого времени, даже после возобновления дипломатических отношений³. Английское правительство оставляло последнее слово за собой. После того как были сделаны уступки русским царем, оно заняло по-

¹ *Bapst*, op. cit., стр. 124.

² Тексты приведены в упоминавшейся выше книге *Ev. Ashley*, стр. 116 и сл.

³ Письмо от 16 ноября (*Evelyn Ashley*, op. cit.). Те же мотивы оставления флота в Дарданеллах изложены и в письме к Нормэнби. Письмо 4 ноября (*Evelyn Ashley*, op. cit., p. 119).

зицию выжидания. Оно считало необходимым задержать флот в Дарданеллах, демонстрацию не прекращать и наблюдать за тем, что будет дальше, как будет в дальнейшем вести себя царское правительство, не проявит ли оно в дальнейшем еще большую уступчивость, как отнесется к условиям царской России Порты и т. д.

Однако, несмотря на остроту отношений, несмотря на резкость дипломатических переговоров, Англия не желала доводить дело до войны: демонстрация ей была нужна для того, чтобы поставить пределы захватническим аппетитам России. Постольку, поскольку она торжествовала победу, форсировать события было не в ее интересах.

Конец 1849 г. Пальмерстон и виги не считали удобным для европейской схватки: война против России влила бы новые силы в революционное движение в Европе и привела бы к новому революционному подъему. Даже буржуазная пресса должна была признать подобное положение дел. Так Маркс цитирует Сен-Марка Жирандена из «*Journal des Débats*». Последний пишет: «Для Европы, по нашему мнению, существуют две великие опасности — Россия, угрожающая ее независимости, и революция, угрожающая ее социальному строю... Она может спастись от одной опасности, только отдав себя целиком во власть другой... Если Европа полагает, что узел ее независимости, и в особенности независимости континента, находится в Константинополе и что там надо смело решить этот вопрос, то это значит война с Россией. В этой войне Франция и Англия сражались бы за достижение независимости Европы. Как поступит Германия? Этого мы не знаем. Но мы знаем, что при теперешнем положении Европы война означала бы социальную революцию»¹.

Для ликвидации конфликта имело большое значение также колеблющееся поведение Франции. Уже в середине ноября французское морское командование получило приказ вернуть корабли из вод Леванта на прежнюю стоянку.

Царское правительство со своей стороны, получив ответ Порты, принуждено было пойти еще на одну уступку. Несельероде сообщил Фуад эфенди, что ответ Порты его удовлетворяет... что инцидент он считает исчерпанным.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. IX. Русский обман. Лондон, 7 июня 1853 г.

31 декабря были возобновлены дипломатические отношения и обмен нотами между Россией и Турцией¹.

Через несколько дней были отозваны английские корабли. «Наш конфликт с Турцией ликвидирован, — писал Нессельроде. — Я очень доволен, так как это постыдное дело, из которого надо было выбираться с наименьшим злом и как можно скорее»².

Царское правительство сделало ряд уступок в этом конфликте и не в его интересах было сильно раздувать размеры бывшей опасности войны. Николай, оценивая политику английского и французского правительств, бросает несколько пренебрежительных фраз: «И французская и английская эскадры получили приказание воротиться. Стоило ли ходить? Не глупо ли?»³. «Гора родила мышь!» — восклицает по адресу Англии Нессельроде⁴.

Хотя и окончившаяся ничем военная тревога конца 1849 г. интересна все же как предвестник Крымской войны с поразительно сходной ситуацией.

¹ В настоящей главе мы не рассматривали позиции Австрии в конфликте, так как ее роль была в общем второстепенной. В отношении венгерской эмиграции австрийское правительство было еще более настойчивым, чем русское, в применении репрессивных мер. Оно требовало, чтобы султан направил эмигрантов в отдаленные области Малой Азии и держал их там под стражей в течение 12 лет. В дальнейшем требуемый срок заключения венгерских эмигрантов был сокращен до 5 лет. Стратфорд Каннинг организовывал сборы средств, сносился с американским правительством, чтобы организовать переправку эмигрантов в Америку; американский посол предоставил судно для отправления эмигрантов в США. Однако турецкое правительство долгое время не соглашалось отпустить их, боясь венского двора и лишь в 1851 г. в январе эмигранты были отправлены в Америку; вожди венгерского восстания оставались еще в Турции, 1 сентября 1851 г. был освобожден Кошут. Австрийское правительство возобновило дипломатические отношения с Турцией в начале апреля 1850 г.

² *Nesselrode, Lettres et papiers de 9 Janvier 1850, p. 201.*

³ *Щербатов, цит. соч.*

⁴ *Nesselrode, Lettres et papiers de 20 Octobre 1849, p. 273.*

ВЫВОДЫ

В заключение остается подвести основные итоги изучения событий 1848—1849 гг.

Первое. Объединившись с Австрией, царизм осуществлял задачу европейской реакции и, проведя в 1849 г. интервенцию в Венгрии, расправился с венгерской революцией, которая была заключительным этапом европейского революционного движения, начавшегося в феврале 1848 г. Подавление венгерской революции имело неисчислимые последствия для судеб всей европейской революции в целом. Венгерская революция, идя по восходящей линии, могла победить, и тогда ход революционного движения в Восточной и Средней Европе принял бы совершенно иное направление. Создание независимой Венгрии могло бы привести к распаду габсбургской Австрии со всеми вытекающими последствиями: к созданию немецкой Австрии в качестве революционного центра Германии, к независимости Италии, к восстановлению Польши. Победоносная революция в Венгрии разрушила бы всю восточноевропейскую систему государств. Русская интервенция сделала неосуществимой победу революционной Венгрии. «В годы революции, — писал Энгельс, — подавление Венгрии русскими войсками было таким же решающим событием для Восточной и Средней Европы, каким июньский бой в Париже был для Запада»¹.

Второе. Интервенция была проведена в сравнительно короткий срок в силу того, что венгерское буржуазное правительство не смогло перевооружиться и дать русскому нашествию соответствующий отпор. Оно не могло «плебейскими методами» расправиться с феодализмом. Оно не разрешило основных задач революции, не освободило от феодальных

пут крестьянство, оттолкнуло его от себя и тем в значительной степени усложнило задачу национальной обороны. Часть же буржуазии и джентри в лице «партии мира» и Гёргея прямо сыграла предательскую роль.

Третье. Победа над Венгрией и предшествовавшая ей интервенция в Молдавии и Валахии были использованы царизмом в его устремлении к Константинополю и проливам. Эти замыслы сделались осуществимыми благодаря пассивности остальных европейских государств, занятых борьбой с революционным движением 1848 г. Английское правительство сохраняет дружественный нейтралитет при оккупации царизмом Молдавии и Валахии и затем во время интервенции Венгрии. Оно было заинтересовано в сохранении политического значения Австрии, чтобы перестраховать себя на случай будущих осложнений на Востоке, и потому предоставило России возможность расправиться с революционной Венгрией. Французская буржуазия, испуганная июньским восстанием 1848 г. в Париже, тем более не склонна была защищать революционную Венгрию. Она заняла реакционную позицию как во внутренней, так и во внешней политике и добилась дипломатического признания и союза с царской Россией ценой дружественного нейтралитета, сохраненного Францией во все время интервенции.

Четвертое. После подавления царем Венгерской революции назревает новая комбинация и меняется позиция европейских держав перед угрозой завоевательных планов царя. Общая опасность возросшего влияния царской России заставила Англию столкнуться с Францией относительно совместного выступления против царской России в конфликте, произошедшем по вопросу о польско-венгерской эмиграции в Турцию. Военная тревога 1849 г. выдвинула ту группировку держав, которая выступила в Крымской войне. В 1849 г. дела ограничились военной демонстрацией, ибо к войне не были готовы не только Россия, но и европейские державы. Тревога за последствия войны, боязнь революционного разрешения восточного вопроса, боязнь революционного подъема заставили Англию быть сдержанной и не форсировать события. Но военная тревога 1849 г. давала проекцию для будущего. Эпоха 1848—1849 гг. была исходным пунктом тех международных комбинаций, которые определяли как происхождение, так и итоги Крымской войны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОНЕСЕНИЕ РУССКИХ ПОСЛОВ В ВЕНЕ И ЛОНДОНЕ

Депеша барона Брунова графу Нессельроде ¹

Лондон, 8/20 апреля 1848 г.

Согласно приказаниям вашего сиятельства я сообщил лорду Пальмерстону депешу от 17/29 марта, уточняющую политическую систему, принятую императором в результате событий в Вене и Берлине. Я постарался оставить эту депешу в руках министра для того, чтобы довести о ней до сведения британского кабинета.

Через несколько дней при моем посещении министерства иностранных дел я убедился в благоприятном впечатлении, которое произвело это сообщение на английское министерство.

Лорд Пальмерстон мне сказал: «Ничто не могло быть благоразумнее той линии поведения, которую принял его величество император: не вмешиваться во внутренние дела соседнего государства, не проявлять агрессивности, но защищаться, если на вас нападают; вот сильная и спокойная политика, которую нельзя не оценить. Позиция, занимаемая вашим кабинетом, похожа на нашу. Мы держимся таких же взглядов. Как вы, мы стремимся поддержать мир у нас; если на нас нападают, мы готовы защищаться; мы не забегаем вперед, мы выжидаем события, стоя твердо на своих ногах. В отношении Европы ваше поведение превосходно. Конечно, прибавил он, императору следовало, может быть, сделать кое-что для Польши...».

На этом месте я просто прервал лорда Пальмерстона и, приложив палец ко рту, сказал: «Об этом мы говорить не будем».

¹ «Арх. рев. и вн. пол.», Londres 98/72. (Здесь и дальше в числителе — № папки, в знаменателе — № документа.)

Он ответил мне добродушно: «Вы правы, это касается императора, это не наше дело».

Его величество соблаговолит, я надеюсь, признать, что я таким образом одним ударом прекратил дискуссию по вопросу, в котором император является единственным судьей. Принимая во внимание кризис, в котором в данный момент находится Европа, я полагал, что должен был занять по отношению к английскому министру твердую позицию для того, чтобы исключить из наших с ним отношений предмет, по поводу которого оба кабинета держатся различных взглядов, вследствие чего в их интересах взаимно исключить его из своих переговоров.

После того как я устранил бесплодные споры по этому вопросу, наша беседа сосредоточилась на депеше от 17/29 марта, которая обращает внимание английского правительства на преступное поведение польских эмигрантов, поселившихся в Англии. Ваше сиятельство, вероятно, предчувствовали, что премьер-министр в ответ на это сошлется на отсутствие достаточного контроля над иностранными эмигрантами, до тех пор пока их поведение не содержит действий, наказуемых английским законодательством. Действительно, лорд Пальмерстон не преминул повторить еще раз при этом случае, насколько недостаточны те меры надзора, которыми английское правительство легально располагает в таких случаях.

Однако как доказательство дружеского внимания британского кабинета по отношению к нам он рассказал мне следующее. Несколько недель тому назад большое количество польских эмигрантов, занесенных в списки получающих вспомоществование в течение их пребывания в Англии, обратились в английское казначейство с заявлением о своем намерении отправиться в Берлин и с просьбой об ассигновании им шестимесячного пособия, которое правительство выдает эмигрантам, когда они навсегда покидают страну. Канцлер казначейства представил эту просьбу на решение министра иностранных дел. Премьер-министр ответил, что он не может дать своего согласия, так как отъезд польских эмигрантов, без всякого сомнения, связан с враждебными планами против России. Английское правительство полагает, что оно пренебрегло бы вниманием, которым оно обязано дружественной державе, если бы поощрило чем-нибудь эмигрантов, связанных с подобным предприятием.

Лорд Пальмерстон прибавил, что он принял это решение

по собственному побуждению и не предупреждая меня, для того чтобы иметь возможность указать на самостоятельность этого действия, если ему придется оправдывать его в случае парламентской интерpellации.

Наша беседа закончилась несколькими общими соображениями по поводу депеши от 17/29 марта, указывающими на будущее соглашение между Россией и Англией как на единственную возможность, способную предоставить Европе надежду на спасительную перемену.

Эта мысль о будущем, господин канцлер, действительно, имеется в умах благомыслящих людей как в Англии, так и у нас. Я встретил ее у герцога Веллингтона, лорда Абердина, лорда Лайндхерста, сэра Пилля. Я должен упомянуть еще имя лорда Хестербюри, который поручил мне повергнуть к стопам его величества чувства уважения и пожелание всего лучшего.

В недрах теперешнего кабинета перспектива, о которой я здесь говорю, представляется также в виде возможной, но очень отдаленной комбинации. Необходимо, чтобы в игру были втянуты крупные английские интересы, для того чтобы побудить правительство вигов отказаться от изолированности, которую оно положило в основу своей внешней политики. Впрочем события оказывают мощное давление на умы. Две державы, господствующие на границах Европы, среди разрушенной континентальной системы, представляют собой грандиозное зрелище.

Лорд Пальмерстон выразил эту мысль в следующих выражениях: Англия и Россия являются двумя единственными кораблями, не потерпевшими крушения. Посмотрим, не рискнем ли мы, когда успокоится буря, спустить наши шлюпки в море, чтобы спасти от караблеструшения кое-кого из тех, которые еще находятся на поверхности.

Примите и пр.

Брунов.

Депеша посла в Вене графа Медема графу Нессельроде ¹

Вена, 25 августа (5 сентября) 1848 г.

Господин канцлер!

На вчерашнем заседании Учредительного собрания один

¹ «Арх. рев. и вн. пол.», Vienne, 181/258.

из депутатов Галиции Сераковский сделал министру внутренних дел запрос, почему продолжается выдача наших дезертиров и какие меры принимает министерство для прекращения этих бесчеловечных действий (одобрения левой и свистки противоположной стороны)?

Г-н Доббльгоф ответил, что его удивляет продолжение этих выдач после данных по этому поводу повторных указаний¹.

Как только я узнал об этом ответе, я отправился к барону Вессенбергу, чтобы спросить у него, как должно расценивать заявление его коллеги. Оно является противоположным тому, которое мы вправе были ожидать от члена правительства, только что снова взявшего на себя формальное обязательство тщательно соблюдать между обеими нашими странами все существовавшие издавна договоры. Я только что представил вашему превосходительству и князю Варшавскому отчет о вполне определенных заверениях, данных мне по этому поводу господином председателем, и мне следовательно важно было знать, до какой степени было решено дать им ход. С готовностью, которую я считаю своим долгом отметить, г-н Вессенберг обещал не оставить никаких сомнений в твердом намерении правительства соблюдать обязательства, принятые относительно нас в договорах о взаимной выдаче дезертиров. При первой возможности он объяснится об этом с собранием. Что же касается г-на Доббльгофа, то он старался выдвинуть в свое извинение неумение отвечать на запросы, к которым он не подготовился.

Я узнаю, что этот министр, не выказавший ни разу ни уменья, ни решимости, просит об отставке вместе с министром общественных работ Шварцером, прежним главным редактором «Газеты Австрии», листка с революционным направлением; г-н Доббльгоф взял Шварцера к себе в помощники после выхода в отставку барона Пиллерсдорфа. Преемники этих двух уходящих в отставку министров неизвестны.

Примите, господин канцлер, уверения моего глубочайшего уважения.

Медем.

¹ На подлинном помета Николая: «Надо заявить, что если правительство даст ход невероятному заявлению Доббльгофа, я прикажу графу Медему покинуть Вену со всей миссией».

Денежа Фонтона графу Нессельроде ¹

Гитцинг, 14/26 октября 1848 г.

Господин канцлер!

С тех пор как я узнал о прибытии князя Виндишгреца в Гетцендорф, я, находясь вблизи от его главной квартиры, в Гитцинге, счел своим долгом представиться главнокомандующему, как единственной законной власти, которую может признать русское посольство. Я этого не хотел сделать позавчера, считаясь с тем, что князь был занят другими, более важными делами. Вчера я решил отправиться в Гетцендорф.

Фельдмаршал был занят приемом депутации от Национального собрания. Он мне сказал, что он хотел меня видеть, и назначил мне аудиенцию.

Я был очень доволен этой возможностью. Мне предстояло увидеть и услышать того единственного человека, от которого зависело спасение монархии, и я счел своим долгом известить вас о впечатлениях, вынесенных от этого свидания.

Князь принял меня с необычайной приветливостью; вид его был чрезвычайно серьезен. Он не пытался даже скрыть ту глубокую печаль, которая омрачила его лицо, печаль вследствие тяжелых несчастий гражданской войны, раздирающей монархию.

Очень часто в течение нашего разговора он с трудом сдерживал слезы, но эта чувствительность частного человека только возвышала ясность и необычайное спокойствие, с которыми он выполнял свои обязанности должностного лица.

С необычайной твердостью борясь с происходящими событиями, он не скрывал размеров опасности и ее серьезности. «У меня, — говорил он, — задачи необычайной трудности: необходимо подавить анархию не только физически, но и морально. Не было еще в истории примера, когда страна в столь непродолжительный срок до того была бы деморализована, как наша. Революционный дух охватил и увлек массы, подобно глыбе снега. Если не желать идти к полному разрушению, то необходимо оказать противодействие. Для этого нет недостатка в средствах».

Князь воодушевлен твердой, несокрушимой решимостью. Глубоко убежденный в необходимости не отступить,

¹ «Арх. рев. и вн. пол.», Vienne, 182/327.

он взвесил все шансы на победу и глубоко убежден в успехе своих усилий. Из каждого его слова чувствуется, что события не застают его врасплох и что их приход был предвиден. Он заранее рассчитал то направление, по которому он должен идти и куда он должен направить свои усилия, и как только придет решительный момент, он, вдохновленный своей решимостью, предпримет ряд действий, в результате которых, я надеюсь, монархия обретет свое спасение.

Задолго предвидя, что анархия в Вене должна кончиться катастрофой, князь Виндишгрец посоветовал двору, в случае надобности, покинуть Вену, но не спасаясь бегством, а находясь во главе войск. В то время как, следуя сему мудрому совету, двор постепенно достиг того места, откуда он мог управлять, князь Виндишгрец получил уведомление от принца Феликса Шварценберга обо всем том, что происходило в Вене, и был инициатором энергичных действий, в результате которых были мобилизованы те значительные силы, которые в настоящий момент осаждают Вену. Он привел в движение не только те войска, которые находятся под его началом согласно первоначальному плану, но также призвал на помощь войска тех главнокомандующих, которые находились по соседству.

Вследствие последних распоряжений ему удалось сосредоточить значительные силы у Вены, не уменьшая защиты соседних провинций. Как только князь Виндишгрец высказал мне все свои предположения, я поспешил его заверить, насколько счастлив его величество наблюдать, как все силы этой прекрасной и могущественной монархии будут приведены в действие энергичными приказаниями Виндишгреца на борьбу с теми беспорядками, жертвой которых сделалась его страна; я присовокупил к этому, что положение его императорского величества, высказанное при победах австрийской армии в Италии, направляется также на выполнение великой задачи обновления страны, предпринятой им.

«Я во всяком случае не сомневаюсь, — ответил мне князь, — в сочувствии императора делу, которое я защищаю. Его величество оказывает мне милость, выражая это сочувствие мне лично, и я беру на себя смелость откровенно и честно высказать ему мои взгляды. Когда вы будете писать графу Нессельроде, то будьте добры попросить его повергнуть мои чувства к стопам его величества и сказать ему, что предсказанное мною случилось, что вы меня видели, что я нахожусь здесь, имея в своем распоряжении силы, которые,

я надеюсь, окажутся достаточными, чтобы положить предел анархии, но, что если, не приведи господь, мои предположения меня обманут, если успех не увенчает наши усилия, то мы, не колеблясь, будем взывать к благородному сердцу его величества императора Николая»¹.

Я ответил князю, что не премину точно передать его слова. Затем он осведомился о графе Медеме, и я ему ответил, что мой начальник намеревается направиться к его величеству императору, и изъяснил ему причины, мешавшие ему это сделать до сих пор. Князь Виндишгрец ответил на это, что он уверен в теплом приеме императорского посла в Ольмюце, и предложил мне написать от его имени графу Медему. Он добавил, что утром он дал лорду Понсонби такой же совет, принятый там с готовностью.

Когда я собирался покинуть его светлость, он попросил меня успокоить наш кабинет относительно состояния монархии: «У нас царит очень большая анархия, но в нашем распоряжении есть еще могущественные средства, чтобы выйти из этого состояния; тем более и момент благоприятен; раз покончив с венским делом, — а это самое главное, — мы позаботимся о Венгрии; я твердо надеюсь, что дело примет хороший оборот, но в противном случае мы рассчитываем на благородное сердце императора»².

Не могу скрыть от вашего превосходительства, какое удовольствие я испытывал после того, как я так долго был невольным свидетелем всей разнузданности слов и действий, разыгрывавшихся в Вене, — когда я встретился лицом к лицу с человеком уравновешенным и полное достоинства речи коего так хорошо выражают ясность и спокойствие суждений и решительный и энергический характер которого не исключает известной доброжелательности, приветливости и гуманности, не изменяющих ему даже в присутствии тех, с кем он призван бороться. Если кто-нибудь способен возродить монархию физически и нравственно, как это он говорит, так это он сам, ибо, победив оружием, он сможет привлечь побежденных благодаря доверию, которое внушают достоинства его прекрасной души. С ним настоящее потрясение приведет к законной реакции, спокойной, исключаящей ненависть и мщение. Да увенчаются успехом его усилия; да сохранит его также провидение для монархии,

¹ Помета Николая I: «И я отзовусь».

² Помета Николая I: «И они не ошибутся».

ибо единственно он соединяет в себе совокупность необходимых в настоящем потрясении качеств¹.

Честь имею быть с глубочайшим уважением, господин канцлер, вашего превосходительства преданнейшим и покорнейшим слугой.

Фонтон.

Депеша графа Медема графу Нессельроде²

Ольмюц, 4/16 февраля 1849 г.

Мы только что получили известие, что по просьбе австрийских военных властей русские войска вступили в Трансильванию, в соответствии с инструкциями, которыми генерал-лейтенант Лидерс был снабжен на случай, если потребуется его помощь. До этого момента надеялись, что такой необходимости не наступит; для этого потребовалось вступление превосходных сил повстанца Бама, поддерживаемого польскими легионами, которому удалось поднять население секлеров в Трансильвании.

Признавая должным образом содействие, оказываемое нами умиротворению этих местностей, князь Шварценберг желает его как можно более ограничить, вследствие чего главному начальнику этой провинции дано распоряжение не расширять русской оккупации за пределы округов, пограничных с Кронштадтом и Германштадтом, и не продолжать ее дольше совершенно необходимого времени.

По просьбе Шварценберга, об этом предупреждается генерал-лейтенант Лидерс через офицера, который сегодня будет отправлен в Трансильванию.

Медем.

Депеша барона Брунова графу Нессельроде³

Лондон, 5/17 марта 1849 г.

Господин канцлер!

В обществе и торговых кругах Англии несколько дней тому назад распространилось опасение возможности разрыва между Оттоманской Портой и Россией.

¹ Помета Николая I: «Аминь. Николай».

² «Арх. рев. и вн. пол.», Vienne, 186/20.

³ «Арх. рев. и вн. пол.», Londres, 106/47.

Этот страх усилился сперва вследствие неточного, как я надеюсь, сообщения о последних объяснениях, которыми обменялись по поводу валашских дел наш посланник в Константинополе и турецкое правительство; затем вследствие известия о морских и военных вооружениях Порты; наконец вследствие вербовки в Париже польских офицеров, поступивших, по уверению французских газет, на службу Турции.

Эти обстоятельства, взятые вместе, произвели здесь очень тягостное впечатление в том смысле, что они уменьшили лелеянную всеми надежду на сохранение мира.

Несмотря на то, что я не получил непосредственно из Константинополя никакой информации, которая давала бы мне право полагать, что в ближайшем будущем произойдут изменения в наших отношениях доброго согласия с Турцией, я тем не менее счел своей обязанностью сделать все возможное для расследования, насколько распространенное в обществе недовольство разделяется правительством ее британского величества.

Вчера утром я имел по этому поводу конфиденциальный разговор с премьер-министром.

Я воспользовался этим случаем, чтобы сообщить ему полностью соображения, заключавшиеся в письме вашего превосходительства от 9/21 февраля, о трудностях, которые чинили до сих пор британские агенты при заключении окончательного соглашения между Портой и нами, в том, что касается внутреннего устройства дел княжеств. Я указал, насколько достойны сожаления подобные помехи, ибо они безосновательно задерживают восстановление порядка в Дунайских провинциях и вследствие этого оттягивают эвакуацию их нашими войсками. Я констатировал, что этими трудностями, столь некстати порожденными, британские агенты не только противодействуют намерениям нашего кабинета, но и мешают также намерениям их собственного правительства, в том смысле, что, вызывая отсрочку возвращения законного порядка вещей в Валахии, они содействуют усилению и ожесточению спора, который может закончиться серьезным столкновением между Россией и Портой.

Чтобы резюмировать совокупность этих рассуждений, я счел наилучшим, господин канцлер, представить лорду Россю письмо вашего превосходительства, заключающее в себе следующее место: «Я не думаю, чтобы подобное разре-

шение молдаво-валахского вопроса могло входить в виды английского кабинета».

Премьер-министр оценил эту истину, как она того заслуживала. Он в самых определенных выражениях заверил меня в высоком значении, придаваемом правительством ее величества сохранению мира и доброго согласия между Россией и Оттоманской империей. Он высказал полное доверие, которое он питает к доброжелательным намерениям императора в отношении Турции. Он выразил надежду, что Турция постарается не дать его величеству справедливых поводов к недовольству. Он признал, что она совершила бы важную ошибку, если бы приняла к себе на службу польских офицеров, как о том распускают слухи французские газеты, ибо их присутствие и их зловердная деятельность, пользующаяся такой печальной известностью во всех странах, где они нашли убежище, явилась бы для императора знаком враждебной мысли. Он выразил надежду, что это сообщение окажется поточным; он также усумнился в действительности военных приготовлений, совершаемых будто бы в Константинополе; он, казалось, рассчитывал на бдительность, с которой сэр Стратфорд Каннинг будет следить за тем, чтобы Турция продолжала держаться в отношении нас разумной мирной политики; он высказал свою уверенность, что наступившие в настоящее время разногласия в Валахии будут улажены удовлетворительным для обеих сторон соглашением между императорским правительством и Портой и не вызовут никакого изменения в их дружественных отношениях, в ненарушимом сохранении которых заинтересована прежде всего Англия. Он прибавил, что, судя по последним, полученным из Константинополя известиям, турецкое правительство предложило будто бы нашему посланнику обмен нот для урегулирования дел княжеств, вместо предполагаемого договора для вынесения решения по этому вопросу.

Премьер-министр, сообщая мне замечания, сущность коих я вам только что изложил, разумно воздержался от обсуждения подробностей, не касающихся, собственно говоря, Англии. Лорд Россель совершенно не интересуется изменениями, подлежащими внесению в органическое законодательство. На его взгляд, долг, относящийся к области большой политики, сводится к единственной цели: поддержать мир между Россией и Турцией, чтобы отдалить возможность нового осложнения на Востоке.

Лорд Россель, как мне показалось, здраво судит о важности этой великой выгоды. Я удовольствовался тем, что он вынес такое впечатление, и ограничился просьбой отнестись к этому вопросу с особой внимательностью.

Я закончил наше свидание следующим замечанием: «Мне известно, — сказал я ему, — твердое желание императора жить в мире с Турцией — именно потому, что мне известна в этом отношении воля императора, я и пришел говорить с вами сегодня. Если бы я относился равнодушно к возможности разрыва и несчастиям, которые он мог бы навлечь на Оттоманскую империю, я бы не пришел. Я бы предоставил событиям следовать их естественному течению. Я бы позволил дурным советам принести свой плод. Одним словом, если бы я полагал, что мой кабинет хочет войны, я бы молчал. Я с вами говорил, так как мне известно, что император хочет мира. Вам надлежит следить за тем, чтобы Порта смогла сохранить его счастливые последствия, не компрометируя их несправедливым недоверием или актами, которые могли бы быть расценены императором как знак враждебности».

Я обязательно дам лорду Пальмерстону отчет об объяснениях, которыми я обменялся с премьер-министром.

Вследствие моих личных отношений с герцогом Веллингтоном я счел своим долгом познакомить его в известность о предмете моего свидания с лордом Росселем. Знаменитый маршал целиком одобрил и побудительную причину и смысл моих речей. Он обещал мне свое содействие, когда в кабинете ее величества придется поддерживать представленные ему мною соображения о необходимости следить за тем, чтобы Оттоманское правительство не вступило по отношению к нам на путь, который рано или поздно привел бы к фатальным для сохранения мира последствиям.

Примите и пр.

Брунов.

Депеша графа Медема графу Нессельроде¹

Вена, 23 марта (4 апреля) 1849 г.

Господин канцлер!

Я имел сегодня утром, по прибытии князя Шварценберга в Ольмюц, беседу с ним, во время которой он очень подробно говорил со мной о положении Трансильвании, став-

¹ «Арх. рев. и вн. пол.», Vienne, 186/51.

шей очагом революционного движения, руководимого поляками, к которым присоединились итальянцы, французы, немцы и даже несколько англичан. Они добились того, что стали хозяевами страны и готовятся теперь направить свои преступные происки против соседних областей, особенно против княжеств, где они развивают большую деятельность с целью привлечь к себе сторонников и распространить отсюда дальше свои разветвления. Князь говорил мне в то же время о необходимости прекратить как можно скорее это положение вещей, столь губительное для дела порядка и тех общих интересов, которые обе соседние державы должны защищать. Для того чтобы быстро этого достичь, необходимо вступление достаточного количества русских войск в числе от 25 до 30 тысяч человек¹. Австрийские военные силы будут пока что применены для подавления восстания в Венгрии; 14 новых батальонов двинулись на усиление этой армии, которая через несколько дней достигнет достаточной численности, для того чтобы начать наступление против бунтовщиков со всеми шансами на успех. Последний не может быть полным, если, с другой стороны, очаг мятежа, т. е. Трансильвания, не будет занят русской армией, наступление которой облегчается длиной границы, в то время как Австрия не имеет возможности провести это наступление сама.

В доказательство того развития, которое приняли в последнее время революционные происки в Трансильвании, князь Шварценберг ознакомил меня, помимо других документов, с перехваченными письмами Бэма и с донесением одного австрийского консула, которые устанавливают, что этот мятежник поддерживал, по своему прибытии в Германштадт, сношения с одним английским консульским агентом, посланным английским консулом в Бухаресте.

Когда премьер-министр попросил меня сообщить вашему сиятельству о срочной необходимости нашего вступления в Трансильванию в интересах того общего дела, которое нам надлежит защищать от революционных злоумышлений, то я не считал себя вправе обязаться выполнить это поручение иначе, как при условии, что он со своей стороны напишет графу Буолу, причем изложит ему эту просьбу о вмешательстве по пунктам, признав таким путем официально свои действия. Это является единственным спо-

¹ Помета Николая I: «Мы займем Буковину и Галицию, или я не двинусь».

собом предупредить ложное истолкование сущности нашего сотрудничества в столь важных обстоятельствах.

Премьер-министр обязался это сделать. Он напишет об этом австрийскому представителю при нашем дворе, изложив самым подробным образом причины, побуждающие правительство сделать этот шаг, обусловленный серьезностью обстоятельств.

Примите и пр.

Мѣде м.

Денеша графа Медема графу Нессельроде ¹

Вена, 1/13 апреля 1849 г.

Господин канцлер!

Я только что получил и сообщил князю Шварценбергу денешу от 25 марта, касающуюся его просьбы о концентрации наших значительных сил в наиболее угрожаемых пунктах галицийской границы и о разрешении этим войскам вступить на австрийскую территорию и содействовать быстрому подавлению мятежа.

Мне было поручено вашим сиятельством сообщить премьер-министру, что желаемая им концентрация уже произведена; что же касается последней просьбы, то я был уполномочен ответить от имени нашего августейшего государя, «что несчастные события в Трансильвании доказали лишний раз его величеству, насколько частичная помощь компрометировала бы его войска, оказалась бы недостаточной для дела, которое с такой энергией защищает Австрия. Император мог бы исполнить пожелания австрийского правительства лишь при следующих условиях:

1. Что корпуса, призванные перейти границу, будут достаточно многочисленны для того, чтобы самостоятельно выполнить поставленную перед ними задачу.

2. Что эти корпуса не будут присоединены к австрийским войскам, которые освободятся и смогут послужить для усиления армии кн. Виндишгреца. Помимо преимуществ, извлекаемых из этого Австрией, удастся избежать столкновений между войсками различных армий, поставленных под командование генералов, не принадлежащих к одной империи.

Император считает, что это единственный способ обеспечить успех военных операций, ради которого привлекается

¹ «Арх. рев. и вн. пол.», Vienne, 186/59.

наша помощь, вследствие чего это — единственные условия, на которых он может ее оказать Австрии».

Признавая с живейшим удовлетворением неизменное желание нашего августейшего государя помочь австрийскому правительству в борьбе, которую ему приходится вести, князь Шварценберг сообщил мне, что он оценивает должным образом оба условия, поставленные императором, и с готовностью принимает их от имени своего правительства.

Премьер-министр предполагает объяснить по этому поводу непосредственно с помощью графа Буоля. Представляя полностью на усмотрение императорского правительства определение способов и военных деталей его сотрудничества, князь Шварценберг, ссылаясь на проект плана операций, который я имел честь сообщить в моем донесении за № 57, высказал лишь пожелание, чтобы один корпус с достаточным количеством императорских войск был предназначен для действий в Буковине и для похода на Тшуцу, на Быстрицу и на Марош-Васаргели, чтобы затем соединить его действия с операциями частей, которые наше правительство сочтет уместным ввести в Трансильванию через Кронштадт.

Что касается численности войск, то министр-президент думает, что состав приблизительно в 40 000 человек соответствовал бы местным условиям и был бы достаточным для достижения намеченной цели. Впрочем как в этом отношении, так и во всех других австрийский кабинет вполне согласен с тем, чтобы предоставить императорскому правительству полную свободу и независимость в действиях. Офицеры, посланные на места для прикомандирования к разным русским начальникам, предназначаются лишь для сообщения нужных сведений о местностях, которые придется проходить, и для обеспечения снабжения в более или менее разоренной стране.

Кроме того князь Шварценберг говорил со мной о необходимости сосредоточить достаточные военные силы в окрестностях Кракова для того, чтобы иметь возможность противодействовать движению мятежников в этой части Галиции, так как предполагается, что у них имеется такое намерение.

Это донесение было послано князю Варшавскому в незапечатанном виде, причем последнюю просьбу я не сделал предметом специального сообщения его сиятельству.

Депеша графа Медема графу Нессельроде ¹

Вена, 15/27 апреля 1849 г.

В ответ на сообщения, которые я счит своим долгом послать генерал-фельдмаршалу князю Варшавскому по поводу просьбы австрийского правительства о немедленной присылке одного армейского корпуса через Краков и Галицию в Венгрию для поддержки австрийских частей, вынужденных отступить перед превосходными силами повстанцев, его светлость поручил мне сообщить князю Шварценбергу, что он не может исполнить этой просьбы раньше, чем он не получит распоряжения императора. Депеша от 25 марта, на которую министр-президент ссылается в своей официальной ноте от 21 апреля, касается только вступления наших частей в Буковину и Галицию для подавления восстания, а вовсе не отправки войск в Венгрию. Сообщая мне о том, что он испросит приказаний их величества, князь указывает на необходимость договориться с австрийским правительством о мероприятиях для обеспечения наших частей как продовольствием, так и военным снаряжением на тот случай, если они будут призваны для военных действий в какой-либо австрийской области. Его светлость предлагает мне сговориться на всякий случай о командировании в Варшаву доверенного лица, которое было бы уполномочено точно установить все детали этих мероприятий.

Князь Шварценберг вполне признал, что его светлости необходимо дожидаться распоряжений императора, поскольку он сам не обладает необходимой властью для принятия решения. Он передал мне свою официальную ноту от 21 апреля с просьбой о немедленной помощи, предполагая, что генерал-фельдмаршал уполномочен ввести также и в Венгрии военную помощь, о которой просила Австрия. Министр-президент признал необходимым послать в Варшаву доверенного офицера, уполномоченного установить вместе с нами мероприятия для продовольственного и военного снабжения наших войск. Эту миссию поручено выполнить полковнику Шнобельну. Сегодня вечером он отправляется в путь через Краков, чтобы получить здесь точные сведения о мерах к снабжению наших войск, уже принятых, согласно распоряжениям, отданным военным и гражданским властям в Галиции. Полковник Шнобельн будет в состоянии войти в сноше-

¹ «Арх. рев. и вн. пол.», Vienne, 186/72.

ние с нашим военным командованием в Варшаве, будучи вполне осведомленным о предмете переговоров. Князь Шварценберг только что получил из Ясс сообщение, что значительные русские силы расположились в Бессарабии и предназначены вероятно для вступления в Молдавию немедленно вслед за прибытием курьера, посланного императором к генералу Лидерсу. Командующий нашими частями в Подолии вступил в сношение с полковником Урбаном, командующим частью австрийских войск в Буковине. Князь Шварценберг заключил из этого, что наши войска уже получили приказ вступить в Трансильванию с двух указанных сторон.

Выражая мне свою благодарность и живейшее удовлетворение по поводу готовности прийти на помощь Австрии, князь Шварценберг высказал с своей стороны уверенность, что борьба с революционными элементами, сосредоточившими свои действия в восставшей части Венгрии, продолжится не больше трех недель, считая с того дня, когда прибытие наших войск позволит общими силами перейти в различных пунктах в наступление. Услуга, которую мы окажем при этих обстоятельствах Австрии и делу порядка вообще, сказал мне министр-президент, будет высоко оценена правительством Его Апостолического Величества Императора и короля как знак сердечного и тесного союза двух империй, согласных во всех политических вопросах и защищающих одни и те же интересы. Австрийский кабинет не предполагает это держать в тайне, что произведет благоприятное впечатление на другие кабинеты, заинтересованные в поддержании порядка. В последнем донесении г-н Гюбнер сообщает о переговорах с гр. Моле, влияние которого в консервативной партии очень значительно. Он настойчиво советовал ему предложить князю Шварценбергу добиваться помощи России для подавления восстания в Венгрии; от этого зависит спокойствие Европы, будущее всех стран, начиная Францией. Очаг революции в Венгрии должен быть разрушен как можно скорее.

Медем.

Депеша барона Брунова графу Нессельроде ¹

Лондон, 23 апреля (5 мая) 1849 г.

Господин канцлер!

Положение дел в Венгрии приобретает со дня на день

¹ «Арх. рев. вн. пол.», Loondres, 106/73.

все большее значение в глазах английского правительства и общества. Укрепляется мнение, что наступил тот момент, когда Австрия, не будучи в состоянии восстановить порядок в этой части империи, окажется вынужденной прибегнуть к материальному содействию России.

Если эта возможность осуществится, то она конечно не из тех, которые могут быть встречены британским правительством с удовлетворением. По его мнению, это вызовет усиление русского влияния, что создаст неблагоприятный контраст с той неудачей, которую английская политика недавно потерпела как на севере, так в центре и на юге Италии.

Эти соображения вызывают у правительства ее британского величества беспокойство в отношении перспективы интервенции России в Венгрии.

Лорд Пальмерстон избегал до сих пор касаться этого вопроса. Его молчание избавило меня от всяких преждевременных объяснений до получения повелений императора, которые укажут мне, в каком духе я должен высказываться для осуществления его воли.

Тем не менее до меня доходит с разных сторон, что правительство ее британского величества может в соответствующем случае счесть себя вынужденным быть сдержанным или заявить протест, изолировано или же совместно с Францией.

Эти слухи распространились среди лиц дипломатического корпуса. Некоторые из моих коллег мне о них говорили. Я выслушал эти сообщения, не придавая им ни малейшего значения. Я ограничил свой ответ указанием, что если император будет призван оказать поддержку союзному двору для того, чтобы помочь ему восстановить порядок в его государстве, смежном с Российской империей, то наш августейший государь будет несомненно свободен в своих решениях, и его величество полностью и целиком воспользуется этой свободой, не считаясь с мнениями по поводу нашей интервенции.

Только такая речь соответствовала обстоятельствам. Я не встретил никого, кто бы сомневался в праве императора оказывать свое содействие Австрии, когда и в какой форме он захочет.

Я хотел бы здесь отметить, что из говоривших со мной о венгерских делах герцог Веллингтон высказал о них наиболее правильное мнение. Он высказался по этому поводу в ясных и кратких выражениях, обычных для этого великого полководца.

«Настало время для Австрии, — сказал он мне, — покончить с Венгрией. Если у ней нет для этого средств, то она должна просить их у императора. Но эти средства должны быть достаточно великими. Было ошибкой, большой ошибкой просить 4 тыс. чел., когда требовалось 40 тыс. чел.»

Я повторил эти слова Меттерниху. Его поразила их справедливость. Он ответил мне остроумными словами, которые не могу отказать себе в удовольствии передать вашему сиятельству.

«Замечания герцога, — сказал мне князь Меттерних, — напоминают мне то, что произошло во время испанских дел, после осады на Трокадеро. Мадридский кабинет обратился тогда к г. Уврару с просьбой о займе в 20 миллионов франков. На это г. Уврар ответил: я не знаю ни одного банкира в Европе, который был бы склонен ссудить Испании 20 миллионов. Но если она попросит у меня 200 миллионов, то я доставлю их ей завтра».

Князь Меттерних правильно применяет эти слова к теперешнему положению вещей в Венгрии. Австрия, домогаясь недостаточной помощи, просит о невозможном. Количество необходимых вспомогательных войск должно соответствовать размеру трудностей, которые нужно будет преодолеть. По мере того как помощь будет откладываться, она должна будет становиться все значительнее, так как восстание имело время распространиться по стране и организовать свои силы, что не случилось бы, если бы венский кабинет с самого начала принял решение прибегнуть к содействию России.

Князь Меттерних не упрекает в этом министерство Шварценберга. Он понимает, что Австрия предпочла бы усмирить восстание в Венгрии своими собственными силами, без иностранного содействия. Но диверсия, вызванная войной в Италии, рассеивая силы, которыми располагает австрийская монархия, очень ослабила ее способность к действию. Это положение следовало бы серьезно принять во внимание и соответственно этому действовать. Поступая иначе, мы имели неосторожность совершить большую ошибку. Превратности, испытанные в Венгрии, представляют результат этого недостаточного расчета. Таково мнение князя Меттерниха.

Граф Коллоредо находится в полном неведении о решениях своего двора относительно венгерских дел.

Последние новости относятся к 29 апреля. Князь Шварценберг сообщает ему о вступлении австрийских войск в Тоскану и в легатства с целью содействовать восстановлению

легитимной власти во Флоренции и в Риме. Он добавляет, что венский двор предпочел бы, чтобы французская экспедиция в Чивитта-Веккиа явилась результатом соглашения, установленного в Гаете между Австрией, Неаполем, Испанией и Францией, и что последняя, взяв на себя инициативу операций, в некотором роде предвосхитила решения конференции в Гаете, но хотя эта демонстрация как будто произведена Францией без предварительного соглашения с тремя другими дворами, она окажет тем не менее благоприятное влияние в том отношении, что она будет способствовать ускорению восстановления папы в его государстве.

Другая депеша, также датированная 29 апреля, сообщает о том, как венский двор решил облегчить заключение мира с Сардинией, уполномочив г. Брука сократить сумму военных возмещений, настаивая на частичной оккупации Александрии и сохраняя принцип непосредственных переговоров с турецким двором, с исключением всякого постороннего посредничества.

Граф Коллоредо пожелал прочесть мне обе эти депешы до их сообщения лорду Пальмерстону.

Брунов.

Депеша барона Брунова графу Нессельроде¹

Лондон, 29 апреля (11 мая) 1849 г.

Господин канцлер!

Я встретил лорда Пальмерстона третьего дня вечером на придворном концерте. Я воспользовался этим случаем, чтобы сообщить ему как обыкновенную информацию известие, которое граф Медем мне любезно передал о прибытии в Вену генерала Берга и о сущности его миссии.

Я сделал ему это сообщение с определенным намерением отметить, что наше соглашение с Австрией относительно военных мер, которые необходимо принять совместно для подавления восстания в Венгрии, уже осуществляется, так что его следует уже рассматривать как совершившийся факт, о котором излишне говорить.

Статс-секретарь прекрасно понял это намерение. Не вступая со мной ни в малейший спор по этому вопросу, он ограничился словами: «Кончайте с этим поскорее».

Я считаю своим долгом, господин канцлер, осведомить вас об этом без промедления. Вам, без сомнения, важно

¹ «Арх. рев. и вн. пол.», Londres. 107/83.

знать возможно раньше о впечатлении, произведенном на английский кабинет известием о нашей военной помощи Австрии. Иностранные газеты уже передавали представления, сделанные будто бы нам правительством ее британского величества с целью отклонить нас от выполнения этого большого предприятия. Дипломатический корпус в Лондоне, как я сообщал вашему сиятельству в одном из моих предшествующих донесений, уже предвидел возможность английского протеста. Все это положение повидимому опровергается словами лорда Пальмерстона: «Кончайте с этим поскорее».

Я рассматриваю эти слова, как настоящее выражение мнения английского кабинета. Если наше энергичное и быстрое действие будет сопровождаться решительным и скорым результатом, то Англия примет факты такими, как они есть, если не без сожаления, то по крайней мере без спора.

Если борьба с переменным шансом на успех продолжится, то британский кабинет будет иметь время на размышление. Без Франции он не предпримет ничего. Совместно с Францией он может попытаться создать нам затруднения, если общественное мнение в Англии энергично выскажется в пользу Венгрии. В настоящее время наше военное содействие Австрии является еще слишком новым событием, чтобы общественное мнение могло иметь время вывестись.

Первой реакцией общества было крайнее изумление. Действительно, для Англии это — внушительный спектакль. Господин канцлер, видеть, как русская армия приходит в движение после столь длительного и столь глубокого бездействия. Возникает вопрос, далеко ли она сможет зайти в своем движении.

Вторая реакция выразилась в прямом упреке правительству вигов в том, что оно покинуло Австрию, свою старую союзницу, и поставило эту монархию в необходимость прибегнуть к содействию России, усиливая влияние последней в такой степени, что оно привлекает внимание Англии, даже если оно ее еще не беспокоит.

Третьей реакцией, на которую я должен здесь указать, так как я ее уже замечаю, является сознание неравенства в борьбе между Венгрией и соединенными силами Австрии и России, неравенство, против которого восстает английский инстинкт, дорожащий удовольствием, доставляемым зрелищем борьбы, происходящей с равными шансами.

К этому чувству присоединяется врожденная симпатия, ощущаемая англичанином к делу конституции всюду, где оно ставится под вопрос. При таком состоянии умов, которое безусловно приняло характер навязчивой идеи, английская публика издавна увлечена мнимой древней свободой Венгрии. Эта страна, наполовину варварская, наполовину рыцарская, обладает в воображении англичан каким-то обаянием, к которому прибавляются смутные идеи о цивилизации, о торговом и политическом расширении по Дунаю. Я отмечаю существование этих идей, потому, что надо ожидать, что они будут использованы для возбуждения симпатии общества в пользу Венгрии, борющейся с Австрией и Россией.

Надо надеяться, что совместные действия этих двух держав дадут достаточно скорые результаты, чтобы положить конец анархии в Венгрии, прежде чем она успеет принять видимость законно установленного правления.

Герцог Веллингтон говорил со мной в этом духе третьего дня вечером, когда я его встретил при дворе. Он снова благодарил меня за мнение, высказанное мной накануне о миссии генерала Берга в Венгрии. «Постарайтесь, — сказал он мне, — действовать большими массами, с достаточными силами для того, чтобы подавить анархию сразу. Ведите большую войну, с большими средствами. Вы ими обладаете».

Эти слова знаменитого маршала выразили военным стилем в точности ту же самую истину, которую лорд Пальмерстон установил в политике: «Кончайте с этим поскорее».

Я не преминул сообщить тотчас же эти подробности графу Коллоредо для того, чтобы он известил об этом свой двор. Он сделал это вчера.

Я хотел прежде всего рассеять беспокойство Австрии по поводу возможности английского противодействия плану, нашего совместного выступления. В настоящее время не существует даже мысли о таком противодействии. Но для того чтобы она не родилась, надо действовать мужественно, быстро и при полном согласии между Австрией и Россией.

Это убеждение я хотел укрепить в мыслях венского кабинета путем конфиденциальных сообщений, которые я сделал его представителю в Лондоне.

Мы сговорились между собой действовать совместно в этом серьезном положении со всей энергией, возбуждаемой в нас значением доверенных нам интересов.

Брунов.

Депеша барона Брунова графу Нессельроде ¹

Лондон, 2/14 мая 1849 г.

Позиции Пальмерстона продолжают оставаться пассивными. Сообщая мне вчера, что Мажени оценивает нашу вспомогательную армию в 90 тысяч человек, он мне сказал: «Венгры не смогут сопротивляться такой силе». Он высказал это мнение, как факт, не делая никаких замечаний о нашем сотрудничестве. До сих пор он не сказал мне ни одного слова, которое бы указывало, что у него есть возражения. Герцог повторяет каждый раз, как он меня видит: «Действуйте большими массами». Вчера он добавил: «Важно, чтобы не было неудачи».

Брунов.

Депеша барона Брунова графу Нессельроде ²

Лондон, 10/22 октября 1849 г.

Господин канцлер!

Моя беседа с лордом Пальмерстоном происходила в министерстве иностранных дел 7/19 октября.

Я начал с изложения содержания наших предыдущих переговоров 27 сентября (9 октября).

«Мы констатировали тогда, — сказал я ему, — что мирные отношения между Портой и Россией до сих пор не были прерваны. Идет спор между двумя правительствами, имеются неудовольствия, разногласия, но нет конфликта. Перерыв в дипломатических отношениях в Константинополе еще не устанавливает состояния войны. Даже отзывание русского посольства, если оно имело место, также не устанавливает его. Для того чтобы была война, нужно сначала объявление войны, а затем начало враждебных действий. До сих пор еще не было ни разрыва, ни нападения. Турция не нуждается в помощи против опасности, которой еще не существует в действительности. Мы установили все эти истины и решили, что поскольку Османская Порта еще находится в состоянии мира, закрытие Дарданельского пролива и Босфора, установленное нашим соглашением 1841 г., остается неприкосновенным во всей его силе и значении».

Мы с вами пришли к соглашению между собой. Вы мне это заявили. Я сообщил об этом своему двору.

¹ «Арх. рев. и вн. пол.», Londres, 107/83.² Там же, 107/163.

В течение этого времени обнаружился новый факт. Я узнал, что в Париже лорд Норменби договорился с французским правительством о совместных действиях ваших эскадр в водах Леванта.

Действительность этого факта была засвидетельствована в моем присутствии французским послом.

Этот инцидент нуждается, по моему мнению, в объяснении. Я пришел к вам, чтобы вы высказались серьезно и откровенно. Кабинеты, которые хотят жить в добром согласии, должны, чтобы не заблуждаться в намерениях другой стороны, взаимно информировать друг друга относительно своих выступлений, если эти выступления могут подать повод к недоразумениям.

С целью предупредить такую возможность я прошу вас дать мне сегодня же высказаться по следующим двум вопросам: во-первых, чем руководились при настоящем передвижении вашей эскадры, и, во-вторых, в каких границах будет происходить это передвижение.

Лорд Пальмерстон ответил мне: «Я считаю, что мотивы, по которым вы требуете объяснения, совершенно справедливы, и я охотно дам их. Я начну с указания границ передвижения нашей эскадры. Его границы — Средиземное море. Эскадра совсем не ставит себе задачей войти в Дарданельский пролив. До тех пор пока Порта находится в состоянии мира, принцип закрытия проливов остается таким, каким его установила наша конвенция 1841 г. Исключение делается только для легких судов, служащих для сообщения с посольством в Константинополе.

Адмирал Паркер, который в настоящее время находится на греческом берегу, отправится оттуда в Архипелаг. Французская эскадра сосредоточена в Смирнском заливе. Наша же направится в соседние местности, где адмирал Паркер выберет себе место стоянки на время крейсирования его эскадры.

Что касается намерений, с которыми производятся эти передвижения, то в них нет ничего такого, что бы могло внушить опасения России. Развертывание морских сил у берегов соседних с вашей империей является в ваших глазах демонстрацией, которую вы готовы считать направленной против вас. Таковой действительно было бы появление английской эскадры в Балтийском море. Это несомненно. Что же касается Средиземного моря, то оно отделено от вас большим расстоянием. Вход в Дарданеллы остается

закрытым в силу обоюдных, связывающих нас соглашений, разумность которых мы признаем и в сохранении которых мы заинтересованы, пока Турция находится в состоянии мира.

Нет никакого сомнения, что Турция была очень озабочена разногласиями, возникшими недавно между вами. Она была тем более встревожена, что рассматривала временное прекращение дипломатических отношений с посольствами России и Австрии в Константинополе как симптом будущего разрыва. Такое положение вещей внушило Оттоманскому правительству опасения, которые мне кажутся мало обоснованными.

Однако сколько-нибудь дальновидная политика считает необходимым каждому правительству быть предусмотрительным в отношении возможных событий. Это соображение заставило нас применить тактику наблюдения и выжидания. Присутствие нашей эскадры в водах Леванта есть результат предусмотрительности перед лицом возможности, которая, я надеюсь, никогда не осуществится».

Я заявил министру, что доведу эти объяснения до сведения императорского кабинета, предоставляя ему оценить их по достоинству. Но, выполняя эту обязанность, я считаю необходимым высказать соображения, вызванные разъяснениями лорда Пальмерстона о настоящих передвижениях двух эскадр. Изложу все по порядку.

Прежде всего я спросил, не является ли это передвижение преждевременным и неуместным. Действительно, между Портой и императорским кабинетом поднялся спор, который до настоящего времени велся дипломатическим путем. Султан отправил в Петербург специального посла, которому поручено изложить от его имени затруднения Порты и принести ее извинения. Это посольство только что прибыло на место своего назначения. Прием, оказанный ему, еще неизвестен. Если его миссия будет выполнена удачно, спор между заинтересованными дворами прекратится сам собою. Не следовало ли бы обождать исхода этой миссии, не предполагая заранее ее неуспеха.

«Больше того, — прибавил я, — развертывание морских сил в водах Леванта, вместо того чтобы обеспечить безопасность, может скорее осложнить ситуацию, направив Турцию на путь неправильной политики. Военные корабли, как я уже имел случай указать лорду Росселю, плохие вестники мира. Оттоманское правительство, как мы это знаем

из опыта, склонно заблуждаться относительно истинных интересов своей империи, которая нуждается для сохранения равновесия в полном покое. Вместо того чтобы служить ей опорой, вы рискуете ее погубить, заставить ее потерять равновесие. Вы хотите ее поддержать. Берегитесь, не доведите ее до крушения.

Эта катастрофа подвергнет такой опасности всеобщий мир, что каждый государственный деятель, призванный решать вопрос такой большой важности, обязан взвесить всю глубину своей ответственности как перед собственным правительством, так и перед судом всей Европы.

Я выполняю эту обязанность, обращая ваше внимание на серьезность настоящего положения вещей.

Несомненно, вы сняли с меня всякую моральную ответственность, приняв указанные вами решения, не известив меня об этом. Я должен скорее радоваться по этому поводу, а не огорчаться. Если случится несчастье, я беру вас в свидетели, что какие бы события ни произошли, я не несу за них ответственности. Я констатирую также, что интересы европейского мира находятся в настоящее время в руках вашего посла в Константинополе и от него зависит самое главное — повести турок по доброму или по злему пути.

Насколько я могу судить, вы предоставили в этом отношении сэру Каннингу большую свободу действий. Я хотел бы, чтобы он мудро ее использовал. Поскольку на карту поставлены вопросы войны и мира, я, признаюсь, был бы спокойнее, если бы решение этого вопроса было бы предоставлено правительству ее величества. Очень часто дипломатический агент, как бы он ни был опытен в своем деле, поддается влиянию окружающей его тревоги. Только кабинеты по самому своему положению стоят выше этих влияний. Вот почему я позволяю себе сказать вам без стеснения, что дело мира, по моему мнению, будет более обеспечено в том случае, если на страже его будет стоять кабинет ее величества, а не британский посол в Константинополе. Эта ответственность огромна. Она всей своей тяжестью будет давить на сэра Каннинга».

Лорд Пальмерстон выслушал эти соображения серьезно, с интересом. Он сообщил мне в ответ следующее. Прежде всего, по поводу моего замечания о преждевременности принятых здесь решений министр сказал, что, поскольку дело идет о принятии предупредительных мер, принятых ввиду,

дальности расстояния, было бы неосторожно откладывать их на последний момент, рискуя быть застигнутым врасплох быстро развивающимися событиями.

Что касается того, что присутствие эскадр может оказать влияние на настроение Оттоманского правительства и толкнуть его на ложный путь, то лорд Пальмерстон полагает, что обычно, когда Диван видит себя окруженным иностранными силами, он становится не воинственным, а мирным. Вообще турки мало радуются иностранной помощи. Они более спокойны тогда, когда эта помощь далека от них.

Поэтому министр полагает, что моральная поддержка, которую оказывает оттоманским министрам соседство эскадры, и на этот раз не заставит их пренебречь миром, настоятельную необходимость которого они прекрасно понимают.

С другой стороны, лорд Пальмерстон признает справедливость моих соображений об опасности ввергнуть Турцию в беду, побудив ее нехотати на поступки, которые могут повести к ее гибели. По его мнению, ее следует одной рукой поддерживать, а другой удерживать. Именно таким образом понимает он задачу лорда Каннинга. Он рассчитывает на преданность, с которой посол выполнит свою миссию. Несомненно, что правительство его величества признало необходимым предоставить своему представителю в Константинополе известную свободу действий в связи с тем, что его отделяет такое большое расстояние. Однако эта дискреционная власть в свою очередь в достаточной степени регулируется теми инструкциями, которыми он снабжен. Они поручают ему охранять интересы мира, с которыми так тесно связано сохранение Оттоманской империи. Это соображение будет, по мнению лорда Пальмерстона, руководить и контролировать политическое поведение сэра Каннинга.

И наконец по вопросу о моей собственной ответственности министр признал, что я строго выполнял то, что было мне поручено, руководствуясь моим долгом перед императором и серьезностью обстоятельств, среди которых я находился, так как я должен бы действовать в интересах общего спокойствия всех держав, сторонниц мира...

После того как я позаботился снять с себя ответственность за грядущие события, находящиеся целиком вне моей власти, мне оставалось только выполнить еще одну обязанность по отношению к императорскому послу в Константинополе. Я выполнил мой долг в духе примирения и справед-

ливости, в чем императорский кабинет, надеюсь, не откажет мне в одобрении.

В течение этого дипломатического кризиса мне неоднократно приходилось слышать, что беспокойство Порты вызвано угрозами со стороны представителей России и Австрии. Я воспользовался моей настоящей встречей с лордом Пальмерстоном, чтобы осветить этот факт в отношении лично господина Титова. Я просил министра сообщить мне, имеются ли у него в руках доказательства угрожающего заявления, сделанного в Константинополе русским послом. Он потребовал изгнания преступников. Текст наших соглашений допускает такое требование. Сопроводил ли он это выступление нотой, составленной в угрожающих выражениях? Если он это сделал, где находится эта нота? Порта несомненно не замедлила бы ее представить.

Лорд Пальмерстон ответил мне, что он не получил из Константинополя подобного документа, исходящего от русского посланника. Жалобы Оттоманского правительства основываются вероятно на угрожающем тоне, которым пользовался австрийский посол (Штюрмер). Таким образом мне кажется, что опасения Порты не были вызваны угрозой двух послов прервать дипломатические отношения, сделанной сообща представителями России и Австрии.

Здесь я счел необходимым напомнить лорду Пальмерстону происшествие, которое представляет, с моей точки зрения, большое сходство с тем, что происходит в настоящее время.

В мае 1836 г., по случаю спора, происшедшего между лордом Понсонби и Оттоманским министерством из-за тяжбы, в которую был замешан английский подданный мистер Черчилль, английский посол в подкрепление своего требования возмещения порвал свои отношения с Рейс эфенди. Порта сообщила нам в свое время официальные документы, которыми она обменялась с лордом Понсонби. Я извлек их из моего архива, чтобы предъявить их лорду Пальмерстону. Я обратил его внимание на ноту лорда Понсонби от 10 мая и на инструкцию, которую он направил первому драгоману Пизани от 22 мая.

Если какой-нибудь дипломатический документ содержал когда-нибудь угрозу, то это именно указанная инструкция. Вы сами можете судить об этом, если соблаговолите ее прочесть.

Императорский кабинет несколько не был этим оза-

бочен. С одной стороны, он успокоил Порту, с другой — он был уверен в доброжелательстве и справедливости британского правительства и преподал графу Поццо ди Борго инструкции, продиктованные искренним желанием умиротворения. Со стороны России не было тогда ни беспокойства, ни волнения, ни передвижения эскадры. Было только дружественное желание сгладить разногласия, которые, усилившись, могли нарушить мирные отношения между Турцией и Англией.

Лорд Пальмерстон вполне восстановил в своей памяти этот инцидент. Однако он обратил мое внимание на то, что лорд Понсонби, разрывая официальные отношения с Рейс эфенди, апеллировал к верховному решению султана, в то время как в настоящий момент представители России и Австрии прервали отношения с самой Портой.

Не соглашаясь с наличием такого различия, я пытался констатировать самый факт и указать на его последствия. Английский посол не соглашался на меньшее удовлетворение, чем отставка Рейс эфенди. Порта готова была дать это удовлетворение лорду Понсонби. Достаточно было мне напомнить об этом обстоятельстве, чтобы показать, что в это время английский посол говорил таким языком, который не обнаруживает особенно бережного отношения к независимости Порты, и я не думаю, чтобы подобный упрек можно было сделать по адресу нашего посла.

Сердечный тон, в котором мы обсуждали все вопросы, возникавшие в течение нашей беседы, позволил мне еще раз обратить внимание лорда Пальмерстона на одну мысль, выдвинутую мною в предыдущей беседе, а именно: нельзя осложнять положение Порты, чтобы не подвергать опасности сохранность этой империи, заключающей в себе так много элементов разложения и беспорядка.

По моему глубокому убеждению, нет никакого сомнения в том, что дружба и поддержка императора была в течение последних 20 лет наиболее прочной опорой Оттоманской империи.

Поскольку наш августейший монарх заботится о сохранении покоя этой империи, христианское население Турции невольно удерживается в подчинении Порте.

С того момента, когда они увидят, что между этими двумя правительствами существует возможность разрыва, они почувствуют в себе снова желание освободиться. Для того чтобы эти чувства прорвались, вовсе нет необходи-

мости в войне между Россией и Турцией. Для этого достаточно нашему императору лишить своего союзника султана своей поддержки. Разве мудрая политика может посоветовать Порте отвергнуть поддержку, которую она находит в дружбе императора российского? Дальновидность европейских кабинетов должна, наоборот, предостеречь Турцию от тех последствий, которые ожидают ее после потери дружбы, гарантирующей ее покой.

К этим соображениям я позволил себе прибавить замечание, которое мне внезапно пришло в голову. Ареной какого странного контраста может оказаться Турция, если христианское население, нетерпеливо стремящееся к свободе, навлечет на себя еще раз мщение Порты? Россия не сможет остаться равнодушной к этому зрелищу. Нет сомнения, что в поисках гуманного отношения и религиозной свободы они прибегнут к защите России. Неужели Англия в этом случае решится поддержать дело исламизма против христианской цивилизации на Востоке.

Для того чтобы не подвергнуть европейский мир таким большим испытаниям, необходимо удалить от Турции все то, что стремится нарушить ее дружеские отношения с Россией.

Я считаю своим серьезным долгом еще раз высказать эту истину лорду Пальмерстону. Я смею думать, что он оценил мою откровенность. Я обязан ей дружественным и полным доверия отношением, которое я по приказанию монарха в течение десяти лет тщательно оберегал и поддерживал с английским кабинетом, в интересах дела мира. К концу нашего интервью мы договорились с лордом Пальмерстоном, что я сообщу ему резюме нашей беседы, для того чтобы он мог проверить правильность содержания сообщения.

Брунов.

Депеша барона Брунова графу Нессельроде ¹

Лондон, 12/24 ноября 1849 г.

Господин канцлер!

Моя предыдущая депеша была преднамеренно редактирована очень кратко и не в тоне конфликта, потому что я намерен был показать ее копию лорду Пальмерстону с дипломатической целью для того, чтобы получить от него подтверждение тех заявлений, которые он мне сделал.

¹ «Арх. рев. и вн. пол.», Londres, 108/189.

Но, как всегда, я должен сказать императорскому кабинету полную правду и не могу скрыть от вас, господин канцлер, что результату, о котором сообщает моя депеша, предшествовала оживленная дискуссия, в которую я был вовлечен премьер-министром. Она началась в день моего прибытия в Бродлэнд 9/21 ноября и дала благоприятный результат только на другой день, 10/22 ноября.

Я постараюсь как можно короче рассказать об этой дискуссии, одной из самых серьезных, которую мне когда-либо приходилось вести с лордом Пальмерстоном, с тех пор как я его знаю.

В начале наших переговоров министр пытался утверждать, что турецкий регламент, к авторитету которого обратился английский вице-консул в Дарданеллах, давал командующему английской эскадрой право, не выходя из пролива, бросить якорь внутри. Он утверждал это отчасти потому, что ему не хотелось признать ошибку адмирала Паркера, отчасти из простого духа противоречия.

Я категорически отверг подобное утверждение и заявил, что оно абсолютно несостоятельно как де-юре, так и де-факто. Я заявил далее министру, что мне в первый раз случается видеть, чтобы авторитет британского вице-консула привлекался для толкования и оценки договора европейского значения, каким является наш трактат 1841 г. Я прибавил, что по справедливости и по здравому смыслу конвенции устанавливаются для того, чтобы их выполнять, а не для того, чтобы их нарушать. Это замечание увеличило раздражение лорда Пальмерстона и придало нашей дискуссии характер все нарастающей остроты. Так как он продолжал настаивать с возрастающим упорством, что командир английской эскадры действовал по закону, и так как ему, видимо, доставляло удовольствие вести полемику в саркастическом тоне, которым он при желании искусно владеет, то я ему отвечал в том же самом тоне.

Я сказал ему, что адмирал Паркер производит на меня впечатление тех извозчиков, которые каждое утро мчатся во весь опор по моей улице с таким видом, что они сейчас снесут Пикадиллийский столб, остерегаются однако проехать слишком близко мимо него и не сломать своих колес. Я просил у лорда Пальмерстона разрешения квалифицировать поведение адмирала Паркера как «политику фнакра».

Он ответил мне очень едко: «Что же вы хотите, я не

могу повесить адмирала только потому, что вы находите его действия ошибочными».

«Я не иду так далеко в моих требованиях, — ответил я ему. — Все, чего я добиваюсь, — это доказать, что командующий вашей эскадры поступил неправильно, нарушив наши официальные соглашения. Все, что я требую, — это, чтобы вы сами согласились с этим фактом и чтобы вы исправили его, выведя вашу эскадру из проливов, как это предусмотрено нашим трактатом».

Лорд Пальмерстон, не осуждая поведения сэра Паркера, продолжал, наоборот, его защищать, утверждая, что турецкое правительство разрешило ему спустить якорь на том месте, которое он выберет для своей стоянки.

На это я ответил со спокойствием, в котором было достаточно иронии: «В таком случае я должен вас поблагодарить за то, что вы меня научили, как нужно себя вести, чтобы сорвать выполнение договора. Я должен только прибавить, что если ваше рассуждение правильно в отношении адмирала Паркера, то оно будет таковым и по отношению к адмиралу Лазареву. Прецедент, который вы сейчас устанавливаете, нарушающий принцип закрытия Дарданелл, откроет нам завтра двери Босфора. И тот и другой пролив может открываться или закрываться в зависимости от того, соблюдаются ли или нарушаются наши договоры. Это все, что я могу сказать вам в настоящее время».

Неожиданное упоминание имени адмирала Лазарева произвело, как мне кажется, на лорда Пальмерстона успокаивающее впечатление. Он возобновил нашу дискуссию в более мягком тоне.

«Помимо всего прочего, — сказал он мне, — вы должны согласиться, что адмирал Паркер, несущий ответственность за безопасность своей эскадры, не мог решиться оставить эскадру в открытом море. В двадцати милях оттуда он нашел безопасное место для стоянки. Консульский агент заверяет его, что он имеет право искать здесь убежища наравне с другими иностранными кораблями, согласно регламента турецкого правительства. Консул цитирует этот регламент. Наш адмирал признает его авторитет. Он меняет стоянку. Он становится на якорь в полной безопасности. Неужели вы предпочитали бы, чтобы он разбил свои корабли и погубил экипаж?»

Я ответил: «Ваши аргументы хороши для адмиралтейства, но неприемлемы в политике. Если вы говорите о безо-

пасности, то я вас спрашиваю в свою очередь, зачем понадобилось вашему адмиралу выбрать стоянку в Безика-баие? Почему он туда направился? Почему, он не остался в Смирнском заливе или в другом каком-либо месте? Далее я обращаю ваше внимание на то, что безопасность эскадры не имеет ничего общего с закрытием проливов, предусмотренным раз навсегда нашим соглашением 1841 г. Либо это соглашение обязательно, либо оно необязательно. Вы сами заявили мне, что вы признаете его, несмотря на наши недоразумения с Портой. Вы официально приняли на себя обязательство признавать его. Вы заявили мне, что командующий вашей эскадрой также получил приказ подчиняться ему. Почему же он этого не делает? Разве ему необходимо было искать убежище в Дарданеллах, чтобы не рисковать своими мачтами? Если это в ваших глазах является оправданием, то я очень удивляюсь, что адмирал Паркер не предпочел поискать еще более удобного места для стоянки в Мраморном море. Он был бы в еще большей безопасности в Родосе. Он был бы в еще большей безопасности на Принцевых островах. Почему он не попытался этого сделать? Я вам скажу, какова причина. Он хотел плавать, как выражаются моряки, кратчайшим путем. Он позволил себе нанести оскорбление договору, не смея его в то же время нарушить. Разрешите мне сказать вам, что такое поведение вашего адмирала включает в себе нечто мелочное, что не соответствует достоинству, такой великой и мощной державы, как Англия. Скажите, что вы хотите разорвать Дарданельский договор, но не пробивайте в нем брешу, утверждая, что вы его признаете».

Министр живо возражал против приписываемого ему мною намерения нанести удар неприкосновенности наших договоров. Он подтвердил, что английское правительство далеко от мысли уклониться от договора, которому оно, наравне с Россией, приписывает величайшее значение в деле сохранения всеобщего мира.

«Если таково ваше убеждение, — ответил я, — то вы плохо выбираете средства для поддержания законности договора, политическую мудрость и необходимость которого вы признаете. Вместо того чтобы защищать поведение вашего адмирала, вы должны были бы первый его осудить. Потому что, утверждая, что он имел на это право, вы официально отказываетесь от принципа закрытия проливов, который вы якобы поддерживаете.

Я должен прибавить к этому еще одно соображение, которое совершенно ускользнуло от вашего внимания. Вот оно:

Вы знаете, что наша конвенция не только обязывает Россию, Англию, Францию, Австрию и Пруссию соблюдать неприкосновенность проливов. Она является сверх того специальной декларацией султана, посредством которой он заявляет о своем твердом намерении сохранять в будущем ненарушимость этого принципа, издревле установленного в его империи.

Эта декларация обязательна для Порты так же, как наше решение обязательно для нас.

Я напоминаю вам об этом факте потому, что из него вытекают очень важные последствия, касающиеся непосредственно самой Порты. Я сейчас покажу вам со всей ясностью, куда в конце концов могут привести все эти последствия.

Если адмирал Паркер останется внутри Дарданельского пролива и если вы признаете его право на это, вы тем самым заставите Порту нарушить по отношению к нам свое обязательство следить за выполнением этого старинного правила ее империи.

Другими словами, вы заставляете Порту нарушить договор, который она заключила непосредственно с Россией.

Вы понимаете, куда это может нас завести? Подумали об этом ваш адмирал? Я в этом сомневаюсь. Но что касается вас, то мне не нужно указывать вам всю серьезность этого вопроса. Вы ее отлично понимаете. Вы знаете также, что если Порта больше не в состоянии заставить уважать законы ее правительства, то на вас падает ответственность за нарушение ее независимости. Вы понимаете, что если Порта поставлена в невозможность выполнить по отношению к нам свои обязательства, она заставляет нас принять такие меры предосторожности, такие репрессии, какие император найдет нужным применить в случае необходимости.

Может быть, ваша эскадра находится там для того, чтобы поддержать Турцию в ссоре, в которую вы ее неосновательно вовлекли? Этого вы утверждать не будете. Вы знаете, что разногласия между Портой и Россией решаются на суше. Готовы ли вы послать ей в помощь свою армию?»

Лорд Пальмерстон быстро перебил меня и сказал: «Вы знаете, что у нас ее нет».

«В таком случае, — ответил я ему, — оставьте Турцию в покое. Не увеличивайте ее затруднений, тяжесть которых она не в состоянии нести, в то время как вы не можете помочь ей в этом до конца».

Эти соображения, высказанные мной спокойно, по мере того как наша дискуссия становилась все серьезнее, произвели, как мне казалось, впечатление на лорда Пальмерстона. Несмотря на это, он не хотел уступить. Он продолжал утверждать, что адмирал Паркер не сделал ничего такого, что дало бы нам право рассматривать его действия как нарушение договоров.

Я понял, что дальнейшее продолжение дискуссии не приведет ни к каким практическим результатам. Поэтому я закончил нашу дискуссию следующими словами: «Мы оба должны обдумать наши дальнейшие действия. Если мы не придем к соглашению, я вам вручу ноту, в которой я изложу положение дел и выскажу свои соображения. Решение будет зависеть от императора».

Мы расстались, не придя ни к какому соглашению после беседы, которая закончилась в час ночи.

Утро вечера мудренее, говорит пословица. На завтра у лорда Пальмерстона изменилось настроение, и он заговорил другим языком. Он снова начал беседу, но в совершенно другом тоне.

Он начал с анализа турецкого регламента, который он мне цитировал накануне. Он нашел, что этот регламент не может быть применен по отношению к эскадре, и очень долго рассуждал по этому поводу. В моей предыдущей депеше я в кратких словах сообщил сущность этих рассуждений.

Он признался мне кроме того, что, подумав, он пришел к убеждению, что адмирал Паркер сделал ошибку, что он должен был выбрать другую стоянку в заливе Энос или где-нибудь в другом месте, не пытаясь укрыться от дурной погоды даже у входа в пролив. Он прибавил, что сэр Паркер, вероятно, уже оставил эту стоянку, но для большей уверенности он позаботится о соответствующем распоряжении и что он, лорд Пальмерстон, позаботится о том, чтобы это впредь не повторялось.

Этим заявлением, решившим дело в нашу пользу, закончилось наше продолжительное и тягостное собеседование. Когда я думаю, с каким жаром он начал и поддерживал спор в первый день и как быстро он переменял тон на следующий день, я задаю себе вопрос, что могло вызвать

такую внезапную перемену. Успел ли лорд Россель внушить ему более примирительную позицию, взвесил ли он более зрело все доводы за и против, раньше чем решиться на дальнейшие действия; удовлетворился ли он спором накануне и не пожелал его возобновлять в еще более серьезном тоне, я абсолютно не знаю, в чем дело, и не могу себе дать отчет, несмотря на то, что я привык иметь с ним дело.

Именно вследствие этой привычки я решил зафиксировать в письменном виде сделанные им заявления. С этой целью я составил мою предыдущую депешу и намерен представить ему ее копию. Если он ее примет без изменений, он подтвердит тем самым ее правильность. Если он сделает возражения, он должен будет восстановить то, в чем память мне изменила.

Кроме того из тех же соображений осторожности я настаивал, чтобы министр иностранных дел снесся непосредственно с лордом Блумфильдом. Я настаивал на этом по двум причинам. Прежде всего я хотел показать лорду Пальмерстону, что в таком серьезном деле я не считаю себя вправе удовлетвориться теми объяснениями, которые он мне дал. Это может сделать только император. Во-вторых, я хотел, чтобы министр иностранных дел изложил дело и поручил защиту его представительству, его величества короля английского в Петербурге.

Брунов.

ВОЕННЫЕ ДОНЕСЕНИЯ, ПЕРЕПИСКА НИКОЛАЯ I С ПАСКЕВИЧЕМ

Николай I — Паскевичу ¹

Письма мои докажут тебе, что на счет движения войск я много уже предварил и полагаю, что ты уже и сам распорядился сходно с тем. И так мы должны оставаться в оборонительном почти кордонном расположении, обращая самое убедительное внимание на собственный край, дабы все попытки дома укрощать в самом начале. Для того необходимо, чтобы Литва и Самогития были сильно заняты.

¹ Военно-исторический архив. Папки № 5343, л. 75—80. Пометы Паскевича даны в примечаниях. В деле — копия без даты. По упоминанию франкфуртского сейма (см. стр. 309) пометы Паскевича относятся примерно к концу августа. Это же письмо в другой редакции см. у Щербатова, лит. соч., т. VI, стр. 234—336. Оно отнесено к июлю 1849 г.

Чтобы освободить часть 2-го корпуса от дальних гарнизонов, я сегодня же велел перевести 2-ю гренадерскую дивизию в Динабург; а Л. Гв. казачей полк посылаю тоже занять от Динабурга шоссе до Ковно; дабы обеспечить сообщение до прихода донских полков.

Затем полагал бы полезным, дав 1-му корпусу привести себя в военное положение, не теряя времени, сменить 2-й корпус в его теперешнем расположении, кроме Динабурга и Риги, где резервные батальоны.

Тогда тебе притянуть весь 2-й корпус к себе и будешь иметь тогда 2-й и 3-й корпуса у себя в Польше, и бригаду 2-й дивизии, которую уже взял; 1-й корпус будет занимать Литву, а 4-й корпус — Волынь и границу Подолии. Между тем все гренадеры пойдут к Пскову и Двине, а резервные батальоны будут подходить к своим гарнизонам: к Риге, Динабургу, Вильне, Гродне, Бобруйску, Бресту и Киеву¹. Кажется мне этого довольно; но что меня беспокоит — это продовольствие. Мера, которую ты предлагаешь, — крайняя и мне бы очень хотелось избежать ее донельзя.

Повторяю, продовольствие и укрощение всех попыток к мятежу важнее всего; если будут прорывы заграничных шаек, их надо отражать, взять их с оружием. Начальников судить по полемому уголовному положению и тут же казнить; но за границу не переходить отнюдь².

Буде старые верные прусские офицеры и даже части верных войск спастись будут к нам, вели их принимать и отправлять внутрь; потом решу что им делать; но оказывать всем заслуженным уважение братским приёмом и оружие не отбирать³.

1. Привести армию в военное во всем положение, — строго наблюдать, чтобы все было исправно исполнено⁴.

2. Сформировать 1-го линию резерв, — это идет быстро и с большим утешительным усердием.

3. Приводить крепости в оборонительное положение, — включая провиант и прочие потребности, и ознакомить начальников и гарнизоны с их обязанностями в обороне⁵.

4. Считаю очень полезным подумать о мостах на Висле и может быть в Варшаве перевести мост под цитадель.

¹ Пришли.

² Дать предписания Н. В.

³ Прошу письменно... объявить.

⁴ Дать предписания Н. В.

⁵ Отвечать насчет хлебов крепостных.

5. По приведении войск в военное положение, перевести их на те места, где мы их поставить должны, т. е. 1-й корпус двинуть в право в Литву, на смену 2-го, присоединив его кавалерийскую дивизию, 2-ю кавалерийскую дивизию к его корпусу там, где он будет, и подвинуть 3-й резервный кавалерийский корпус в Малороссию¹.

6. Наконец привести 1-ю линию резервов на назначенные им места.

7. Гренадерского корпуса, голова следует на Двину, а его легкая дивизия и гвардейские казаки за Двину в Вилькомир и окрестности².

8. Казаки с Дона идут и к 5 июня будут 7 полков у тебя, а пять за ними при резервах. Вот что предстоит исполнить. Другого ничего³.

Войны не будет, но будут попытки к бунтам и что гораздо хуже тайная война на умы войск и края. Против сего нельзя быть довольно осторожным⁴.

На ручательства и прочее смотреть с презрением, и ждать. Для сего нужно нам провиант и всякое продовольствие, но не к разорению края реквизициями, а только чистыми деньгами, дабы край извещивал пользу, а не тягость занятия, ибо нам надо непременно народ привязывать материальными выгодами. Деньги есть и будут, хотя тратить их должно расчетливо. Реквизиция же разоряет край, и восстановит против нас, чего Боже упаси.

Здесь хлеба гораздо более, чем мы полагали, даже можно доставлять и в Ригу и в Либаву, куда хочешь.

Покуда в Малороссии хлеба в продаже не много, но и его поставить к Королевскому каналу очень можно⁵.

Покуда я кроме казаков гвардию не трону, ибо незачем. Притом у тебя хлеб в заготовлении должен быть на

¹ N. B.

² Проверить.

³ Что значит у тебя. Предложить куда как кого направить. Сколько мне кажется, то Генерал-Губернатор Мирковичу два полка для его четырех губерний, Генералу Бибикову для трех губерний два полка.

Остается 8 полков, из которых 3 полка в Царство, а 5 полков оставить в последние 4-й или 1-й кавалерийской дивизии ибо места очистятся.

⁴ Что сделано по сему вопросу донести.

⁵ Перевозочные способы на Днепре почти все заняты, 100 т. четвертей, которые заподражено возить в Пинск, вряд ли найдем средства дабы перевозить из Малороссии хлеб.

текущее продовольствие до всех сортов...; его надо зачесть непременно ¹.

Пиши мне про дух войск, Офицеров, Начальников; что толкуют Поляки; все это мне важно знать ².

Суворов говорит, что мужики в волнении. Тайно я послал туда Анрепа. Для сего и нельзя совершенно оголить этот угол ни Либаву, куда пошлю эскадру ³.

У Бибикова в краю не опасаясь важного. Кроме того я велел 14-й дивизии 5-го корпуса принять вправо и занять Каменец-Подольск, Проскуров и Староконстантинов; покуда думаю, что сего за глаза довольно, и даст тебе более свободы располагать 4-м корпусом ⁴. Хорошо бы корпусную квартиру Чеодаева перевести ближе к границе, там ловчее распорядятся и скорее от тебя получать повеления.

Гренадерская дивизия выступает в Динабург, 28 числа, ежели потребуется далее, от тебя будет зависеть определить куда и когда ⁵.

Теперь очень желательно, чтобы 1-й корпус шел как наискорее сменять 2-й в его нынешнем расположении, дабы весь второй корпус был тогда у тебя свободным под рукою, а первый занимал Литву и Самогизию покуда резервы будут подходить ⁶. Не велеть ли 1-му корпусу и 2 и 1 легким

¹ Если это сказано для расчета денег, то забыли, что надобно неприкосновенного провианта до 100-т., и так останится 170-т. для текущего довольствия: если исполнить как бумага говорит, то у нас надобно последний четверик досдать, по моему надо не только на 2 или на 3 месяца заготовить, но на полгода или на год. Здесь всегда как было. Но неурожаи сделали, что мы употребили некоторые запасы, и тогда же дали знать о сем.

² Написать, что дух войск необыкновенно хорош, Офицеры с восхищением все как на пир приготавливаются к войне. Я ходил помалым биватам расположенным на площади, и видел, что люди... рассказывают в Начальниках сомниваются нечего они весьма долгим миром соскучены. О Поляках особливую бумагу подумать сделать (помета Паскевича.—Р. А.).

³ О Самогизии [Литва.—Р. А.).

⁴ Сообразить что делать; уведомить генерал-интенданта, что тут новые войска будут.

⁵ Как не предвидится ни где войны, то оставить покуда там, и подумать о 1 корпусе.

Когда испкупит лошадей.

Нельзя ли сказать, что те полки, которые купят их, сюда бы шли.

Нельзя ли два полка 1 корпуса скорее двинуть на самый правый фланг, то есть в Самогизию.

Чтобы 5 дивизия и полки 6 вступили скорее в Царство.

⁶ Повеление Чеодаеву перейти в Дубно. И по мере прихода 14 дивизии очистить ей квартиры. Сделать расписание.

кавалерийским дивизиям трогаться, ежели не весь обоз у них там запряжен, то мог бы поспеть за ними после; но этим выиграем, что войска будут уже расположены в боевом порядке. 3-му резервному корпусу и 7 легкой кавалерийской дивизии вели тронуться, сейчас как готовы будут. Вот покуда и все¹.

Не можешь ли через тайного агента войти в сношение с У. Коломбом, прося его уведомить тебя тайно же о том, что готовится у поляков, — он человек старых наших правил².

Твою телеграфическую депешу сего утра, получил в 11 часов, необыкновенно скоро в 4 часа³.

**Виленскому Военному, Гродненскому, Минскому и Ковенскому
генерал-Губернатору Господину генерал-лейтенанту
Мирковичу⁴**

Секретно

С.-Петербург, 19 марта 1848 г.

Копия

По поводу возникших в сопридельных Империи Нашей Державах: Австрии и Пруссии беспорядков и мятежей, стремящихся к ниспровержению законных властей и всякого общественного устройства, на случай, если бы сверх ожидания Нашего, кто-либо из обывателей вверенного Вам края обнаружил действия противные долгу присяги и совести, представляем Вам принимать все необходимые к охранению общественной безопасности меры, не испрашивая особых на то разрешений, и признавая нужным облечь Вас властью. Отдельному корпусному командиру в военное время присвоенную уполномачивать Вас.

¹ Из положительных обстоятельств теперь видно, что Пруссия не намерена нападать на нас. Франкфурт. Сейм по большинству голосов решил, что восстановление Польши не должно быть; следовательно войны как с Пруссиею, так и с Австриею не предвидится; но для всяких случаев мы довольно сильны, но нельзя всего предвидеть, и поэтому надобно стягивать войска, столь скоро сколько это возможно не разстраивая их, почему я и полагаю делать тоже.

² Призвать Массону, и как он был с ним в переписке, то как это исполнить.

³ Это достопримечательный случай, посылать по телеграфу.

⁴ Военно-исторический архив, № 1229.

1. Применяясь к утвержденным Нами 17-го Июля 1831 г. правилам для следственных комиссий, кои учреждены были во вверенных Вам губерниях по делам виновных в мятеже того года, разделять и ныне всех лиц, кои-бы на новое злоумышление противу Правительства покушаться дерзнули, на три разряда: В первый должны быть помещены предводители бунта, во второй участвовавшие в действиях против войск и вообще против законной власти и третий — подписавшие возмутительные акты и все причастные к возмущению, хотя деятельного и непосредственного участия в оном не принимавшие.

2. Лиц ко всем этим разрядам причисленных, по степени участия их в преступных замыслах, предавать военному суду на правила Полевого Уголовного Уложения.

3. Судебные приговоры над мятежниками первого разряда, то есть над зачинщиками и предводителями бунта, не представляя на утверждение Наше, окончательно подтверждать Вам самим и приводить в исполнение силою настоящего Нашего повеления, руководствуясь статьями 595 и 596 Книги 1-й Военно-уголовного Устава.

4. Судебные приговоры о лицах ко второму разряду мятежников причисленных, приводить также в немедленное исполнение, донося Нам о тех из числа осужденных сим образом преступников, кои принадлежат Дворянскому сословию. Вместо же заслуженной преступниками сего рода смертной казни, от коей они Нами освобождаются, представляется Вам присуждать их к ссылке в Сибирь на работу или на поселение смотря по важности вины.

5. Судебные приговоры о лицах, кои по степени участия в мятеже, будут причислены к третьему разряду, представлять на окончательную конфирмацию Главнокомандующего Действующею армиею.

6. Вместе с преданием суду лиц, к помянутым трем разрядам отнесенных, в то-же время имения принадлежащая всем им подвергать секвестру, а преступникам первых двух разрядов и немедленной конфискации.

7. Впрочем представляется Вам в тех случаях, когда вина которых либо из преступников второго разряда, в отношении к нравственной её важности, уменьшается особенными заслуживающими уважения обстоятельствами, входить к Нам с особыми представлениями как об отмене предания суду и конфискации их имений, так и о смягчении

или отмене наказаний, коим они по судебному приговору подвергаться будут.

8. Если бы в пределах вверенных Вам губерний появились заграничные эмисары, то тех из них, которые взяты будут с оружием в руках, судить по Полевому Уголовному Уложению и судебные приговоры об них представлять на окончательное утверждение Главнокомандующего Действующей Армиею и приводить в исполнение по его предписаниям, тех же иностранцев, которые хотя и не будут взяты с оружием в руках, но явно будут изобличены в распространении возмутительных воззваний и преступных сношениях с заграничными нарушителями общественного порядка подвергать строгому заключению и о дальнейшей их участи, с представлением о проступках их следственных дел испрашивать разрешение Главнокомандующего Действующей Армиею.

9. Наконец что касается до тех лиц, кои хотя и не будут изобличены участниками в мятеже, но навлекут на себя подозрение образом мыслей или какими-либо непозволительными сношениями, то Вы не оставите принять зависящих от Вас мер к учреждению строгого над ними надзора и к отнятию от них всех способов к дальнейшим во вред правительству действиям.

На подлинном написано собственною его величества рукою «Николай».

По всеподданнейшему письму г-на главнокомандующего действующею армиею о вторжении мятежника Бама с венгерскими войсками в Буковину ¹

Секретно.

Проект предписания г. командиру 5-го пехотного корпуса ².

Ваше высокопревосходительство доносит от 25-го июня что по занятии г. Кезди-Вашаргели вы предписали австрийскому генералу Кляму следовать из г. Рымника через Терцбургское ущелье в г. Кронштадт и что в ожидании прибытия его отряда около 3-го июля вы сосредоточили главные силы ваши при с. Мариенбурге, имея авангард в с. Владейке.

¹ Министерства военного, канцелярии министерства Временного отделения, 1849 г., № 2, часть 2.

² Собственноручная резолюция его величества: «Очень хорошо». 6 июля.

Его величество, получив здесь донесение это, изволил отозваться что вы поступили весьма правильно и осторожно. Вместе с сим, полагая, что г. главнокомандующий действующею армиею снабдил уже вас наставлениями для дальнейших действий, сообразно общему ходу кампании, но не зная скоро ли доходят к вам предписания г. генерал-фельдмаршала, его императорское величество изволил признать неизлишним сообщить вам последние известия из Буковины и Галиции, в том внимании что положение дел и направление военных мероприятий наших в областях, по смежности их с Трансильваниею, не могут быть чужды предстоящим вашему высокопревосходительству распоряжениям.

С наступлением главной армии нашей из Мишкольца, далее к Песту предписано было генералу от кавалерии барону Остен Сакену 1-му двинуться с вверенным ему отрядом из Стрый чрез Дуклу, Бартфельд, Епернесь и Кашау в Мишколец для обеспечения операционной линии армии, предоставив охранение восточной части Галиции австрийским войскам там находящимся. Вследствие сего барон Сакен уже выступил из Стрый и должен прибыть в Дуклу 9 июля.

Между тем получены сведения из Лемберга о значительных сборах мятежников в Шигете и о намерении их вторгнуться в Галицию, по направлению на Делятин и Станиславов. Из отряда генерал лейтенанта Гротенгельма дошли известия разногласные, состоящий при сем генерале флигель адъютант Тимашев донес, что Бэм занимает г. Быстриц с 15 тыс. чел., а по отзыву прибывшего в Лемберг австрийского офицера генерального штаба, Бэм очистил сей город и удалился во внутрь края. Предприимчивость этого мятежника допускает предположение, что пользуясь временным ослаблением войск в Восточной Галиции, он сделает покушение вторгнуться в этот край.

В таких обстоятельствах, государю императору благоугодно было повелеть генералу барону Сакену приостановить начатое им движение в Венгрию, буде подтвердятся слухи о намерении неприятеля проникнуть в Галицию и в этом случае подступить к угрожаемому пункту дабы отразить всякое дерзкое покушение, совместно с генералом лейтенантом Шебельским. Сему же генералу поручено до прибытия барона Сакена, принять соответствующие меры к охранению внешней и внутренней безопасности края и на сей

конец направить в Восточную Галицию часть драгунского корпуса.

Предписания с объявлением сих высочайших повелений отправлены к этим двум генералам отсюда, вчерашнего числа, с нарочным фельдъегерем.

С другой стороны и положение генерал лейтенанта Гротенгельма может возбудить некоторые опасения, если Бэм обратится против него с превосходными силами, дабы проложить себе путь в Галицию чрез Буковину и взволновать край в тылу армии лежащий и западным областям нашим сопредельный. Неблагоприятные последствия, которые произвело бы вторжение этого мятежника в Галицию, определяют всю пользу и важность всякого предприятия, коим выше высокопревосходительство успели бы воспрепятствовать подобному намерению и потому его величество изволит ожидать с живейшим участием первого донесения о предположениях ваших к дальнейшим действиям, по прибытии войск генерала Кляма в Кронштадтский округ.

Вы усмотрели весьма верно, со свойственною вам прозорливостью, что покорение Шеклеров не может быть достигнуто одним лишь расположением войск в земле их, но что для сего необходим решительный удар. В этом отношении удар нанесенный Бэму по всей вероятности отразился бы самым решительным образом между Шеклерами, составляющими большую часть его войск. Разбитие Бэма, в коем они видят главную опору возмущения, укротило бы это буйное племя и за тем успокоение остальной части Трансильвании было бы делом не затруднительным. Но если бы даже обстоятельства несколько замедлили принять решительный в пользу нашу оборот, то во всяком случае наступательное движение войск наших обещает положительные выгоды, особенно когда вы войдете в связь с отрядом генерал лейтенанта Гротенгельма.

Государь император поручив мне сообщить вашему высокопревосходительству вышеизложенные сведения и общий взгляд на положение дел в настоящее время, изволит вполне предоставлять вам, отнюдь не стесняясь в собственных соображениях ваших, действовать согласно развитию местных обстоятельств и по ближайшему усмотрению вашему к исполнению тех наставлений, которые вам даны князем Варшавским. Его величество изволит быть уверенным, что открыв кампанию блистательными подвигами, вы довершите ее с такою же славой. В сем ручаются военные достоинства

ваши, благородное соревнование подведомственных вам начальников, примерное мужество и испытанное в трудах постоянство отличных войск, вступивших с вами в Трансильванию для торжества правого дела.

При самом заключении настоящего отзыва моего получено донесение генерал лейтенанта Гротенгельма о двукратном 15 и 16 июня поражении Бэма атаковавшего его с 12 т. пехоты и 3-мя эскадронами кавалерии при 14-ти орудиях. Мятежники преследуемые на протяжении 30-ти верст отступили к Текендорфу, потеряв до 400 чел. убитыми, 70 чел. пленными и 2 зарядных ящика. Генерал лейтенант Гротенгельм возвратился 17-го июня на прежнюю позицию в Русс-Берг.

Хотя храбростию войск наших разбит превосходный в силах неприятель, но это покушение мятежников подтверждает необходимость нанести Бэму конечный удар дабы лишить его возможности устроиться вновь.

Николай I — Паскевичу ¹

Варшава, 12/24 июня 1849 г.

Перед самой обедней прибыл Ф. А. Берсенев с твоим письмом от 10/22 июня, и я душевно благодарю мой любезный отец командир, что меня не оставляешь без известий о происходящем. Ты знаешь сколько я лишенный счастья быть с вами, тем дорожу. Слава Богу, что и операции при Демоте... нам даром достались. Нет никакого сомнения что движение Ридигера тому причиной; надеюсь что и Эпериес не дороже обойдется. Слышу что Лисецкий имел хорошее дело, дай Бог. Панютин был уже в деле и говорят наши дрались славно, но боюсь чтобы австрийцы не нажили беды, начав рано наступление, не выждав какое изменение произведет твой переход гор. Ждать им было несносно; даваться вперед и теперь столь же отважно как и прежде, покуда в силах и расположении мятежников против них ничего не изменилось. Не так ли? Их надеялся двинуть Граббе вперед но на это не похоже; я предъугадал твой ответ, и тоже пишу Г. А. Бергу. Был бы сам я с Граббе и я на месте решил бы что можно предпринять или нет, но быв в Варшаве, играть роль неглавную австрийского гофкригсрата, противно моим правилам. Граббе дана инструк-

¹ ЛОЦНА, ЛАП. Письма Николая Паскевичу, № 363.

ция, об ней и об силе его отряда австрийцы известны; было б безрассудно вмешиваться в то что предоставлено быть должно соображению и ответственности самого Г. А. Граббе. Так я и отвечал. — Здесь все исправно и хорошо. Гренадеры подходят и глядят молодцами. Кроме их я оставляю из 1 корпуса 1-ую бригаду, 1-ую дивизию здесь и 1 арт. бригаду, дабы в крайности подкрепить Краков по железной дороге 8 бат. и 24 орудиями. Тогда резерв Граббе будет другие 12 бат., 8 орудий, 16 эск. Пруссии тоже держать готовый отряд на случай прорыва венгров в Моравию или австрийскую Шлезию. У Елачича дела идут ладно, он уже в сношениях с Лидерсом, а сам хотя с нуждой от разорения края, но дошел до села Томаса и овладел переправой на Тейсу.

Перцель остался при 6 тыс. и отходит к Чегодину, который укреплен. Покуда я другого не знаю. Кажется на Рейне дела тоже идут хорошо.

Кончаю моей обычной просьбой, береги себя. Молю тебя об этом слезно. Обнимаю от души. Бог с вами.

Твой искренно доброжелательный

Н.

Прошу за меня обнять Костю и всем нашим от меня поклон.

Собственноручная записка Генерал-фельдмаршала о разговоре его с Венгерским генералом Гёргеєм.

Я ему буду говорить Г. Гёргей, если бы вы avez fait cette soumission a Veitzen, ou bien que Vous auriez commencé à parlementé à Veitzen, je vois auré écouté. Nous aurions fait une espèce de treve. J'auré envoyé vos belles (два последних слова не вполне разборчивы.—*P. А.*) proposition à Vienne, enfin nous aurions parlementé:—mais à presen, que vous n'avé pas de cartouche, de poudre, serné par deux armé dont chaque une est plus grande que la Votre; et le corps de Liderse qui reuni: a (слово неразборчиво.—*P. А.*) trente mille home.

Vous vous rendé, vous dite volontèrement, mais Vous pouvée Vous defendre est un peu problematique, mais come pourten; Vous avé avens à d'un mai et peut etre plus la fin de la guerre. —Je vous excepte des autre. Je ferais mon possible pour que Votre sort soit mieux que les autre.

Николай I — Паскевичу ¹

Александрия, 12/24 июня 1850 г.

Кругом виновен перед тобой мой любезный отец командир что досель не отвечал на письмо твое от 27 мая/8 июня. По приезде моем было столько дела, смотров и учений, что едва успевал справлять. Благодарю Бога здесь нашел все в отличном порядке и войсками был почти всеми весьма доволен. Вчера праздновали мы 50-летие моего назначения шефом измайловского полка собрались со всех сторон до 100 старых офицеров и до 300 нижних чинов, и я чувствовал как был глубоко тронут. Было освящение новых знамен и все было величественно, семейно и трогательно. Потом все офицеры и мои сослуживцы старые хрычи как я, обедали у меня. В политике нового ничего нет, а прежние глупости в Берлине и ссоры с Австрией кажется не перестают. Полагать надо, что у датчан скоро будет драка с голыштинцами, и тут объяснится вся фальшивая роль Пруссии. Этому развязка близка. Эскадры мои пошли, будут по ней стрелять, вот и война и быть может и со всеми последствиями на сухом пути. Разве Пруссия образумится, но я на все готов.

Надеюсь что нога твоя зажила и что можешь ехать к себе заглянуть, я также намерен дать себе недели две возможного отдыха, но это трудно мне настроить.

Обнимаю тебя душевно. Жена тебе кланяется. На веки твой искренно благожелательный

Н.

Николай I — Паскевичу ²

Петербург 25 ноября (7 декабря) 1850 г.

Благодарю любезный отец командир за два твоих письма 16/28 и 18/30 чисел. Я на них не отвечал ибо мы были все в ожидании, какой оборот получит в Берлине заключенная в Ольмюце конвенция. Сегодня утром наконец узнали мы, что конвенция королем утверждена, и тем неминуемый разрыв на сей раз мимо шел, но на долго ли? Мудрено отгадать, ибо многое еще осталось неразрешенным, и в этом многом есть же обильный запас предлогов к ссорам и к войне. Но по крайней мере теперь нам нет причины к собственной

¹ ЛОЦИА, ЛАП. Письма Николая Паскевичу, 409.² Там же, 420.

войне и потому можем несколько приостановиться мерами, самая важная таковой передвижение войск. Не берусь на себя решить: остановить их или продолжать передвигать— реши ты по убеждению в удобстве для войск.

Самое важное решить об 7-й и 8-й дивизиях и 1-й бригаде 9-й ежели можно остановить, думаю что лучше их не тревожить; хотя тоже желательно было бы и для других, но прочим по крайней мере не столь дальний и тяжелый переход. Но повторяю, реши ты по твоему убеждению. Молодой император австрийский себя благородно показал. Король прусский так же сумасброден как и всегда, но это крайне жаль. Принц Прусский совершенно сбился с прямого пути, и совратился на все господствующие гибельные мысли об переобразовании Германии через революционную Пруссию. Хороша будущность.

Здесь все тихо и хорошо, погода северная и много гриппов, чего не избег и я и не могу еще оправиться от сильного кашля. Жена тебе кланяется, а я душевно обнимаю. Целую руку княгине.

На веки твой искренно доброжелательный

Н.

Генерал Ридигер — князю Паскевичу ¹

4 августа 1849 г.

Рапорт

1-го августа в 12½ часов полудня, прибыл Гергей в голову своих войск, на позицию занимаемую у Шелка нашими войсками и подтвердил мне лично в присутствии своего штаба о намерении своем положить оружие перед российскими войсками и сдать их всех безусловно военнопленными. Вслед за тем начали подходить войска его, состоявшие из 1-го, 3-го и 7 корпусов особого резерва присоединившегося к нему от войск облежавших Темешвар— артиллерийского и понтонного парков.

Войска прибывали и строились в общее расположение, которые Гергей предполагал окончить к 3-м часам, и тогда передать в полной совокупности. Между тем войска его стягивались весьма медленно и были растянуты по всей дороге от Валогоса до Шелиса; так что к 6 часам вечера

¹ Управление генерал-квартирмейстера действующей армии по описи № 20. Военно-исторический архив, № 5351.

собрались только 7-й и 3-й корпуса; 1-й находился в следовании, а резерв и парки еще в самом Валогосе; — и как войска эти имели регулярный только собственно кадр, наполненный людьми, хотя вполне одушевленными, но не подчиненными еще такой дисциплине, которая не допускала бы никому выйти из рядов своих, — то и не имел Гергей возможности определить в точности окончательного времени их прибытия, и нельзя было избежать, чтобы люди не отставали от частей своих, так что в каждом батальоне едва половина приходила на место, а остальные были, разсыяны по всей дороге.

Желая не терять ни минуты времени на дальнейшее уже ожидание, решился я приступить к обезоружению прибывших на позицию частей, не откладывая до дальнейшего сбора отсталых, лишь бы скорее окончить отделение от людей их оружия и приобретение орудий — без чего в таком войске, как Гергея, кои не быв разбиты складывают оружие по одному убеждению своего предводителя, имея еще достаточные средства для продолжения действий и все пути в Трансильванию открытыми, малейшее колебание, могла бы увлечь прибывшие корпуса, броситься в Трансильванию, и там продолжать войну о чем еще накануне были толки в войсках Гергея не только между нижними чинами, но даже между генералами, — и каковые толки могли быть подавлены одним нравственным влиянием Гергея на войска им предводительствуемые; — и хотя генерал Берг утверждает, сходно донесению августейшего генерала Шлика, что войска Гергея, видя себя окруженными со всех сторон и не имея более средства к спасению, обратились к форпостам моим чтобы сдаться, войска эти перед коими Австрийский же генерал Гайнау еще 1 (13) августа не считал себя в состоянии удержаться и просил меня убедительнейше соединиться с ним — вовсе не имел того вида, который предписывает им генерал Берг, — а напротив того все единодушно желали сразиться с Австрийцами с полною уверенностью разбить их, если только русские не примут участия в бою.

Все предположенное мною исполнено без малейшего недоразумения: войска обезоружены, орудия, зарядные ящики, парки, лошади, запасные вещи, все полностью принято — несмотря на наступившую темноту и на необходимость ночью продолжать начатое, нельзя было только сохранить ясности в письменной отчетности, тем более, что Гергей и сам

не мог знать настоящей численности войск своих, с одной стороны потому что перед тем были потеряны все дела его походной канцелярии, с другой потому, что начиная от выступления их Арада, узнав о сдаче своей, люди его, бросая ружья и ряды свои, стали расходиться по всем направлениям. От этого приведение в ясность всего принятого без счета, без реестров, ночью, встречало необыкновенные затруднения и не могло быть прежде сего окончено. Чтобы иметь однакоже, хотя приблизительное какое либо основание всего бывшего у Гергея до сдачи, пригласил я его доставить мне ведомость о численности всего бывшего в его войсках. Ведомость эту нельзя было составить по фактам, утерянным как выше сказано, и оставалось исполнить это по голословным показаниям начальников частей. Означенную ведомость имел я честь предоставить Вашей Светлости и ныне еще раз прилагаю, при предоставлении нашей ведомости о всем действительно на лицо теперь оказавшем для течения обеих. При сем оказывается: 1) Число знамен и штандартов несколько разнствуют от того, что прибывшие ночью войска не охотно разставались с ними, снимали их с древков и утаивали, — боясь чтобы они не были переданы австрийцам.

2) Число генералов, штаб- и обер-офицеров — не было в точности им известно, по неимению именных списков, кои теперь только составляются.

3) Число нижних чинов и строевых лошадей, значительно разнствует, как выше изложено, частью от неимения об них положительных у Гергея сведений, а частью от расхождения большей части из них до передачи, частью во время самой передачи и ночью при сопровождении их, до окончательного сведения счета им и распределения на десятки, сотни и тысячи. — Из числа же штаб- и обер-офицеров все состоит как показано.

4) Число орудий и ракетных станков бывших при корпусе, принято все сполна, из орудий же бывших в резерве, принято два; а вместо трех показанных по ведомости Гергея, о коих он не имел впрочем и сам положительных сведений, брошено было в Вилагоше 7 венгерцами, кои ныне и находятся там у прибывшего туда спустя два дня т. е. 3 числа Австрийского батальона, и о которых я сделал сношение с Генералом Шлихом, дабы они вошли в общее число орудий, которые будут переданы Австрийской армии.

5) Все ручное оружие, принято и подобрано с малою

от показаний Гергея разницею, — ибо в числе войск его не у всех были ружья.

6) Понтоны, казенные обозы приняты все сполна.

О всем изложенном почтительнейше донося Вашей светлости имею честь присовокупить, что при всей готовности сохранить строжайший порядок в численности пленных, не дозволив ни одному отлучиться из рядов, не было возможности исполнить этого при тогдашнем положении дел, и ежеминутно угрожающей опасности, чтобы методическая передача оружия долее продолжающаяся, темнота и появление Австрийцев при общей к ним ненависти, — не подала бы какого повода к возобновлению кровопролития.

Генерал-Адъютант Граф Ридигер

№ 6469, 4 августа 1849 г.

Донесение генер.-фельдм. государю императору о передаче военнопленных [австрийским властям]¹

» » Гросс-Вардейн августа 1849 г.

Копия

Всепокорнейше доношу Вашему императорскому величеству, что главнокомандующий Австрийскою армиею обратился ко мне, дабы все военнопленные, по разделении их на три отдельные разряда, по степени их вины, были направлены в разные места для передачи австрийским властям.

Имея в виду, что нам нет никакой возможности сделать такого разделения, я просил генерала Барона Гайнау о распоряжении, дабы все военнопленные, а равно артиллерия, оружие и тому подобное, были приняты австрийскими войсками на местах теперешнего их нахождения около Шаркая.

Относительно же самого Гергея, то имея в виду, что он не только положил оружие со всеми войсками, под его начальством состоявшими, но еще содействовал сдаче кр. Арада и послал письмо в Коморн, дабы склонить Клапку сдать эту крепость и в несколько мятежнических отрядов, советуя им положить оружие, я на основании Высочайшего разрешения Вашего Императорского Величества, последовавшего 29 мая (10 июня), оставляю его, ровно как его двух братьев и трех адъютантов при моей главной квартире.

¹ ЛОЦИА, ЛАП, № 45.

Гросс-Вардейн » » августа 1849 г. ¹

Копия

Венгерские войска не хотели иначе слагать оружие, как перед русскими. Надобно было этим расположением умов воспользоваться; если бы тотчас переданы были австрийцам войска Гергея и Арадский гарнизон, то другие мятежнические отряды, испугавшись, не искали бы случая сдаваться нам. Вчера 8-мь эскадронов с 5-ю штандартами в один день сделали 72 версты боковыми дорогами, чтобы положить оружие в Гросс-Вардейне. Ненависть к австрийцам велика, в этом виновны не русские, а собственно их поведение или прежнее, или теперешнее, и слова их главнокомандующего, который говорил, что всех расстреляет или перевешает. В этих словах венгерцы уверились; и это одна из причин, отчего они сдаются русским.

Сегодня таким же образом, как сказано выше, один эскадрон с 4-мя орудиями явились также для сдачи в Гросс-Вардейн. Мера эта, кою я удержал несколько дней передачу пленных австрийцам, ныне делается уже ненужною, ибо дела приходят к концу, и последние Шеклерские войска сдаются или бегут, и корпус Вичея, в числе около 10 т., сдаются также нашим войскам.

Посему я делаю распоряжение о немедленной передаче пленных австрийцам, о чем и доношу всеподданнейше Вашему императорскому Величеству.

Собственноручная записка его светлости о военных действиях в Венгрии ²

Даже не совершенно разбив Гергея, я уверен был, что я окончу кампанию. Но если бы Гергей взял Капау и Епернас, где есть порох, ядра и 20 000 провианта, я не мог бы продолжать кампанию в продолжении по крайней мере 25 недель. На австрийцев я не надеялся и не дал провианта.

Пол-отказа Г. Гайнау: *Premièrement tout pour moi et mon armée.*

Так как сдача Гергея собственно Вашим войскам для австрийцев очень больно, то я дабы умягчить послал прямо к Австрийскому императору.

¹ ЛОЦИА, ЛАП, № 84.

² ЛОЦИА, ЛАП, № 92. Папка XV, № 147 В. Булаги, относящиеся до венгерской войны 1849 г.

Паскевич — Николаю I ¹

Доклады

Откровенность Гр. Зичи проистекает из глубокого чувства непоколебимой преданности к чисто монархическим началам; — хотя он Венгерец и пламенно любит свое отечество, но не менее того душевно предан ав. династии по наследственному чувству законности. Сверх того он также убежден, что при настоящем необузданном разгаре страстей между народами составляющими ав. монархию, как для Венгрии, так и для всей Австрийской империи нет другого спасения как восстановление монархической власти во всей ее силе и первобытном величии.

Он уверен, что возвращение к сему спасительному началу не только возможно, но даже легко.

Препятствием к этому служат единственно страсти и личные виды демагогов, которые воспользовавшись отечественными бедствиями, успели занять высшие правительственные места в государстве и весьма хорошо понимают, что с восстановлением им власти их пагубное влияние должно исчезнуть.

Опасаясь сего они пользуются молодостью императора, чтобы загородить все доступы к нему доброммыслящим лицам, составляющим консервативную партию на челе коей стоит гн. Виндишгрец.

В таком положении дел поборники монархической власти, следовательно общественного порядка в Европе, обращают взоры и надежды свои единственно к в. и. в.

Один вы, государь, личным вашим влиянием на императора, питающего чувства нелицемерной благодарности и привязанности к в. в. в состоянии подать руку помощи погибающей по мнению их Австрии.

В продолжении одного из сих свиданий между ними произошла совершенная размолвка о коей долгом считаю в подробности донести в. в., ибо в ней ярко высказалась ненависть к России радикальной партии Министерства, управляющей ныне Австриею.

В разговоре сем г-н Крауз² пытался было отклонить предложенный посредством Гр. Зичи новый способ ликвидации общими цифрами давая чувствовать всю выгоду обра-

¹ ЛОЦИЯ, ЛАП, там-же.

² Министр финансов.

титься к ликвидации на основании конвенции и следовательно опровергнуть уже принятую графом Зичи цифру.

Видя в такой недобросовестности личное для себя оскорбление, Гр. Зичи ответил: что такое предложение возбудило бы справедливое негодование в. и. в. и что не должно забывать великой услуги, столь недавно оказанной ав. монархии.

На сие г-н Крауз сказал: мне кажется граф, что вы сделали совершенно русским судя по той горячности с которою вы защищаете права России, знаете ли, что я с своей стороны весьма сожалею о том, что Австрия прибегнула к помощи России и по моему убеждению, я бы даже предпочел сей помощи, видеть Венгрию независимую.

Гр. Зичи презрительно возразил, что он не русский, но верноподданный ав. монархии, дорожающий честью своего государя и что впрочем он видит в тесном союзе с Россиею залог не только благоденствия, но существования Австрии¹.

Варшава, 3/15 февраля 1850 г.

Я не много ошибся, когда я первоначально имел счастье доводить до высочайшего сведения вашего императорского величества, что издержки подлежащие возврату от Австрии могут простираются по Главной армии с отрядом генерала Гротенгельма от 3 500 000 до 4 000 000 рублей сер.

Ныне по окончании всех счетов выведенных по точному смыслу конвенции, которая по великодушию вашего императорского величества ограничила наши требования одними издержками за продовольствие.

Цифра этих издержек по Главной армии доходит только до 3 500 000 р. сер.

Впрочем это уменьшение против первоначального предположения моего не так разительно, как по корпусу генерал-адъютанта Лидерса, ибо по Главной армии издержки уменьшились на 500 000 р. сер., — а по корпусу ген. Лидерса, как сообщил мне военный министр, из предполагавшихся мною 500 000 уменьшились на 300 000 руб. сер., т. е. более чем на половину.

Но я не смею скрыть пред вашим величеством, что для округления цифры допущено мною некоторое увеличение цен на продовольственные предметы Главной армии.

До приступления же к переговорам с Уполномоченным

¹ См. выше, гл. V.

Австрийского правительства графом Зичи я буду ожидать разрешения вашего императорского величества.

С подлинным верно С. Панютин¹,

Варшава, ...февраля 1850 г.

По достоверным сведениям известно, что последний приказ барона Гайнау в котором он отдает должную справедливость нашим войскам писан им в главной его квартире, но прислан к нему с нарочным из Вены с повелением от императора безотлагательно отдать оный по вверенной ему армии, так как не смотря на настояния своего правительства он сам на то никак не соглашался².

Варшава, ...марта 1850 г.

Всеподданнейшим поставляю долгом довести до высочайшего сведения в. и. в., что гр. Зичи, по возвращении своем в Варшаву сообщил мне важнейшие обстоятельства пребывания своего в Вене и убедительно прося при том сохранить это в совершенной тайне.

Ваше императорское величество изволите усмотреть из рассказа гр. Зичи какое вредное влияние имеет радикальная партия венского министерства на юного императора, как она успела уже ослабить власть его и пользуясь легкомысленностью К. III. явно стремится сделать его орудием демократической партии. Когда гр. Зичи сказал о количестве суммы подлежащей нам к возврату от Австрии, то весь Совет министерства не мог скрыть своего удивления и радости и в первое мгновение объявил, что беспримерное в истории великодушие в. в. возлагает на Австрию необходимую обязанность сделать все возможные усилия для уплаты в самом непродолжительном времени следующей нам суммы.

Гр. Зичи не полагаясь на одни слова, требовал чтобы принятая им цифра была ратификована императором, на что последовало общее согласие, и чтобы уплата произведена была наличными деньгами по истечении срока, установленного конвенциею, а в случае решительной невозможности удовлетворить законные требования России, просить в виде снисхождения назначить срок уплаты в течении года или не более двух лет.

¹ См. выше, гл. V.

² Там же.

При конце заседания министр финансов описав бедственное состояние финансов империи просил дать ему два или три дня для представления окончательных своих предложений.

Между тем, имея уже и тогда в виду отдалить на неопределенное время уплату, он воспользовался нашим требованием соединить Краковские расчеты 1846 г. с расчетами за Венгерскую войну и настаивал, чтобы для внимательной проверки счетов 1846 г. назначили ему особый срок.

Гр. Зичи с негодованием отклонил это предложение и был в сем случае сильно поддержан К. Ш.

После этого заседания гр. Зичи бдительно следя за ходом дела имел неоднократно совещания с М. Ф.

Тогда он лично обратился к императору, которому решился сказать, что если Австрийская монархия не пала под крамольными усилиями врагов престола, то она этим обязана может быть единственно дружеской помощи в. и. в., что не смотря на весьма значительные пожертвования России столь решительное вспомоществование обошлось Австрии только в 3 700 000 р., что за тем Россия имеет полное право полагаться на признательность Австрии и ожидать, что она употребит все усилия к уплате столь священного долга. В заключение гр. Зичи, желая предупредить дальнейшие со стороны министерства препятствия, просил изустного повеления имп. немедленно возвратиться в Варшаву для поспешнейшего окончания дела на условиях, изложенных министерству.

Император, выслушав гр. Зичи с большим вниманием, отвечал что он глубоко проникнут великодушием в. и. в. и никогда не забудет этого и потому желая как можно поспешнее окончить это дело уполномочивает гр. Зичи ехать в Варшаву после заседания Совета министров, которому он объявил решительную волю свою уплатить в самом непродолжительном времени всю причитающуюся нам сумму.

Действительно на другой день император повторил те же самые слова в совете министров. Вечером же потребовав к себе гр. Зичи объявил, что ратификуя принятие объявленной нами цифры совершенно предоставляет ему закончить окончательные условия уплаты и приказывает сколь возможно поспешнее возвратиться в Варшаву.

На другой день гр. Зичи прощаясь с К. Ш., передал ему изустное повеление своего государя. К. Ш. сказал что не видит никакого препятствия к его отъезду и что определение

сроков уплаты предоставляется совершенно его усмотрению, но что считает долгом обратить внимание его на затруднительное положение государственных финансов, присовокупив слегка, что он впрочем получит некоторые письменные сообщения М. Ф.

Таким образом гр. Зичи был совершенно уверен, что окончательные условия уплаты предоставляются его усмотрению и твердо был намерен предложить нам уплату немедленно по крайней мере 1 500 000 р. сер. с рассрочкою другого полутора миллиона на год или на два с тем, чтобы за остальную сумму 700 000 была принята соль.

В противность однакож этим уверениям председателя совета министров и даже самого императора он за час до своего отъезда получил бумагу из министерства финансов, но за подписью К. Ш., в коей определен новый способ уплаты, с возложением всякого отступления от главных условий оного на его личную ответственность.

Способ сей заключается в следующем:

Несмотря на справедливость наших требований Австр. правительство находясь в совершенной невозможности сделать значительную уплату наличными деньгами, а также подвергнуть государственный кредит неминуемой опасности от размена вдруг большого количества фондов австр. прав. предлагает вручить нам за 3/м руб. сер. 5% металиков, проценты от коих уплачиваются не бумагами, но звонкою монетою с наддачею 30% на все количество причитающихся нам фондов для покрытия разницы биржевого курса, также и на случай понижения оного с тем однакож условием, что мы не будем получать процентов на эту наддачу.

За тем австрийцы обязываются разменять означенные фонды на золото или серебро в течении 3-х лет, а именно: по одному миллиону ежегодно или все 3 милл. по истечении трех лет.

ИСТОЧНИКИ

А. Архивные материалы

Дипломатические источники принадлежат к следующим фондам архива бывшего министерства иностранных дел, находящегося ныне в «Архиве революции и внешней политики» в Москве.

I. Архив канцелярии министра:

а) папки Vienne за 1848—1849 гг., цитируется Vienne, год, дата, № папок, донесения из Вены и экспедиции в Вену за 1848—1849 гг.;

б) папки Londres за 1848—1849 гг., цитируется Londres. То же за те же годы;

в) папки Constantinople, цитируется Const. или Bujacderé. То же за те же годы.

II. Главный архив:

а) папки, относящиеся к консульским донесениям;

б) папки, относящиеся к департаменту внешней торговли.

III. Военно-ученый архив главного штаба, ныне находящийся в Военно-историческом архиве в г. Москве, цитируется Военно-исторический архив, № дела:

а) Управление генерал-квартирмейстера действующей армии;

б) письма князя Паскевича командующим различными армиями, находящимися в Венгрии. цитируются письма Паскевича;

в) архив военного министра, цитируется АВМ;

г) донесение Берга Паскевичу и пр.

IV. Личный архив Паскевича, находящийся в настоящее время в Ленинградском отделении Центрального исторического архива цитируется ЛОЦИА, ЛАП.

Архив содержит всю переписку Паскевича во время кампании, инструкции командующим отдельными армиями, неопубликованную переписку Николая и Паскевича.

V. Архив канцелярии военного министерства, находящийся в Ленинграде. ЛОЦИА цитируется АКВМ.

VI. Архив полевого аудиторната действующей армии (главный штаб) находится в Ленинграде (Ленинградское отделение Центрархива), цитируется Арх. пол. ауд., военно-судные дела, дела о побегах и пр.

Кроме этих фондов мною использованы папки Turquie Sultan 1849. Канцелярские письма (переписка Николая I с турецким султаном); по общему архиву — архив азиатского департамента, папки Константинополь и др. Использованная мною многочисленная мемуарная литература и письма указаны в прилагаемом здесь списке.

Ряд архивных документов дан в приложениях; из них первые 11 документов были напечатаны мною в «Красном архиве» 1931 г., № 47—48.

Б. Печатные материалы

- Государственная внешняя торговля в разных ее видах, СПб 1847.
 1848, 1849, 1850 гг. (отчеты, издаваемые департаментом внешней торговли).
Журнал мануфактуры и торговли за 1847 и 1848 гг.
Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, т. IV, т. XII, 1892—1895 гг.
Щербатов, Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, т. VI, 1887 г.
Дараган, Записки о войне в Трансильвании, 1859 г.
Шенгелев, Сдача. Косинки. Эпизод из венгерской кампании 1849 г., «Исторический вестник», 1904 г., т. XLVII.
 Из воспоминаний 1849 г. — О поляке, погубившем русских солдат.
 «Русский архив», 1877 г., т. III.
Ридигер, Из воспоминаний о венгерской кампании 1849 г. «Русская старина», 1898 г., т. XCIV.
Лихутин, Записки о походе в Венгрию 1849 г. М. 1875.
А. Алексеевко, Венгерская война. Из воспоминаний старого служака.
 «Русский архив», 1890 г., т. III.
Ashley, The life of Henry John Temple viscount Palmerston, B. II, London 1898.
 Aus dem Tagebuch eines ungarischen Emigranten (anonym), Leipzig 1885.
Theodor von Bernhardt, Unter Nikolaus I und Friedrich-Wilhelm IV.
Görgei, Mein Leben und Wirken in Ungarn, I—III, Leipzig 1852.
Michael Horvath, Aus Ludwig Kossuth's neueren Briefen, Pest 1868.
Klapka, Aus meinen Erinnerungen, Zürich 1878.
Korn, Die Russen in Ungarn und die Ungarn in Deutschland, Hamburg 1852.
Louis Kossuth, L'Europe, l'Autriche et l'Hongrie, Bruxelles 1859.
Ludwig Kossut, Schriften aus der Emigration.
Peter von Meyendorff, Pol. und priv. Briefe 1826—1863; von Otto Hoetz, 1923.
 «Neue Rheinische Zeitung» 1848—1849.
Pulzky, Meine Zeit, mein Leben, B. IV, 1880—1883.
Comte de Nesselrode, Lettres et papiers du Chancelier 1760—1856, t. IX.
Scalay, Aktenstücke zur Geschichte der ungarischen Gesandtschaft in Deutschland, Zürich 1849.
Teleki, Die russische Intervention in Ungarn. Mit diplomatischen Aktenstücken, Hamburg 1850.
Tocqueville, Souvenirs d'Alexis de Tocqueville, Paris 1893.
Wielopolski, Politique du Cabinet Russe, Paris 1847.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин, Китайская война, т. IV, стр. 63.

Ленин, События на Балканах и в Персии, т. XII, стр. 362.

Ленин, Итоги дискуссии о самоопределении, т. XIX, стр. 257.

Сталин, Вопросы ленинизма, изд. X, стр. 46.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VI, К. Маркс и Ф. Энгельс и Русская нота.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VII, Ф. Энгельс, Революционная борьба в Венгрии.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VII, Ф. Энгельс, Кельнская газета в борьбе мадьяр.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VII, К. Маркс и Ф. Энгельс, Русские.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VII, К. Маркс и Ф. Энгельс, Царь и его князьки.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XI, часть 2-я, Ф. Энгельс, Бем.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XII, часть 1-я, К. Маркс, Господин Фогт.

Балабанов, Россия и европейская революция в прошлом. Революция 1848 г., изд. «Украина» 1924 г.

Берг, О польских заговорах и восстаниях, 1870 г.

Богданович и Лебедев, Очерк венгерской войны против венгерских мятежников в 1849 г.

Бровер, Украина на переломі до промислового капитализму, издавництво «Пролетар», 1931.

Витчевский, Торговая, таможенная и промысловая политика России.

Ладыженский, История русского таможенного тарифа, 1886.

Лихутин, Записки о походе в Венгрию 1849 г., М. 1875.

Мигулин, Русский государственный кредит, Харьков 1899.

Небольсин, Статистическое обозрение внешней торговли России, т. I—II, 1850.

Небольсин, Статистические записки о внешней торговле России, т. I—II, 1835.

А. А. Нифонтов, 1848 год в России, М. 1931.

Орсус, Описание венгерской войны 1849 г., п. 1880.

М. Н. Покровский, Русская история, т. IV, 1920.

» Внешняя политика. Сборник статей, 1917.

» Дипломатия и войны царской России.

» Восточный вопрос, БСЭ, т. XIII.

Семенов, Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности, т. III, 1859.

- К. Скальковский*, Опыт хозяйственной статистики, Новороссийск. — Одесса, 1853.
- К. Скальковский*, Русский торговый флот на Черном и Азовском морях, Петербург 1887.
- К. Скальковский*, Первое тридцатилетие истории города Одессы, 1837.
- М. Туган-Барановский*, Русская фабрика в прошлом и настоящем, 1923.
- Тенгоборский*, О производительных силах России, ч. 1-я и 2-я, 1858.
- Устряков*, Описание войны в Трансильвании в 1849 г., 1858.
- W. Alter*, Die auswärtige Politik der ungarischen Revolution 1848 — 1849, Berlin 1912.
- Bulwer*, The life of Lord Palmerston, 2 Bände, Leipzig 1878.
- Edmond Bapst*, Les origines de la guerre de Crimée, Paris 1912.
- Castille*, Louis Kossuth, Paris 1859.
- Chaisés*, La déchéance, Paris 1853.
- Danzer*, Dembinski in Ungarn, 2 Bände, Wien 1875.
- Destramberg*, La Russie et ses accusateurs de la question d'Orient, 1854.
- Boretsky-Bergfeld*, La Russie et la Révolution Hongroise de 1848 — 1849, «Revue de Hongrie», cinquième année, t. IX, № 3, 1912.
- Bernhard Becker*, Die Reaktion in Deutschland gegen die Revolution von 1848, Wien 1869.
- Heinrich Ditz*, Die ungarische Landwirtschaft, Leipzig 1867.
- Incze*, Die Geschichte des 15 März 1848 in Budapest, Budapest 1849.
- Friedjung*, Österreich von 1848 bis 1860, 2 Bände, Stuttgart 1908.
- Oskar Födal*, Der Krieg in Ungarn mit einer Geschichte der serbischen und croatischen Wirren, Mannheim 1849.
- Alfred Fischel*, Der Panslawismus bis zum Weltkrieg, Stuttgart und Berlin 1919.
- Donald Green*, L'Angleterre, La France et la Révolution de 1848, Paris 1925.
- Gruenberg*, Studien zu Oesterreichischen Agrargeschichte, Leipzig 1901.
- Helfert*, Geschichte Oesterreichs vom Ausgang des Wiener Oktoberaufstandes, 4 Bd., Prag 1869—1886.
- Holtzer*, Die Entwicklung der ungarischen Textilindustrie, 1927.
- Heiderich und Schilder*, Die Produktivkräfte Oesterreichs, Wien 1912.
- Hudeczek*, Oesterreichische Handelspolitik im Vormärz, 1815—1848.
- Michael Horvath*, Geschichte der Ungarn, Pest 1851, B. I, II.
- Imrefi*, Die Ungarischen Flüchtlinge in der Türkei, Leipzig 1851.
- Iranyi et Chassin*, Histoire politique de la révolution de Hongrie en 1848—1849, 2 vols, Paris 1854—1850.
- Karl Kaser*, Der innerösterreichische Eisenhandel, 1927.
- Hermann Kriebel*, Feldmarschall Fürst Windisch-Grätz, 1797—1862, Innsbruck 1929.
- Siegfried Kapper*, Die serbische Bewegung in Süd-Ungarn, Berlin 1881.
- Kossuth und seine Bannerschaft*. Silhouetten aus dem Nachmärz, Pest 1850.
- Kossuth*, Seine Laufbahn und seine Verbrechen, Leipzig 1854.
- Dr. Paula Geist Lanyi*, Das Nationalitätenproblem auf dem Reichstag zu Kremsier, München 1920.
- Lisicki*, Le Marquis Wielopolski, sa vie et son temps, 1803—1877.

- Alexander Matlekovits*, Die Zollpolitik der Österreichisch-ungarischen Monarchie von 1850 bis zur Gegenwart, Budapest 1877.
- Mamroth*, Die Entwicklung der Österreichisch-Deutschen Handelsbeziehungen.
- Joseph de Mailath*, La Hongrie rurale, sociale et politique, Paris 1909.
- Preyer*, Die Ungarischen Baners. Pest 1838.
- Lane Poole*, The Life of Canning, v. I—II, London 1888.
- Stejer*, Haynau és Pazskievics az 1849; kitronposztás eiözmenyei és kovetkezmenyei 2 Haynau es Paskievics I—II. 3 Görgey es Kossuth.
- Springer*, Geschichte Österreichs seit dem Wiener Frieden, 1809, B. I—II.
- Sproxton, Charles*, Palmerston and the Hungarian Revolution, Cambridge 1919.
- Rudolf Sieghart*, Zolltrennung und Zolleinheit, Wien 1915.
- Semere*, Graf Bathiany, A. Görgei, L. Kossuth No 1—3, 1853, Hamburg.
- Springer*, Geschichte Österreichs seit dem Wiener Frieden, 2 Bände, 1865.
- Schiemann Theodor*, Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I, B. 4.
- Szilagy*, Die letzten Tagen der ungarischen Revolution, Budapest 1850.
- Ervin Szabo*, Tarsadalmi es Partharok a 48/49 Magyar Forradalomban.
- Erwin Szabo*, Aus den Parteien und Klassen-Kämpfen in der ungarischen Revolution 1848. Arch. f. G. des Socialismus und der Arbeit, 1917.
- Wertheimer*, Graf Julius Andrassy, sein Leben und seine Zeit, Bd I, Stuttgart 1910.
- Herman Wendel*, Der Pragen Slavenken ... Die Gesellschaft. 1926. XI.
- Wurm*, Diplomatische Geschichte der Orientalischen Frage, Leipzig 1858.
- Wilh. Vragessy*, Gespräche mit einem Ungarischen Revolüt. General «Deutsche Revue», 1898, I—4.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	<i>Стр.</i> 5

Глава первая

Предпосылки царской интервенции в Венгрии	31

Глава вторая

Борьба Николая I с европейским революционным движением	49

Глава третья

Австро-венгерская борьба и организация интервенции	73

Глава четвертая

Царские войска в Венгрии	118

Глава пятая

Расправа	131

Глава шестая

Россия и Англия	201

Глава седьмая

Польско-венгерская эмиграция в Турции и военная тревога 1849 г.	221

Выводы	266

ПРИЛОЖЕНИЯ

Д несения русских послов в Вене и Лондоне	271

Военные донесения. Переписка Николая с Паскевичем и др.	305

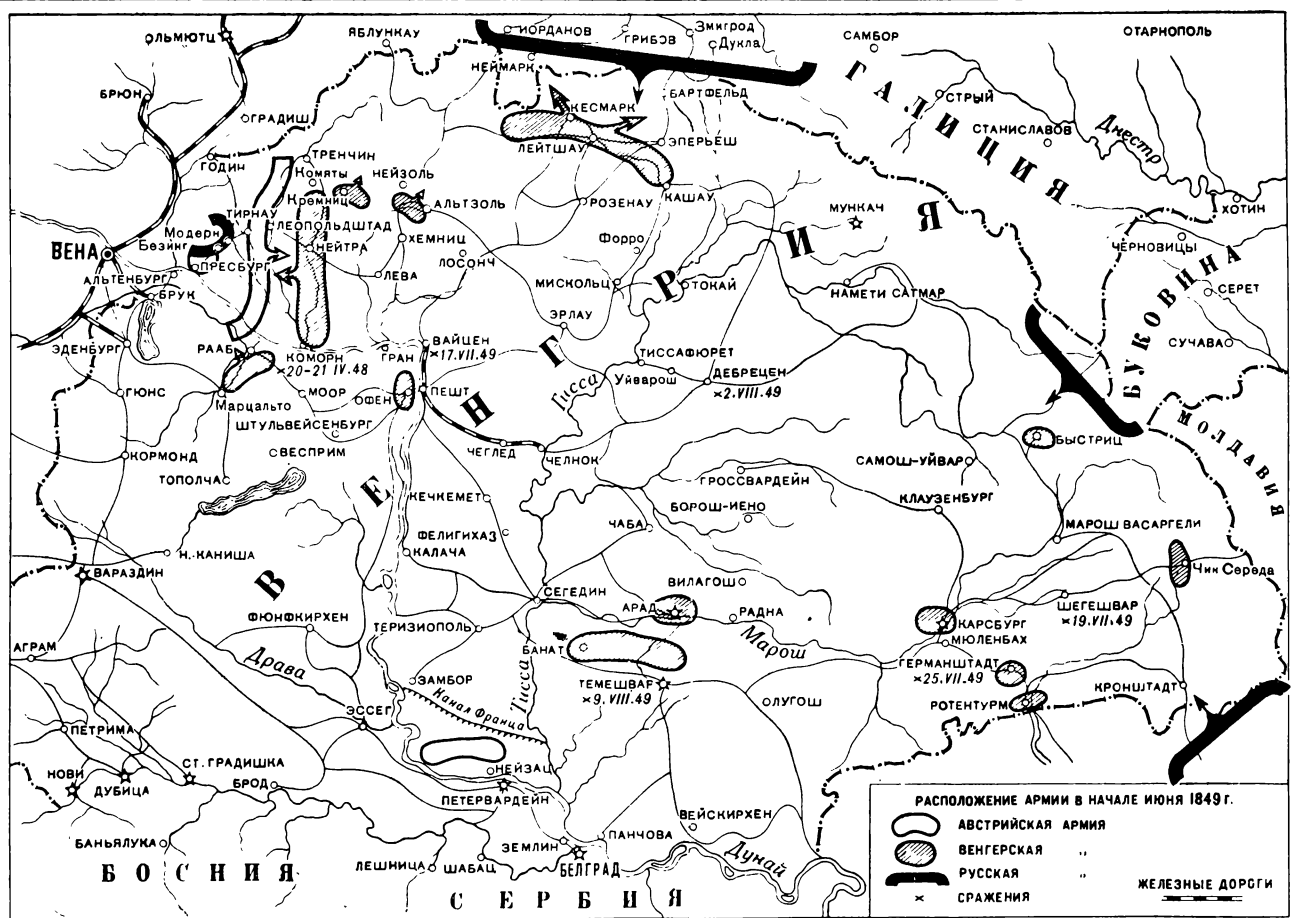
ОСНОВНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ В КАРТЕ

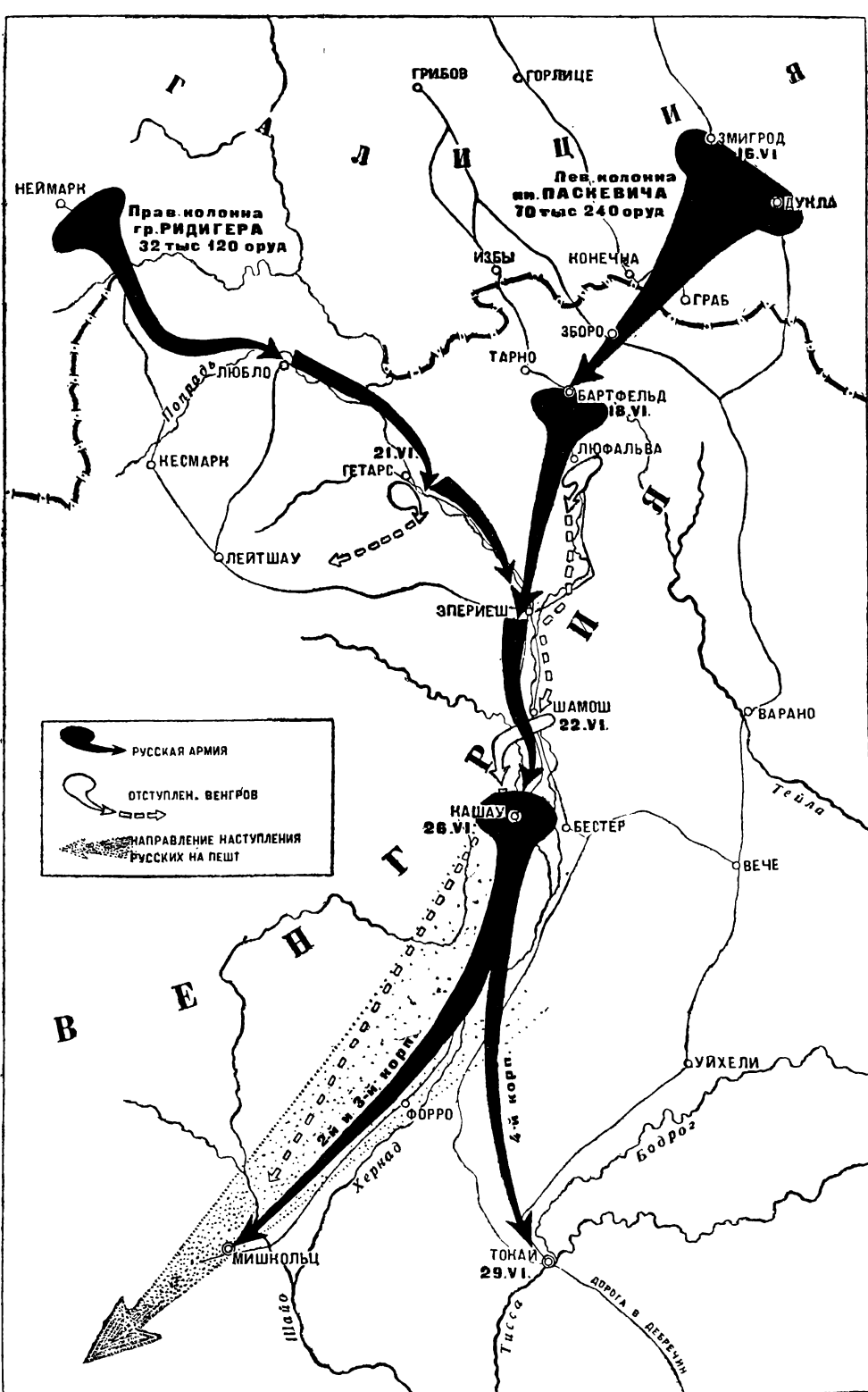
Немецкое название

Дебrecин
Мискольц
Сегедин
Коморн
Марош Васаргели
Офен
Гроссвардейн
Клаузенбург
Германштадт
Кронштадт
Чеглед
Вайцен
Петервардейн
Бартфельд
Эденбург
Геделло
Рааб
Землин

Венгерское название

Дебрецен
Мишколц
Сегед
Комаром
Марош Вашаргели
Буда
На ь-Варад
Коложвар
Надь-Себен
Брашо
Цеглед
Вац
Петерварад
Бартфа
Шопрон
Гёдёллё
Дьёр
Зимонь

ВАЖНЕЙШИЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
40	20 сверху	наших мни- стерств	министерств
46	последняя в примечании	война	войны
78	6 снизу	Такова цель дей- ствий нашего „милостивого императора и короля“	Такова цель дей- ствий нашего милостивого императора и короля“
82	16 сверху	от границ Семи- градья до Сегедина	от границ Семи- градья до Сегеда
182	23 сверху	чиновника мни- стерства финансов князя Ворониец- кого	ряд чиновников министерства фи- нансов, а также князя Ворониец- кого
182	Примечание, 3-я строка	Мейдерснах	Мсалерснах

По техническому недосмотру пропущено название 2-й карты — „Движение царских войск в Венгрии“.

А в е р б у х. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией.

Цена 5 р.

ЦАРСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В БОРЬБЕ С ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ